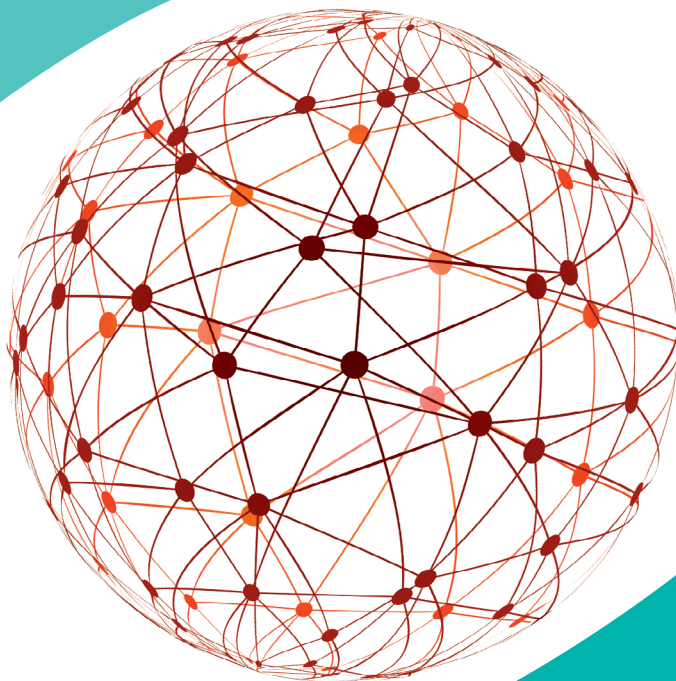

№ 1 (33) / 2026

ISSN: 2687-0703

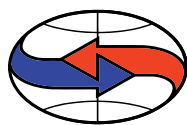
ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИНСТИТУТ СТРАН СНГ

В 2026 году наш издатель, Институт стран СНГ, отмечает 30-летие со дня основания. Это важная дата в истории российского аналитического сообщества, занимающегося всесторонним исследованием постсоветского пространства и проблемами российской диаспоры. Приглашаем коллег и партнеров принять участие в юбилейных мероприятиях, информация о которых будет размещена на сайте института <https://i-sng.ru/>

Институт стран СНГ

Научно-аналитический журнал

ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

№ 1 (33)

Москва

2026

СОВЕТ УЧРЕДИТЕЛЕЙ

Затулин К. Ф., специальный представитель Государственной думы РФ по вопросам миграции и гражданства, первый заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII созывов;

Никифоров К. В., доктор исторических наук, историк-славист, директор Института славяноведения РАН;

Тишков В. А., доктор исторических наук, профессор, историк, этнолог, социальный антрополог, действительный член РАН;

Торкунов А. В., действительный член РАН, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, ректор МГИМО МИД России, председатель совета директоров АО «Первый канал».

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев С. Ю., академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации, представитель Президента Российской Федерации в Национальном банковском совете;

Егоров В. Г., доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Кожокин Е. М., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России;

Кузнецов А. В., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН;

Ли Юнцюань, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук;

Симонов К. В., кандидат политических наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, основатель и генеральный директор ФНЭБ;

Суварян Ю. М., академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор экономических наук, профессор, академик-секретарь Отделения арменоведения и общественных наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Белогорьев А. М., заместитель главного директора по энергетическому направлению, директор Центра стратегического анализа и прогнозирования развития топливно-энергетического комплекса;

Вардомский Л. Б., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН;

Волошин В. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором энергетической политики Института экономики РАН;

Дзарасов Р. С., доктор экономических наук, заведующий кафедрой политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Жильцов С. С., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России;

Коновалов М. В., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ИЭ РАН;

Кришталёв И. С., кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»;

Кузнецова О. Д., доктор экономических наук, профессор кафедры истории экономических наук Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Лавренов С. Я., доктор политических наук, профессор Военного университета Министерства обороны России;

Медведев Д. А., кандидат политических наук, доцент кафедры национальной безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина;

Олимов М. А., доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета;

Панова Г. С., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Банки, денежное обращение и кредит» Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России;

Рахимов М. А., доктор исторических наук, профессор, Координационно-методический центр новейшей истории Узбекистана;

Тавадян А. А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра экономических исследований Армении;

Устюжанина Е. В., доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономической теории Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Хейфец Б. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ;

Чуфрин Г. И., доктор экономических наук, профессор, академик РАН, руководитель научного направления, Центр постсоветских исследований ИМЭМО РАН;

Штоль В. В., доктор политических наук, профессор, член научного совета при Совете безопасности России, член центрального правления Российской ассоциации содействия ООН, член Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор – А. А. Мигранян, доктор экономических наук, профессор

Редакторы – О. А. Борисова, научный сотрудник Института стран СНГ;

Д.Д. Вышегородцев, научный сотрудник Института стран СНГ.

Корректор – Т. С. Митрофаненко

Вёрстка – А. А. Горбунов

Учредитель и издатель –

Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)

Журнал «Геоэкономика энергетики»

рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК)

**в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание учёной степени кандидата и доктора наук.**

СЛОВО РЕДАКТОРА

Начало текущего года ознаменовалось устойчивым профицитом предложения на рынке энергетических ресурсов, что стимулировало снижение цен на нефть до уровня 60 долларов за баррель (российский Urals около 40). Начало военной операции США и Израиля привело мировой нефтегазовый рынок в состояние шока из-за перекрытия Ормузского пролива, обеспечивающего более 20% мирового торгового оборота, и разрушения инфраструктуры нефтедобычи и переработки стран Персидского залива. Рост цен на нефть угрожает не только привести к кризису мировой экономики, но и полному переформатированию устойчивых мирохозяйственных связей. При этом важным фактором стабилизации мировых и региональных рынков нефти и нефтепродуктов становятся геополитические факторы (санкционная политика), устойчивость нефтедобычи и институциональные системы, формирующие устойчивость внешнеторговых связей арабских государств.

В данном контексте особый интерес для экономического развития не только региона, но и мировой экономики становятся факторы устойчивости энергетического сотрудничества стран глобального Юга с Саудовской Аравией и странами ОПЕК в целом. Стратегическое партнерство арабских стран с основными потребителями энергоресурсов в азиатско-тихоокеанском регионе обеспечивает баланс на энергетических рынках, укрепляется религиозным взаимодействием.

Другим полюсом сохранения стабильности региональных энергетических рынков становится растущая интенсивность и глубина интеграционного взаимодействия стран АСЕАН, которые пытаются обеспечивать растущий спрос на энергоносители посредством реализации инфраструктурных проектов по созданию Общей электроэнергетической сети АСЕАН (ОЭС АСЕАН, APG) и Трансасеановского газопровода (ТАГ, TAGP).

При этом рост спроса на энергоносители обуславливает расширение энергетического сотрудничества стран с Россией, несмотря на санкционные ограничения. Сотрудничество стран БРИКС в этом контексте становится актуальным в большей степени, анализ структуры и география торговых потоков демонстрируют рост связанности внутри региона. Интенсификация внутрирегионального сотрудничества на фоне растущей турбулентности мировых рынков обеспечивает устойчивость и стабильность рынков на евразийском пространстве в формате Союзного государства, ЕАЭС и СНГ.

*С уважением,
главный редактор Мигранян А. А.*

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА	4
МИРОВЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ЭНЕРГОРЕСУРСОВ	
ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ В., БОРИСОВА М. <i>Нефтяной фактор в индонезийско-саудовских отношениях на современном этапе</i>	6
ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ	
КУЛИКОВ А., НИКИТИН Е. <i>Региональная энергетическая интеграция в Юго-Восточной Азии: от двусторонних проектов к общему энергетическому рынку</i>	19
КРИШТАЛЬ И. <i>Структура и динамика торговли государств БРИКС на фоне трансформации мировой экономики</i>	34
АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ЭНЕРГОСЕКТОРА	
МАРКАРОВ А., ДАВТЯН В. <i>Энергетика как пространство прагматизма: эволюция российско-грузинских связей</i>	57
ИНСТИТУТЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ	
АХМЕТОВА Н., КРАМАРЕНКО А. <i>Институциональная адаптация систем государственного управления к климатическим вызовам и низкоуглеродному развитию: опыт стран Центральной Азии</i>	73
ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ОБЩИЕ РЫНКИ	
КУЗЬМИНА Е. <i>Экономическое сотрудничество Беларуси с государствами – членами СНГ после ужесточения санкций</i> ..	91
МИГРАНЯН А. <i>Треки социально-экономического развития стран СНГ в 2025 г.</i>	114
МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ И НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
МУДРОВА С., ТОГАНЯН А. <i>Теоретические основы международных миграционных процессов</i>	130

Василий ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ
Марина БОРИСОВА

НЕФТЯНОЙ ФАКТОР В ИНДОНЕЗИЙСКО- САУДОВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Дата поступления в редакцию: 16.02.2026.

Для цитирования: *Останин-Головня В. Д., Борисова М. А., 2026. Нефтяной фактор в индонезийско-саудовских отношениях на современном этапе. – Геоэкономика энергетики. № 1 (33). С. 6–18. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_6*

Статья посвящена анализу нефтяного фактора в современных индонезийско-саудовских отношениях и его трансформации от торгового взаимодействия к комплексному стратегическому партнерству. Рассматриваются исторические предпосылки энергетического сотрудничества, изменение роли Индонезии в мировом нефтяном рынке от нетто-экспортера к нетто-импортеру и рост значения Королевства Саудовской Аравии как ключевого поставщика углеводородов. Особое внимание уделяется влиянию глобальных кризисов (пандемия коронавируса 2020–2023 гг., обострение украинского кризиса в 2022 г.), инвестиционным проектам в нефтепереработке и расширению сотрудничества в сфере новых энергетических технологий. Среди наиболее значимых направлений инвестиций на сегодняшний день могут быть выделены строительство Нусантары (новой столицы Индонезии), создание СП по производству голубого водорода на базе месторождений в Восточном Калимантане, а также осуществление исследований в области

ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ Василий Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117418, Москва, Нахимовский просп., д. 51/21. E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-5937-8786. SPIN-код: 7086-1217

БОРИСОВА Марина Александровна, студентка НИУ ВШЭ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 123098, Москва, ул. Маршала Василевского, д. 9 к. 4. E-mail: mborisova16@gmail.com. ORCID: 0009-0007-6833-5965

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Индонезия, индонезийско-саудовские отношения, нефтяной фактор, ОПЕК, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия.

улавливания и хранения углерода. Исследуется феномен хадж-дипломатии как специфического инструмента формирования доверия, способствующего реализации энергетических инициатив посредством налаживания контактов в религиозной сфере и организации процессов паломничества в Мекку и Медину. Также анализируется роль личностного фактора и неформальной дипломатии в развитии двусторонних отношений. Особое место в рамках личностной дипломатии занимают наследный принц Мухаммад ибн Салман, П. Субианто, А. Хартарто и представители национальных энергетических компаний — *Saudi Aramco* и *Pertamina*. В заключении сформирован вывод о том, что сочетание религиозной, экономической и геоэнергетической составляющих формирует уникальную модель взаимодействия между Саудовской Аравией и Индонезией, обеспечивающую устойчивость сотрудничества в условиях глобальной трансформации энергетического рынка.

История двусторонних отношений Саудовской Аравии и Индонезии насчитывает более 70 лет, и нефтяной фактор сыграл особую роль в их развитии. При этом характер его влияния на индонезийско-саудовские отношения принципиально отличается от «классических» моделей взаимодействия Саудовской Аравии в сфере энергоресурсов с другими государствами. В отличие от американо-саудовской модели «нефть в обмен на безопасность» [Останин-Головня, 2022: 53–54] или российско-саудовской координации в рамках формата ОПЕК+ [Останин-Головня, 2025: 85–87], индонезийско-саудовские отношения формируются на весьма любопытном пересечении исторических религиозных связей и асимметричной энергетической зависимости, где Саудовская Аравия последние десятилетия выступает в роли ключевого поставщика углеводородов, а Индонезия, будучи крупнейшей по численности населения страной Мусульманского Востока, является важным элементом обеспечения «индустрии» хаджа [Рябинин, Борисова, 2025: 8], а также крупным экспортером транспортных средств, продовольствия и древесины [Кириченко, 2022: 113].

Актуальность исследования обусловлена несколькими аспектами. Во-первых, роль Индонезии в системе мирового энергетического рынка трансформировалась: из страны-экспортера, входившей в ОПЕК с момента основания картеля в 1962 г., она превратилась в нетто-импортера нефти, что дважды приводило к ее выходу из организации — в 1986 и 2016 гг. Во-вторых, Саудовская Аравия, стремясь к реализации целей программы «Видение 2030», последовательно укрепляет экономическое присутствие в Юго-Восточной Азии в рамках стратегии диверсификации внешнеполитических и торговых связей. В-третьих, энергетическое сотрудничество этих двух стран переплетается с религиозной дипломатией, где хадж становится не только духовной практикой, но и инструментом выстраивания доверительных отношений, создающих благоприятную среду для реализации крупных нефтегазовых проектов.

Исторические предпосылки нефтяного сотрудничества

Формальные дипломатические отношения между Саудовской Аравией и Индонезией были установлены 1 мая 1950 г., что стало своего рода логическим продолжением исторических связей, возникших примерно в XIII в., на основе торгового обмена и постепенного распространения ислама среди местного населения Юго-Восточной Азии. Однако в первые десятилетия после обретения независимости Индонезии, на которые пришелся и начальный этап подъема экспорта нефти из Саудовской Аравии, энергетическая составляющая в отношениях между странами играла второстепенную роль. Куда важнее в 1950-х гг. для Джакарты и Эр-Рияда было взаимодействие на площадках различных международных организаций в «Духе Бандунга», ставшем основой декларируемой солидарности многих государств Азии и Африки после конференции 1955 г. [Бойцов, 2015: 19].

Индонезия, обладавшая собственными запасами нефти и вошедшая в число основателей ОПЕК в 1962 г., воспринимала Саудовскую Аравию в то время преимущественно как центр исламского мира и место проведения хаджа, а не как стратегического партнера. В свою очередь, Эр-Рияд, ориентировавшийся в 1950–1970-х гг. на укрепление связей с западными нефтяными компаниями и США, не рассматривал Юго-Восточную Азию как приоритетное направление. Только после нефтяного кризиса 1973 г., когда Саудовская Аравия в числе прочих продемонстрировала способность влиять на глобальные цены посредством эмбарго, а Индонезия укрепила позиции как один из ведущих азиатских экспортеров черного золота, началось постепенное сближение двух стран в энергетической сфере, хотя оно по-прежнему оставалось подчиненным религиозно-культурной компоненте отношений.

Ключевым ограничением для развития нефтяного взаимодействия между КСА и Индонезией в этот период стала конкуренция между двумя странами на мировом рынке: обе выступали как экспортеры, что исключало формирование классической модели «поставщик – потребитель», характерной для саудовских отношений с западными партнерами. Лишь к концу 1990-х гг., когда добыча нефти в Индонезии начала неуклонно сокращаться вследствие истощения разработанных месторождений и недостатка инвестиций в разведку новых, а внутреннее потребление энергоресурсов росло в условиях демографического перехода и экономического развития, ситуация начала меняться, открывая пространство для трансформации энергетических отношений в направлении, более выгодном для Саудовской Аравии.

От торговли к стратегическому партнерству

Коренной перелом во влиянии нефтяного фактора на развитие индонезийско-саудовских отношений произошел в 2000-е гг., когда Индонезия окончательно утратила статус нетто-экспортера нефти, а ее зависимость от импорта углеводородов стала системной угрозой энергетической безопасности. К 2004 г. внутреннее потребление нефти в стране превысило возможности добычи [Pallone, 2009], что вынудило правительство Джакарты искать надежных поставщиков за пределами региона Юго-Восточной Азии. Саудовская Аравия, располагавшая колоссальными запасами и стремившаяся расширить присутствие на быстрорастущих азиатских рынках, заняла свободную нишу, постепенно превратившись в одного из ключевых поставщиков нефтепродуктов. Однако, в отличие от других азиатских стран, таких как Китай, где саудовские поставки строились исключительно на коммерческой основе [Al-Sudairi, 2012], в случае с Индонезией энергетическое взаимодействие с самого начала приобрело политизированный характер, тесно связанный с религиозной дипломатией.

Во многом такой характер взаимодействия в период 2000-х гг. основывался на модели, заложенной визитом короля Фейсала в Джакарту в 1970 г., который хоть и не привел к заключению крупных экономических соглашений, но заложил основу для доверительных отношений, которые впоследствии позволили минимизировать расхождение в торговых интересах в пользу долгосрочного партнерства. Особую роль в этом процессе сыграла позиция саудовского руководства, которое рассматривало Индонезию не просто как очередного покупателя нефти, а как потенциального союзника в укреплении влияния в мусульманском мире, особенно в условиях конкуренции с Ираном за влияние на Мусульманском Востоке. Такая концептуализация отношений позволила Саудовской Аравии проявлять гибкость в ценообразовании и условиях поставок, что было особенно важно для Индонезии в периоды экономических кризисов, таких как азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. или мировой экономический кризис 2008–2009 гг.

Тем не менее до середины 2010-х гг. нефтяное сотрудничество Саудовской Аравии и Индонезии оставалось неинституционализированным и ограничивалось разовыми контрактами на поставку углеводородов, без создания совместных предприятий или долгосрочных инвестиций в энергетическую инфраструктуру и нефтеперерабатывающую промышленность. Прорыв на данном направлении индонезийско-саудовских отношений произошел весной 2017 г. в ходе визита короля Салмана ибн Абд аль-Азиза в Джакарту – первого за почти полвека после визита короля Фейсала¹. Этот

¹ Saudi-Indonesian Ties: Decades of Strategic Growth and Shared Vision // <https://www.spa.gov.sa/en/N2350852>, дата обращения 21.01.2026.

визит, приуроченный к 67-й годовщине установления дипломатических отношений, стал поворотной точкой, когда нефтяной фактор перешел от эпизодического компонента к системообразующему элементу двустороннего взаимодействия. В рамках визита были подписаны 11 меморандумов о взаимопонимании, охватывающих широкий спектр сфер, но центральное место среди них заняло соглашение между национальными нефтяными компаниями — саудовской *Saudi Aramco* и индонезийской *Pertamina* — о создании совместного предприятия по модернизации и расширению нефтеперерабатывающего комплекса в городе Чилачап на острове Ява². Проект стоимостью 6 млрд долл. предполагал не только увеличение мощностей НПЗ с 348 тыс. до 400 тыс. баррелей в сутки, но и переход на переработку тяжелой саудовской нефти сорта *Arab Heavy*, что позволяло оптимизировать логистику поставок и снизить зависимость Индонезии от импорта нефтепродуктов.

Для Саудовской Аравии проект в Чилачапе имел большое значение как первый крупный инвестиционный проект в нефтяном секторе за пределами традиционных регионов экспорта, открывавший доступ к быстрорастущему рынку Юго-Восточной Азии с населением более 270 млн человек. Однако реализация проекта столкнулась с рядом трудностей, задержки в согласовании условий финансирования и изменения в индонезийском законодательстве в сфере иностранных инвестиций до пандемии *COVID-19* привели к тому, что в 2020 г. проект оказался на грани сворачивания³. Тем не менее, в отличие от многих других международных энергетических инициатив, саудовско-индонезийский проект в Чилачапе не был окончательно закрыт, что свидетельствовало о политической воле обеих сторон сохранить энергетическое измерение отношений даже в условиях экономических трудностей.

Саудовско-индонезийские отношения в условиях глобальных кризисов

В этой связи следует отметить, что период пандемии коронавируса 2020–2023 гг., на который пришелся и энергетический кризис 2022 г., внес значимые коррективы в нефтяное измерение индонезийско-саудовских отношений, одновременно обострив существовавшие противоречия и открыв новые возможности для сотрудничества. Резкое падение мировых цен на нефть весной 2020 г. до минимума в 20 долл. за баррель ударило по бюджетам обеих стран, однако по-разному: для Саудовской Аравии это означало необходимость со-

² Saudi Aramco & Pertamina sign JV Devt Agreement, Marking Key Milestone for Joint Refinery Project // <https://www.aramco.com/en/news-media/news/2016/joint-venture-development>, дата обращения 21.01.2026.

³ Indonesia ends partnership with Saudi Aramco to expand Cilacap refinery // <https://www.enerdata.net/publications/daily-energy-news/indonesia-ends-partnership-saudi-aramco-expand-cilacap-refinery.html>, дата обращения 21.01.2026.

крашения социальных программ и пересмотра сроков реализации «Видения 2030», а для Индонезии – угрозу энергетического дефицита и роста инфляции из-за зависимости от импорта топлива. В этих условиях Саудовская Аравия проявила неожиданную гибкость, предоставив Индонезии отсрочку по платежам за поставленную нефть и согласившись на пересмотр условий контрактов в пользу Джакарты [Farhan, 2024: 96–98]. Такая позиция контрастировала с поведением Эр-Рияда в отношениях с другими азиатскими партнерами и объяснялась прежде всего стремлением сохранить влияние в Индонезии как в крупнейшей по численности населения мусульманской стране в условиях растущей конкуренции внерегиональных акторов в Юго-Восточной Азии.

После восстановления цен на нефть и относительной стабилизации глобального энергетического рынка в 2021–2022 гг., на фоне начала острой фазы украинского кризиса, когда стоимость барреля марки *Brent* превысила 120 долл., Саудовская Аравия столкнулась с давлением со стороны США с требованием увеличить добычу для стабилизации ситуации. Отказ Эр-Рияда идти навстречу Вашингтону, продемонстрированный в октябре 2022 г. на саммите ОПЕК+ решением о сокращении добычи на 2 млн баррелей в сутки [Останин-Головня, 2022: 59–61], имел косвенное, но важное значение для Индонезии: сохранение высоких цен на нефть укрепило финансовую устойчивость саудовской экономики, позволив королевству продолжить инвестиции в индонезийские проекты. В то же время Индонезия, несмотря на свой статус нетто-импортера, воздержалась от критики решения ОПЕК+, проявив солидарность с позицией Саудовской Аравии, что еще раз подчеркнуло особый характер двусторонних отношений, где энергетические интересы уступают место более широкой стратегической координации.

Новый этап энергетической интеграции

Современный этап развития нефтяного фактора в индонезийско-саудовских отношениях 2023–2025 гг. характеризуется переходом от разовых проектов к системной интеграции энергетических секторов двух стран в рамках более широкой повестки экономического партнерства. Ключевым событием стал визит президента Индонезии Джоко Видодо в Эр-Рияд в сентябре 2022 г., в ходе которого были анонсированы инвестиции Саудовской Аравии в экономику Индонезии на сумму 27 млрд долл., значительная часть которых предназначалась для энергетического сектора, включая не только традиционные нефтегазовые проекты, но и возобновляемую энергетику, водородную промышленность и инфраструктуру для электромобилей⁴. Особое внимание

⁴ Gulf-Southeast Asian Ties: Expectations Still Outpacing Progress – For Now // <https://agsi.org/analysis/gulf-southeast-asian-ties-expectations-still-outpacing-progress-for-now/>, дата обращения 21.01.2026.

привлекло намерение саудовских инвесторов участвовать в строительстве новой столицы Индонезии – Нусантары на острове Калимантан, где планируется создать умную энергетическую инфраструктуру с использованием как традиционных, так и альтернативных источников энергии.

Для Саудовской Аравии такие инвестиции представляют собой практическую реализацию стратегии «Видения 2030» по диверсификации экономики и экспорту не только энергоресурсов, но и энергетических технологий, и управленческого опыта. В свою очередь, для Индонезии сотрудничество с Саудовской Аравией в энергетической сфере приобретает особую значимость в контексте амбициозной программы «Золотая Индонезия 2045», предусматривающей достижение статуса развитой экономики к 100-летию независимости страны. В этом контексте для Индонезии особое значение имеют саудовские инвестиции, необходимые для ускорения энергетической модернизации и реализации индустриальных проектов. Так, для укрепления сотрудничества двух стран на встрече президента Индонезии Прабово Субианто и наследного принца Мухаммада ибн Салмана была согласована дорожная карта по созданию благоприятного инвестиционного климата⁵. Особое внимание уделяется развитию нефтепереработки, нефтехимии, чистой энергетики и созданию устойчивых цепочек поставок в энергетическом секторе. Это позволит Индонезии одновременно решать задачи энергетической безопасности и структурной трансформации экономики. Важным элементом современного этапа стало расширение сотрудничества за рамки нефти, в смежные секторы энергетики: в 2023 г. между *Saudi Aramco* и индонезийской государственной компанией было подписано соглашение о совместных исследованиях в области улавливания и хранения углерода, а в 2024 г. начались переговоры о создании совместного предприятия по производству голубого водорода на базе газовых месторождений в Восточном Калимантане⁶. Также стоит отметить подписание соглашения на сумму 27 млрд долл. во время визита Прабово Субианто в Саудовскую Аравию в феврале 2025 г. Данная сделка охватывает широкий спектр направлений – от чистой энергетики и нефтехимической промышленности до производства авиационного топлива⁷. В целом обе страны активно работают над гармо-

⁵ Beranda Tentang Kami Produk Hukum Berita & Artikel Informasi & Layanan Publik Indonesia-Arab Saudi Sepakat Perkuat Kemitraan Strategis di Bidang Ekonomi, Investasi, dan Energi // Kementerian Sekretariat Negara Republik Indonesia // https://www.setneg.go.id/baca/index/indonesia_arab_saudi_sepakat_perkuat_kemitraan_strategis_di_bidang_ekonomi_investasi_dan_energi, дата обращения 01.02.2026.

⁶ SLB, Aramco and Linde Enter Agreement for One of the World's Largest Carbon Capture and Storage Hubs // <https://carboncapturemagazine.com/articles/slb-aramco-and-linde-enter-agreement-for-one-of-the-worlds-largest-carbon-capture-and-storage-hubs>, дата обращения 21.01.2026.

⁷ Kerja Sama Arab Saudi-Indonesia Fokus pada Energi dan Hilirisasi // <https://www.kompas.id/artikel/kerja-sama-arab-saudi-indonesia-fokus-pada-energi-dan-hilirisasi>, дата обращения 01.02.2026.

низацией своих стратегий национального развития – «Видение 2030» и «Золотая Индонезия 2024», что формирует долгосрочную основу для расширения сотрудничества не только в нефтегазовой отрасли, но и за ее пределами.

Хадж-дипломатия и энергетическое сотрудничество

Особенностью нефтяного фактора в индонезийско-саудовских отношениях является его тесная связь с религиозной дипломатией, где хадж выступает не только как духовная практика, но и как инструмент создания доверительной атмосферы, способствующей реализации крупных энергетических проектов. В отличие от американо-саудовских или российско-саудовских отношений, где энергетическое взаимодействие развивалось преимущественно в рамках многосторонних форматов или двусторонних межправительственных комиссий, в случае Индонезии ключевую роль играют личные контакты между лидерами двух стран, часто возникающие в контексте обсуждения вопросов организации хаджа. Ежегодные встречи министра по делам хаджа и умры Саудовской Аравии с индонезийским министром по делам религий создают устойчивый канал коммуникации высокого уровня, который затем используется для обсуждения и энергетических вопросов. Ярким примером такой взаимосвязи стал визит короля Салмана в 2017 г., подготовка к которому велась в том числе через каналы министерств по делам хаджа, а сам визит, хотя формально был посвящен религиозному сотрудничеству, завершился подписанием энергетических соглашений на миллиарды долларов.

Саудовская Аравия последовательно использует хадж как инструмент укрепления влияния в Индонезии: предоставление дополнительных квот на паломничество (в 2023 г. Индонезия получила дополнительную квоту в 20 тыс. паломников), внедрение программы «Путь Мекки» для упрощения процедур прохождения паломников из Индонезии, строительство специализированного жилого комплекса для индонезийских паломников в Медине – все эти меры создают у индонезийской общественности и элиты ощущение особого отношения со стороны Саудовской Аравии, что, в свою очередь, облегчает принятие политических решений в пользу саудовских энергетических проектов. Хадж-дипломатия становится площадкой для обсуждения более широких вопросов. Во время переговоров одновременно в обсуждении религиозной повестки все чаще поднимаются темы инвестиций в энергетику, нефтепереработку и т. д. Так, во время встречи министра-координатора по экономическим вопросам Индонезии Аирлангга Хартарто с министром экономики и планирования Файсала аль-Ибрахима на полях Саммита мировых правительств стороны обсудили широкий спектр вопросов, включая углубление сотрудничества в энергетической сфере, в частности реализацию совместных проектов с участием индонезийских

компаний *Pertamina* и *PLN* (*PLN* – Государственная электроэнергетическая компания)⁸. Также были затронуты темы, связанные с хаджем, в том числе инициатива Прабово Субианто по созданию деревни для индонезийцев в Мекке⁹. Ожидается, что данное сотрудничество будет способствовать росту торгового оборота, поскольку Саудовская Аравия является стратегическим партнером Индонезии, особенно в контексте достижения программы «Золотой Индонезии 2045». Взаимосвязь религиозного и экономического измерений формирует уникальный механизм доверия, который способствует продвижению стратегических инициатив и укреплению долгосрочного политического диалога между двумя государствами.

В свою очередь, индонезийское руководство осознает двойственную природу хадж-дипломатии и стремится использовать ее для достижения не только религиозных, но и экономических целей, включая привлечение саудовских инвестиций в энергетический сектор. Такая синергия религиозной и энергетической дипломатии создает уникальную модель взаимодействия, не имеющую прямых аналогов в практике саудовских отношений с другими странами, и делает нефтяной фактор в индонезийско-саудовских отношениях более устойчивым к внешним шокам и политическим разногласиям.

Личностный фактор в нефтяной дипломатии

Анализ роли личностного фактора в развитии нефтяного измерения индонезийско-саудовских отношений позволяет выделить несколько ключевых фигур, чьи решения и инициативы определяли траекторию энергетического сотрудничества. Со стороны Саудовской Аравии центральную роль сыграл наследный принц Мухаммад ибн Салман, ставший фактическим правителем королевства и являющийся «архитектором» программы «Видение 2030». Он проводит активную внешнюю политику, ориентированную на многовекторность и диверсификацию не только политических, но и экономических связей. Именно под его руководством Саудовская Аравия начала рассматривать Индонезию не как периферийного партнера, а как стратегически важную страну для укрепления влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Личная заинтересованность Мухаммада ибн Салмана в индонезийском направлении проявилась в его участии в подготовке визита короля Салмана в 2017 г. и последующих переговорах с президентом Джоко Видодо.

⁸ Kuatkan Kerja Sama Ekonomi, Menko Airlangga Bertemu Menteri Ekonomi dan Perencanaan Kerajaan Arab Saudi // Kementerian Koordinator Bidang Perekonomian Republik Indonesia; <https://ekon.go.id/publikasi/detail/6172/kuatkan-kerja-sama-ekonomi-menko-airlangga-bertemu-menteri-ekonomi-dan-perencanaan-kerajaan-arab-saudi>, дата обращения 02.02.2026.

⁹ Prabowo ungkap Arab Saudi ubah UU demi bangun Kampung Haji Indonesia di Mekkah // <https://www.cna.id/indonesia/prabowo-kampung-haji-indonesia-mekkah-44241>, дата обращения 01.02.2026.

Со стороны Индонезии ключевую роль сыграл президент Прабово Субианто, при котором энергетическое сотрудничество с Саудовской Аравией стало рассматриваться как один из инструментов реализации стратегии экономической трансформации страны. Важное значение имели личные контакты индонезийского лидера с саудовским руководством, в результате которых были достигнуты договоренности о расширении сотрудничества в сферах поставок нефти, нефтехимии, возобновляемой энергетики и инвестиций в переработку минеральных ресурсов. Активное участие в переговорах также принимали министр-координатор по экономическим вопросам Индонезии Аирлангга Хартарто и представители национальных энергетических компаний, что способствовало переходу от политических деклараций к практической реализации совместных проектов.

Важную роль также сыграли министры энергетики и нефтяные менеджеры: со стороны Индонезии – руководители *Pertamina*, отстаивавшие интересы национальной компании в переговорах с *Saudi Aramco*, со стороны Саудовской Аравии – министр энергетики Абдель Азиз бин Салман, курирующий экспансию саудовских энергетических компаний в Азию. Особенностью личностного фактора в индонезийско-саудовских отношениях является то, что ключевые решения часто принимались не в рамках официальных межправительственных механизмов, а в ходе неформальных встреч на полях саммитов ОИС или в процессе организации хаджа, что придавало энергетическому сотрудничеству гибкость, но одновременно делало его уязвимым к смене политических элит и изменению приоритетов руководства.

Список литературы

Бойцов В. В., 2015. «Дух Бандунга» и практика экономического сотрудничества в регионе Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 26. С. 18–25.

Кириченко В. П., 2022. Некоторые аспекты индонезийско-саудовских отношений // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. № 4 (57). С. 110–116. DOI:10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-110-116.

Останин-Головня В. Д., 2022. Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях на современном этапе // Геоэкономика энергетики. № 3 (19). С. 53–66; https://doi.org/10.48137/26870703_2022_19_3_53.

Останин-Головня В. Д., 2025. Нефтяной фактор в российско-саудовских отношениях на современном этапе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 18. № 3. С. 84–97; <https://doi.org/10.31249/kgf/2025.03.05>.

Рябинин А. Л., Борисова М. А., 2025. Хадж-дипломатия как фактор укрепления отношений между Саудовской Аравией и Индонезией // Ближний и Постсоветский Восток. № 3 (11). С. 7–15. DOI:10.31249/j.2949-2408.2025.03.01.

Al-Sudairi M. T., 2012. Sino-Saudi Relations: An Economic History // https://www.files.ethz.ch/isn/156677/Final_Completed_Sino_Saudi_Economic_History_Report_3778.pdf, дата обращения 21.01.2026.

Farhan M., 2024. The Urgency of Bilateral Petroleum Relations Between Indonesia and Saudi Arabia as an Effort to Support Stable Economic Value // *Abdurrauf Social Science*. Vol. 1. No. 2. Pp. 90–109. DOI: 10.70742/arsos.v1i2.29.

Pallone Sh., 2009. Indonesia's Oil Crisis: How Indonesia Became a Net Oil Importer // *The Journal of International Policy Solutions*. Vol. 10. P. 3.

Vasily D. OSTANIN-GOLOVNYA, Researcher of Department of Middle and Post-Soviet East (Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences)

Address: 51/21, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418, Russian Federation

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5937-8786

SPIN-code: 7086-1217

Marina A. BORISOVA, Student of the National Research University Higher School of Economics

Address: 9/4, Marshala Vasilevskogo St., Moscow, 123098, Russian Federation

E-mail: mborisova16@gmail.com

ORCID: 0009-0007-6833-5965

THE OIL FACTOR IN INDONESIAN-SAUDI RELATIONS AT THE PRESENT STAGE

DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_6

Received: 16.02.2026

For citation: *Ostanin-Golovnya V. D., Borisova M. A., 2026. The Oil Factor in Indonesian-Saudi Relations at The Present Stage. – Geoeconomics of Energetics. № 1 (33). P.6–18. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_6*

Keywords: Saudi Arabia, Indonesia, Indonesian-Saudi relations, oil factor, OPEC, Middle East, Southeast Asia.

Abstract

This article analyzes the oil factor in contemporary Indonesian-Saudi relations and their transformation from a trade partnership to a comprehensive strategic partnership. It examines the historical background to energy cooperation, Indonesia's changing role in the global oil market from net exporter to net importer, and Saudi Arabia's growing importance as a key hydrocarbon supplier. Particular attention is paid to the impact of global crises (coronavirus pandemic 2020-2023, escalation of the Ukrainian crisis in 2022), investment projects in oil refining, and expanding cooperation in new energy technologies. The construction of Nusantara (the new capital of Indonesia), the creation of a joint venture for the production of blue hydrogen based on deposits in East Kalimantan, and research in the field of carbon capture and storage can be counted among the most significant investment areas today. The phenomenon of Hajj diplomacy is explored as a specific trust-building tool that facilitates the implementation of energy initiatives by establishing contacts in the religious sphere and organizing pilgrimage processes to Mecca and Medina. The role of personal factors and informal

diplomacy in the development of bilateral relations is also analyzed. Crown Prince Mohammed bin Salman, P. Subianto, A. Hartarto and representatives of national energy companies – Saudi Aramco and Pertamina – play an important role in the framework of personal diplomacy. The conclusion is that the combination of religious, economic, and geoeconomic components forms a unique model of interaction between Saudi Arabia and Indonesia, ensuring the sustainability of cooperation amid the global transformation of the energy market.

References

Boytsov V. V., 2015. The «Spirit of Bandung» and the practice of economic cooperation in the Southeast Asian region // Southeast Asia: current development issues. No. 26. Pp. 18–25. (In Russ.)

Kirichenko V. P., 2022. Some aspects of Indonesian-Saudi relations // Southeast Asia: current development issues. No. 4 (57). Pp. 110–116. DOI:10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-110-116. (In Russ.)

Ostanin-Golovnya V. D., 2022. The oil factor in US-Saudi relations at the present stage // Geoeconomics of Energetics. No. 3 (19). Pp. 53–66; https://doi.org/10.4813/26870703_2022_19_3_53. (In Russ.)

Ostanin-Golovnya V. D., 2025. The oil factor in Russian-Saudi relations at the present stage // Outlines of global transformations: politics, economics, law. Vol. 18. No. 3. Pp. 84–97; <https://doi.org/10.31249/kgt/2025.03.05>. (In Russ.)

Ryabinin A. L., Borisova M. A., 2025. Hajj diplomacy as a factor in strengthening relations between Saudi Arabia and Indonesia // The Middle and Post-Soviet East. No. 3 (11). Pp. 7–15. DOI:10.31249/j.2949-2408.2025.03.01. (In Russ.)

Al-Sudairi M. T., 2012. Sino-Saudi Relations: An Economic History // https://www.files.ethz.ch/isn/156677/Final_Completed_Sino_Saudi_Economic_History_Report_3778.pdf, accessed 21.01.2026. (In Eng.)

Farhan M., 2024. The Urgency of Bilateral Petroleum Relations Between Indonesia and Saudi Arabia as an Effort to Support Stable Economic Value // Abdurrauf Social Science. Vol. 1. No. 2. Pp. 90–109. DOI: 10.70742/arsos.v1i2.29. (In Eng.)

Pallone Sh., 2009. Indonesia's Oil Crisis: How Indonesia Became a Net Oil Importer // The Journal of International Policy Solutions. Vol. 10. P. 3. (In Eng.)

Андрей КУЛИКОВ
Егор НИКИТИН

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ОТ ДВУСТОРОННИХ ПРОЕКТОВ К ОБЩЕМУ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМУ РЫНКУ

Дата поступления в редакцию: 15.01.2026

Для цитирования: Куликов А. М., Никитин Е. Н., 2026. Региональная энергетическая интеграция в Юго-Восточной Азии: от двусторонних проектов к общему энергетическому рынку. – Геоэкономика энергетики. № 1 (33). С. 19–33. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_19

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. В статье анализируется развитие региональной энергетической интеграции в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Рассматриваются стратегические факторы, стоящие за этим процессом, включая растущий спрос на энергоносители, зависимость от внешних поставок, а также повышение безопасности и содействие декарбонизации. Основное внимание в исследовании уделяется институциональным рамкам, предусмотренным Планом действий АСЕАН по энергетическому сотрудничеству (АРАЕС), и его практической реализации посредством двух важнейших инфраструктурных

КУЛИКОВ Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры международного бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125167, просп. Ленинградский, д. 49/2. E-mail: amkulikov@fa.ru. SPIN-код: 9606-5206. ORCID: 0000-0002-9317-7432

НИКИТИН Егор Николаевич, старший лаборант-исследователь Центра мировой политики и стратегического анализа, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117218, пр. Нахимовский, д. 32. E-mail: 241364@edu.fa.ru. SPIN-код: 3688-1132. ORCID: 0009-0005-0374-1335

Ключевые слова: АСЕАН, энергетическая интеграция, энергетическая безопасность, ОЭС АСЕАН, ТАГ, многосторонняя торговля электроэнергией, трансграничные инвестиции.

инициатив: Общей электроэнергетической сети АСЕАН (ОЭС АСЕАН, *APG*) и Трансасеанского газопровода (ТАГ, *TAGP*). На основе типологии этапов рыночной интеграции дается оценка перехода АСЕАН от двусторонних соглашений к многосторонним механизмам. Анализ выявляет ряд взаимосвязанных политических, технических и институциональных предпосылок для более глубокой интеграции. Также рассматриваются сохраняющиеся барьеры, такие как фрагментация нормативно-правовой базы, проблемы финансирования инфраструктуры и риски, связанные с национальным суверенитетом. Подчеркивается, что, несмотря на достигнутый прогресс, создание полностью интегрированного регионального энергетического рынка по-прежнему зависит от преодоления значительных системных ограничений путем улучшения координации политики.

Введение

В течение последних двух десятилетий страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) переживают устойчивый экономический и демографический рост, а также быструю индустриализацию, которые в совокупности привели к резкому увеличению спроса на энергоносители. В 2022 г. общее потребление первичной энергии в регионе выросло более чем на 15%, превысив допандемийный уровень. Население региона, которое в настоящее время превышает 680 млн человек, по прогнозам, достигнет почти 800 млн к 2050 г., что предполагает дальнейший рост потребления энергетических ресурсов [*ACE*, 2024: 25].

В то же время энергетическая система региона по-прежнему сильно зависит от импорта ископаемого топлива. Так, чистая зависимость от импорта нефти уже достигла примерно 96%, и ожидается, что к 2027 г. АСЕАН станет чистым импортером природного газа. Растущая внешняя зависимость подвергает региональные экономики риску перебоев в поставках и волатильности мировых цен, что затрудняет достижение устойчивого и безопасного развития энергетики. Кроме того, в структуре энергопотребления по-прежнему преобладают уголь и нефть, несмотря на продолжающееся расширение мощностей по использованию возобновляемых источников энергии (ВИЭ) — с 26% в 2018 г. до 33,6% в 2022 г. [*ACE*, 2024: 29–30].

В этом контексте идея региональной энергетической интеграции стала стратегическим приоритетом сотрудничества в рамках АСЕАН. Она направлена на повышение энергетической безопасности, обеспечение равного доступа к современным энергетическим услугам и содействие декарбонизации региональных экономик. Развитие взаимосвязанных электрических и газовых сетей рассматривается как основа для создания общего энергетического рынка, позволяющего странам региона более эффективно обмениваться энергоресурсами.

Правовая основа и институциональные предпосылки энергетической интеграции

Энергетическое сотрудничество в ЮВА основано на Плане действий АСЕАН по энергетическому сотрудничеству (*ASEAN Plan of Action for Energy Cooperation, АРАЕС*, далее — план), который определяет стратегическое видение энергетического развития региона в два этапа: до 2015 г. и современный (с 2016 г.).

План развивался последовательно, отражая растущие потребности региона в области энергетической интеграции и постепенное развитие институционального и технического сотрудничества между государствами-членами. Первый этап (1999–2004 гг.) был сосредоточен на разработке основополагающих политических рамок и методов реализации Общей электроэнергетической сети АСЕАН (ОЭС АСЕАН), закладывая институциональную и стратегическую основу для трансграничного объединения. Второй этап (2004–2009 гг.) был направлен на содействие реализации Генерального плана АСЕАН по объединению, дальнейшее развитие политической основы, необходимой для развития ОЭС АСЕАН, и укрепление механизмов координации. На третьем этапе (2010–2015 гг.) акцент сместился в сторону ускорения проектов по содействию гармонизации технических стандартов, операционных процедур и нормативно-правовой базы в государствах — членах АСЕАН [Aris, Jørgensen, 2020: 3]. В рамках представленных трех этапов состоялся переход от первоначальной разработки политики к более сложной региональной интеграции, характеризующейся расширением инфраструктуры, повышением функциональной совместимости и растущей институциональной согласованностью.

Следующий глобальный этап *АРАЕС*, рассчитанный на десять лет, с 2016 по 2025 г., разделен на два пятилетних периода. Первый период (2016–2020 гг.) посвящен реализации краткосрочных и среднесрочных мер по укреплению сотрудничества в области энергетической безопасности и дальнейшему продвижению к взаимосвязанности и интеграции. На втором (*АРАЕС Phase II, 2021–2025 гг.*) периоде плана подчеркиваются три всеобъемлющих приоритета: обеспечение энергетической безопасности, содействие устойчивому развитию и расширение доступности и инклюзивности внутри государств — членов АСЕАН и между ними [ACE, 2025: 11, 15].

Институциональная координация энергетического сотрудничества осуществляется через совещание министров энергетики стран АСЕАН (*ASEAN Ministers on Energy Meeting, AMEM*) и проходит на базе Центра энергетики АСЕАН (*ASEAN Center for Energy, ACE*), который выступает в качестве технического и аналитического центра в регионе. *ACE* способствует обмену данными и гармонизации нормативно-правовой базы в государствах-членах.

Обзор международного опыта показывает, что эволюция региональных энергетических рынков проходит через все более глубокую интеграцию – от двусторонних обменов до полностью объединенных рынков с централизованным управлением (табл.).

Таблица

Степени интеграции энергосистем и их ключевые характеристики

Уровень интеграции	Краткая характеристика	Пример
Двусторонняя односторонняя торговля	Передача электроэнергии осуществляется только в одном направлении; поставки основаны на долгосрочных межгосударственных соглашениях	Импорт электроэнергии Таиландом из Лаоса
Двусторонняя двунаправленная торговля	Возможны как импорт, так и экспорт; правила и операции остаются национальными; объемы чаще ограничены техническими и экономическими условиями	Секция Малайзия – Сингапур <i>LTMS-PIP</i>
Многосторонняя многосторонняя торговля между дифференцированными рынками	Несколько стран обмениваются электроэнергией, сохраняя различия в тарифах, стандартах и рыночных механизмах; координация ограничена	<i>Southern African Power Pool (SAPP)</i>
Многосторонняя многосторонняя торговля между гармонизированными рынками	Страны согласуют ключевые технические и рыночные правила: сетевые коды, доступ к инфраструктуре, процедуры балансировки	Внутренний энергетический рынок Европейского союза (<i>EU IEM</i>)
Единая рыночная структура при дифференцированных операциях	Создан общий рынок торговли электроэнергией, при этом отдельные операционные функции остаются национальными	<i>Nord Pool</i> (Северная Европа)
Единый рынок и единые операции	Централизованное управление системами, общие диспетчерские процедуры, стандартизированная торговля и регулирование	<i>PJM Interconnection</i> (США)

Источник: составлено авторами по данным [IEA, 2019: 18].

Начальные этапы характеризуются односторонней или двунаправленной двусторонней торговлей, за которой следуют более сложные механизмы, включающие разнонаправленные обмены между дифференцированными рынками, и завершаются созданием согласованных, полностью интегрированных региональных систем, таких как Внутренний энергетический

ческий рынок ЕС или *PJM* в США. Каждый последующий этап влечет за собой повышение уровня технической совместимости, согласованности нормативных актов и институциональной зрелости.

Тем не менее переход к более высокой степени интеграции не является автоматическим и не зависит исключительно от наличия физической инфраструктуры. Международный опыт скорее указывает на набор минимальных требований, которые должны быть соблюдены, прежде чем страны смогут перейти к многосторонней разнонаправленной торговле электроэнергией, что является отличительной чертой более продвинутых стадий интеграции. В контексте АСЕАН эти требования подразделяются на три категории: политические, технические и институциональные [IEA, 2019: 10-11].

Политические требования подразумевают наличие соответствующих межправительственных соглашений и консенсуса по фундаментальным нетехническим вопросам, таким как выбор общего рабочего языка или назначение компетентных органов в рамках региональных организаций. Центральное место среди этих требований занимает устойчивая политическая воля, которая отличает успешную трансграничную интеграцию от внутреннего системного развития. Без политической приверженности всех стран-участниц даже самые передовые технические решения не смогут обеспечить жизнеспособность многосторонних торговых соглашений.

Технические требования касаются правил и процедур, необходимых для обеспечения безопасного и эффективного функционирования трансграничной торговли электроэнергией. К ним относятся гармонизированные сетевые коды, совместимые операционные стандарты и единая методология расчета сборов за транзит – все это необходимо для обеспечения торговли между любыми странами, независимо от того, имеют ли они общую границу. Не менее важны надежные механизмы обмена данными и информацией и четкие договоренности, определяющие, какие данные остаются конфиденциальными, а какими необходимо обмениваться на региональном уровне.

Наконец, институциональные требования предполагают как поддержание деятельности уже существующих региональных организаций, так и, при необходимости, создание новых механизмов. Эффективность многосторонней торговли в значительной степени зависит от институтов, способных выполнять такие важные функции, как надзор за рынком, расчетные и платежные операции, а также разрешение споров. Международный опыт показывает, что без такой институциональной рамки глубокие формы интеграции не могут быть достигнуты.

Взятые вместе, эти минимальные требования формируют необходимую основу для любого регионального объединения, стремящегося перейти от базовой двусторонней торговли к более высоким уровням интеграции энергетического рынка.

Проекты в области энергетической интеграции

Общая электроэнергетическая сеть АСЕАН является одной из двух ведущих инициатив, направленных на региональную энергетическую интеграцию (рис. 1). Впервые она была одобрена в 1997 г. как механизм расширения торговли электроэнергией, повышения надежности поставок и оптимизации использования различных генерирующих ресурсов в регионе¹. Долгосрочная цель проекта заключается в создании полностью взаимосвязанной энергетической системы, которая послужит физической основой для будущего рынка электроэнергии АСЕАН.

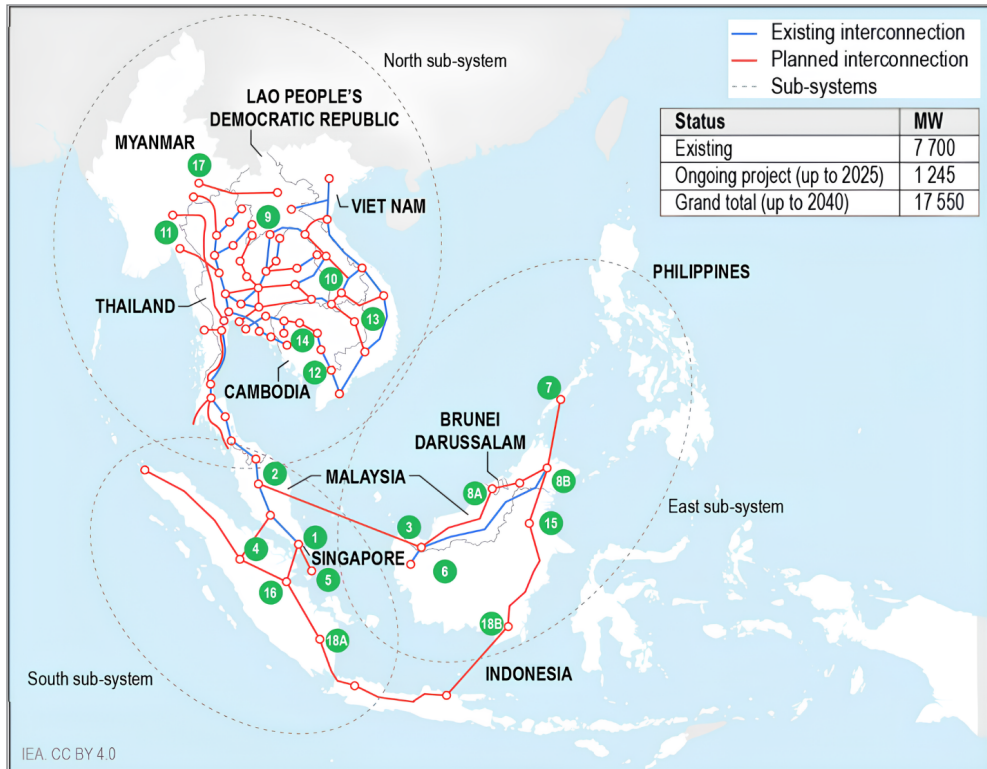

Рис. 1. Карта-схема общей электроэнергетической сети АСЕАН

Источник: International Energy Agency (IEA).

На текущий момент достигнут заметный прогресс: к 2024 г. были завершены девять из 18 запланированных проектов по объединению сетей, ко-

¹ ASEAN Power Grid. ASEAN Centre for Energy // <https://aseanenergy.org/apac/asean-power-grid-apg/>, дата обращения 11.12.2025.

торые соединят Таиланд, Лаос, Малайзию и Сингапур высоковольтными линиями электропередачи. Остальные проекты находятся на различных стадиях технико-экономического обоснования, строительства или планирования. Предполагается, что ОЭС АСЕАН пройдет три этапа: (1) двусторонние связи, (2) субрегиональные кластеры (в первую очередь сеть субрегиона Большого Меконга) и (3) создание многосторонних соглашений о торговле электроэнергией [ACE, 2024: 105].

Ключевой вехой в процессе создания ОЭС АСЕАН является проект энергетической интеграции Лаоса, Таиланда, Малайзии и Сингапура (*LTMS-PIP*), завершенный в 2024 г. Это первый в АСЕАН пилотный проект по многосторонней торговле электроэнергией, вырабатываемой в Лаосе, поставляемой через Таиланд и Малайзию в Сингапур [ACE, 2025: 23]. Эта инициатива демонстрирует техническую осуществимость и политическую приверженность, необходимые для трансграничного обмена электроэнергией, выходящего за рамки простой двусторонней торговли.

Развитие рынка трансграничной торговли энергией в Восточном субрегионе ЮВА, которое шло медленнее, чем в Западном, ускорилось после того, как в августе 2023 г. на 41-й встрече министров энергетики стран АСЕАН был официально запущен проект по интеграции энергосистем Брунея-Даруссалама, Индонезии, Малайзии и Филиппин (*VIMP-PIP*), носивший статус пилотного [ACE, 2024: 13].

Предполагается, что полное внедрение ОЭС АСЕАН может принести существенные экономические и экологические выгоды: сокращение совокупных выбросов CO_2 примерно на 13% и потенциальная экономия средств на сумму примерно 0,8 трлн долл. к 2050 г.² Интегрированная энергосистема также способствовала бы увеличению доли ВИЭ, позволяя странам с богатым гидроэнергетическим, солнечным или ветряным потенциалом экспортировать электроэнергию соседним странам, испытывающим ее дефицит.

Инициатива Трансасеанского газопровода (далее – ТАГ) дополняет ОЭС АСЕАН, решая вопросы интеграции в области поставок природного газа (рис. 2). Запущенный в начале 2000-х гг. проект ТАГ направлен на развитие региональной сети газопроводов, соединяющей основные центры производства и потребления по всей ЮВА. Его главными целями являются повышение региональной энергетической безопасности, обеспечение более гибкой торговли газом и создание основы для общего газового рынка в рамках АСЕАН.

К 2018 г. сеть ТАГ включала в себя 13 трансграничных газопроводных проектов общей протяженностью чуть более 3,5 тыс. км, соединяющих Малайзию, Сингапур, Таиланд, Мьянму, Вьетнам и Индонезию [ACE, 2024:

² ASEAN Interconnector Study: Taking a regional approach to decarbonization. DNV. // <https://www.dnv.com/publications/asean-interconnector-study/>, дата обращения 11.12.2025.

116]. Инициатива реализуется при координации Совета АСЕАН по нефти (*ASEAN Council on Petroleum, ASCOPE*), который содействует техническому сотрудничеству, обмену данными и инвестиционному диалогу между национальными нефтегазовыми компаниями [ACE, 2025: 27].

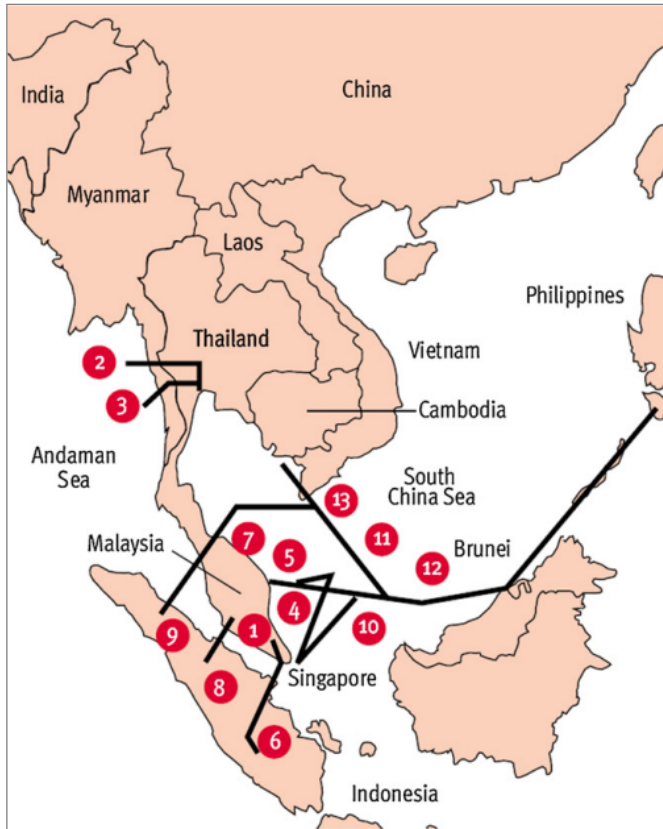

Рис. 2. Карта-схема ТАГ

Источник: ASEAN Centre for Energy (ACE).

Текущая инфраструктура позволяет осуществлять двусторонние поставки газа – например, между Мьянмой и Таиландом, Малайзией и Сингапуром, Индонезией и Малайзией, – поддерживая как внутренние, так и ориентированные на экспорт цепочки поставок (рис. 3). Однако конечная цель ТАГ заключается в выходе за рамки этих изолированных двусторонних связей и создании полностью интегрированной региональной газовой сети, которая обеспечивала бы разнонаправленную транспортировку и общие мощности по хранению. Подобная система могла бы помочь обеспечить надежность поставок в чрезвычайных ситуациях.

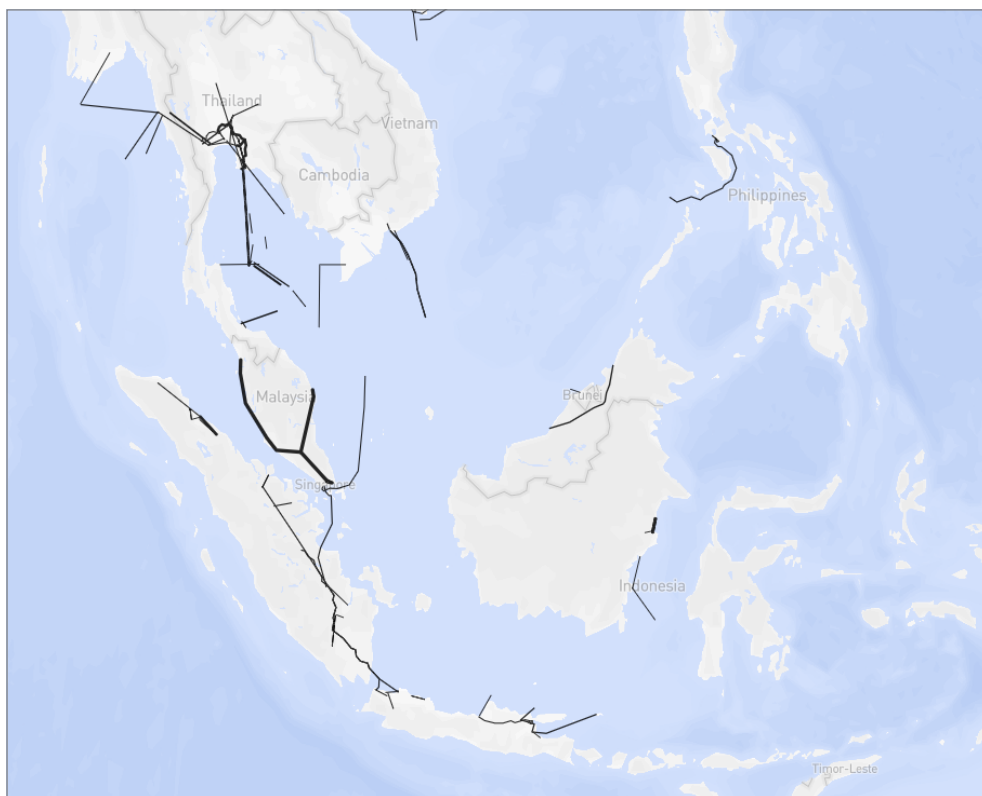

Рис. 3. Газопроводы в ЮВА (по состоянию на конец 2025 г.)

Источник: *Global Energy Monitor – Asia Gas Tracker*.

Ограничения и риски на пути к энергетической интеграции

Концепция полностью интегрированного энергетического рынка АСЕАН, опирающегося на ОЭС АСЕАН и ТАГ, сталкивается с критическим препятствием на пути реализации – финансированием крупномасштабной трансграничной транспортной инфраструктуры. Несмотря на то что стратегические преимущества многосторонней торговли энергией (*Multilateral Power Trade, MPT*) широко признаны, нынешняя финансовая среда создает значительные препятствия, которые выходят далеко за рамки простого дефицита финансового капитала.

Сложность финансирования трансграничных энергетических проектов возрастает по мере увеличения их масштабов. Выделяют три механизма финансирования трансграничных энергетических проектов [*Shani et al., 2024: 2–3*].

Первый простейший механизм (*IPP-to-grid project*^{*}) подразумевает, что компания-производитель в одной стране продает электроэнергию напрямую энергосистеме в другой стране по выделенной линии. Эта модель успешно привлекает частный капитал, но не создает межсетевое соединение, способное поддерживать многосторонний рынок.

Балансовое финансирование представляет собой простой подход к созданию межсетевых соединений, при котором каждая энергетическая компания финансирует сегмент линии до своей границы за счет своего баланса. Однако этот подход сталкивается с вышеупомянутыми нормативными препятствиями и ограниченными возможностями государственных энергокомпаний по привлечению крупных объемов капитала.

Финансирование в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП) может быть двусторонним или многосторонним. Двустороннее ГЧП предполагает предоставление двумя энергокомпаниями концессии частной организации на строительство и эксплуатацию интерконнектора, которая затем получает платежи за мощность от энергокомпаний. Многостороннее ГЧП для активов общего пользования является наиболее сложным, но и наиболее согласованным с концепцией ОЭС АСЕАН. Это предполагало бы, что частная организация построит и будет эксплуатировать ключевую линию электропередачи, которая обслуживает региональный рынок, получая платежи от пула энергокомпаний или оператора рынка. Однако одно из недавних исследований показало отрицательное влияние инвестиций в рамках ГЧП в энергетику стран АСЕАН на темпы роста ВВП (снижение на 8,3%) [Hossin et al., 2024: 13].

Другим многообещающим способом финансирования является создание специализированного регионального инвестиционного фонда по передаче электроэнергии. Успешным прецедентом является Региональный фонд финансирования инфраструктуры передачи электроэнергии (*Regional Transmission Infrastructure Financing Facility, RTIFF*), созданный Южноафриканским энергетическим объединением (*SAPP*)³. Этот проект с бюджетом 1,3 млрд долл. объединяет фонд развития (для проведения технико-экономических обоснований, структурирования и соблюдения требований *ESG*) и фонд строительства (для прямых инвестиций в проект). Он объединяет капитал членов *SAPP*, финансовых институтов, таких как Международная финансовая корпорация (*IFC*, входит в структуру Всемирного банка)

³ Climate Fund Managers (CFM) appointed to manage Southern African Power Pool's (SAPP) USD\$1.3 Billion Regional Transmission Infrastructure Financing Facility (RTIFF) // APO Group – Africa Newsroom. 2024. Mar. 5; <https://www.africa-newsroom.com/press/climate-fund-managers-cfm-appointed-to-manage-southern-african-power-pools-sapp-usd13-billion-regional-transmission-infrastructure-financing-facility-rtiff?lang=en>, дата обращения 11.12.2025.

* *IPP (Independent Power Producer)* – независимый производитель электроэнергии.

в качестве основного инвестора, и коммерческих инвесторов, снижая риск реализации проектов за счет механизмов защиты от первых потерь и повышения кредитоспособности от таких организаций, как Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (*MIGA*) Всемирного банка. Создание аналогичного механизма для АСЕАН при поддержке одного или нескольких банков развития могло бы обеспечить целевой капитал, необходимый для окончательного развития наиболее важных проектов ОЭС АСЕАН.

Амбициозное видение Общей электроэнергетической системы АСЕАН сталкивается со сложным и взаимосвязанным набором рисков, которые угрожают ее переходу от двусторонних взаимосвязей к интегрированному многостороннему или единому рынку. Эти риски не только носят финансовый характер, но и заложены в самой политической, экономической и социальной структуре региона, что говорит о том, что преждевременное стремление к глубокой интеграции может привести к провалу проекта, потере активов и обострению региональной напряженности [*Do, Burke, 2023: 115–119*].

Основной категорией рисков являются политические, вытекающие из фундаментальных вопросов национального суверенитета и доверия. Так называемый Путь АСЕАН (*ASEAN Way*), представляющий собой неформальное объединение государств – членов АСЕАН, основанное на многостороннем подходе, который опирается на принципы консенсуса, невмешательства и неприсоединения к конфликтам, недостаточен для глубокой интеграции, необходимой для регионального энергетического рынка [*Shi, Yao, 2020: 164*].

Существенным политическим риском является стратегическая зависимость от импорта электроэнергии. В отличие от таких продаваемых товаров, как СПГ или нефть, которые имеют гибкие цепочки поставок и возможности хранения, передача электроэнергии зависит от стационарной инфраструктуры. Это создает риск задержки, когда страна становится уязвимой к перебоям в поставках со стороны соседа. Это нежелание рисковать усиливается в многостороннем контексте, где потенциальная свобода действий и разрешение споров становятся более сложными. В результате возникает политическая обстановка, в которой чрезвычайно трудно обеспечить долгосрочные юридические обязательства, необходимые для крупномасштабной сетевой интеграции.

К техническим рискам интеграции национальных энергосетей в ОЭС АСЕАН относятся отклонения напряжения и частоты из-за неконтролируемого производства (прерывистое энергоснабжение), перегрузок и отключений в сетях передачи электроэнергии на большие расстояния [*Ahmed et al., 2017: 1429*].

Влияние экологических и климатических рисков особенно велико. Энергетическая инфраструктура в странах ЮВА зачастую расположена в густонаселенных районах вдоль побережий, в зонах повышенной активности циклонов и наводнений. Ежегодный ущерб от повреждения электроэнергетических систем может достигать сотен миллионов долларов [*Ye et al., 2024: 505*]. Например, строительство плотин на реке Меконг и ее притоках

привело к разрушению экосистем, утрате биоразнообразия, изменению течения рек, изменению состава отложений и негативному влиянию на рыболовство [Pratiwi, Juerges, 2020: 226]. Кроме того, интеграция локальных энергосистем в ОЭС АСЕАН может способствовать увеличению выработки энергии электростанциями, работающими на угле, что будет негативно сказываться на экологии [Atmo et al., 2022: 11].

Заключение

В АСЕАН уже сделаны важные шаги для региональной энергетической интеграции: институциональная рамка, определенная Планом действий АСЕАН по энергетическому сотрудничеству, и ощутимые достижения в области создания трансграничной инфраструктуры, в частности Общая электроэнергетическая сеть АСЕАН и Трансасеанский газопровод, отражают согласованные усилия по решению проблем интеграции. Успешные проекты, такие как проект энергетического объединения Лаоса, Таиланда, Малайзии и Сингапура (*LTMS-PIP*), демонстрируют техническую осуществимость и политическую приверженность, необходимые для выхода за рамки двусторонней торговли.

Тем не менее переход к интегрированному многостороннему рынку сталкивается с серьезными системными препятствиями. Эти барьеры включают в себя политические аспекты, касающиеся суверенитета и безопасности поставок, различия в национальных режимах регулирования и ценообразования, вопросы финансирования и неравномерное распределение затрат и выгод. Конечный успех энергетической интеграции АСЕАН зависит от способности государств-членов укрепить коллективную политическую волю, добиться значимой гармонизации нормативно-правовой базы и создать надежные региональные институты, способные управлять общим рынком. Решение этих проблем является необходимым условием для преобразования разрозненных энергосистем в единую региональную энергетическую систему.

Список литературы (References)

Ahmed T., Mekhilef S., Shah R., Mithulananthan N., Seyedmahmoudian M., Horan B., 2017. ASEAN power grid: A secure transmission infrastructure for clean and sustainable energy for South-East Asia // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. No. 67: 1420–1435. DOI: 10.1016/j.rser.2016.09.055.

Aris H., Jørgensen B. N., 2020. ASEAN Power Grid 20 years after: An overview of its progress and achievements // *IOP Conference Series Earth and Environment Science*. No. 463. P. 8. DOI: 10.1088/1755-1315/463/1/012055.

Atmo G. U., Otsuki T., Nurcahyanto E., 2022. Modelling low carbon electricity generation of an integrated ASEAN power grid // IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science. No. 997. 11 p. DOI: 10.1088/1755-1315/997/1/012011.

Do T. N., Burke P. J., 2023. Is ASEAN ready to move to multilateral cross-border electricity trade? // Asia Pacific Viewpoint. No. 64 (1). Pp. 110–125. DOI: 10.1111/apv.12343.

Hossin M. A., Alemzero D., Abudu H., Yin S., Mu L., Panichakarn B., 2024. Examining public private partnership investment in energy towards achieving sustainable development goal 7 for ASEAN region // Scientific reports. No. 14. P. 16. DOI: 10.1038/s41598-024-66800-9.

Pratiwi S., Juerges N., 2020. Review of the impact of renewable energy development on the environment and nature conservation in Southeast Asia // Energy, Ecology and Environment. No. 5 (4). Pp. 221–239. DOI: 10.1007/s40974-020-00166-2

Shani N., Arianto M. N., Wahyono A. D., Suryadi B., Maharani P. A., 2024. Addressing Financing Challenges for Cross-border Transmission Projects // Policy Brief. (12). P. 6.

Shi X., Yao L., 2020. Economic Integration in Southeast Asia: The Case of the ASEAN Power Grid // Journal of Economic Integration. No. 35 (1). Pp. 152–171. DOI: 10.11130/jei.2020.35.1.152.

Ye M., Ward P. J., Bloemendaal N., Nirandjan S., Koks E. E., 2024. Risk of Tropical Cyclones and Floods to Power Grids in Southeast and East Asia // International Journal of Disaster Risk Science. No. 15. Pp. 494–507. DOI: 10.1007/s13753-024-00573-7.

ASEAN Energy Outlook. ASEAN Centre for Energy, 2024. No. 8. 202 p. // <https://clck.ru/3RkJzs>, дата обращения 11.12.2025.

ASEAN Plan of Action for Energy Cooperation (АРАЕС) 2026-2030. ASEAN Centre for Energy. 56 p. // <https://aseanenergy.org/publications/asean-plan-of-action-for-energy-cooperation-араес-2026-2030>, дата обращения 11.12.2025.

Establishing Multilateral Power Trade in ASEAN. International Energy Agency, 2019. 130 p. // <https://www.iea.org/reports/establishing-multilateral-power-trade-in-asean>, дата обращения 11.12.2025.

Study on the Roadmap for Multilateral Power Trade in ASEAN., 2024. ASEAN Centre for Energy (ACE). 144 p. // <https://aseanenergy.org/publications/study-on-the-roadmap-for-multilateral-power-trade-in-asean>, дата обращения 11.12.2025.

Andrey M. KULIKOV, PhD (History), Associate Professor of International Business Department, Financial University under the Government of the Russian Federation

Address: 49/2, Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation

E-mail: hanyudao@mail.ru

SPIN-code: 9606-5206

ORCID: 0000-0002-9317-7432

Egor N. NIKITIN, Senior Research Assistant of the Center for World Policy and Strategic Analysis, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russian Federation

E-mail: 241364@edu.fa.ru

SPIN-code: 3688-1132

ORCID: 0009-0005-0374-1335

REGIONAL ENERGY INTEGRATION IN SOUTHEAST ASIA: FROM BILATERAL PROJECTS TO A COMMON ENERGY MARKET

DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_19

Received: 15.01.2026

For citation: *Kulikov A. M., Nikitin E. N.*, 2026. Regional energy integration in Southeast Asia: from bilateral projects to a common energy market. – *Geoeconomics of Energetics*. № 1 (33). P. 19–33. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_19

Conflict of interests: The authors declare the absence of the conflict of interests.

Keywords: ASEAN, energy integration, energy security, ASEAN Power Grid, Trans-ASEAN Gas Pipeline, multilateral electricity trade, cross-border investment.

Abstract

This article analyzes the development of regional energy integration within the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). It investigates the strategic drivers behind this process, including rising energy demand, external supply dependence, and the dual objectives of enhancing security and promoting decarbonization. The study focuses on the institutional framework provided by the ASEAN Plan of Action for Energy Cooperation (APAEC) and its practical implementation through two critical infrastructure initiatives: the ASEAN Power Grid (APG) and the Trans-ASEAN Gas Pipeline (TAGP). Using a typology of market integration stages, the paper assesses ASEAN's shift from bilateral arrangements toward multilateral mechanisms. The

analysis identifies a set of interrelated political, technical, and institutional conditions necessary for deeper integration. It also highlights persistent barriers, such as regulatory fragmentation, infrastructure financing challenges, and risks related to national sovereignty. The article argues that, despite notable progress, the establishment of a fully integrated regional energy market will depend on overcoming significant systemic constraints through improved policy coordination.

Игорь КРИШТАЛЬ

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ТОРГОВЛИ ГОСУДАРСТВ БРИКС НА ФОНЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Дата поступления в редакцию: 02.03.2026

Для цитирования: Кришталь И. С., 2026. Структура и динамика торговли государств БРИКС на фоне трансформации мировой экономики. – Геоэкономика энергетики. № 1 (33). С. 34–56. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_34

Постоянная геополитическая нестабильность и волатильность мировых рынков в последнее десятилетие приводят к ослаблению процессов глобализации. В результате на первый план выходит сотрудничество в региональном формате, что позволяет участникам таких объединений лучше справиться с вызовами сегодняшнего дня. БРИКС является ярким примером успешной платформы регионального сотрудничества, в рамках которой удалось существенно увеличить объемы торговли за время ее существования. В статье детально рассматривается структура торговли стран – участниц объединения. Цель исследования состоит в анализе динамики и товарной структуры внешней и внутриблоковой торговли государств БРИКС и в оценке трансформации их позиций в мировых торговых потоках. На основе статистических данных за 2020–2024 гг. проводится количественная и качественная оценка объемов экспорта и импорта, ключевых направлений торговых потоков, степени их диверсификации. Особое внимание уделяется торговле высокотехнологичными товарами и продукцией с высокой добавленной стоимостью как фактору укрепления конкурентоспособности БРИКС на мировом рынке. Дополнительно анализируется доля сырьевого сектора в торговле стран объединения и ее влияние на устойчивость экспортных доходов и характер интеграции

КРИШТАЛЬ Игорь Семенович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117997, Стремянный пер., 36. E-mail: krishtal.is@rea.ru. SPIN-код: 3967-0616. ORCID: 0000-0003-1720-0132

Ключевые слова: БРИКС, внешняя торговля, структура торговли, товарная структура, торговые потоки, мировая торговля, экономическая интеграция, региональное сотрудничество, геоэкономическая трансформация.

БРИКС в мировую экономику. Показано, что на фоне роста доли БРИКС в мировой торговле и расширения формата объединения усиливается внутренняя связность блока, постепенно формируется более сбалансированная модель распределения торговых потоков между его участниками. Сделанные выводы позволяют конкретизировать перспективы углубления торгово-экономического сотрудничества в рамках БРИКС и обосновать направления дальнейшей адаптации национальных торговых стратегий к новым условиям мировой экономики.

БРИКС в условиях трансформации мировой экономики

В условиях разбалансировки международных торгово-экономических отношений на фоне роста неопределенности, накопления кризисных элементов в мировой экономике, снижения роли глобальных институтов управления все большее значение приобретают гибкие региональные и трансрегиональные форматы экономического взаимодействия, создаваемые для решения общих задач.

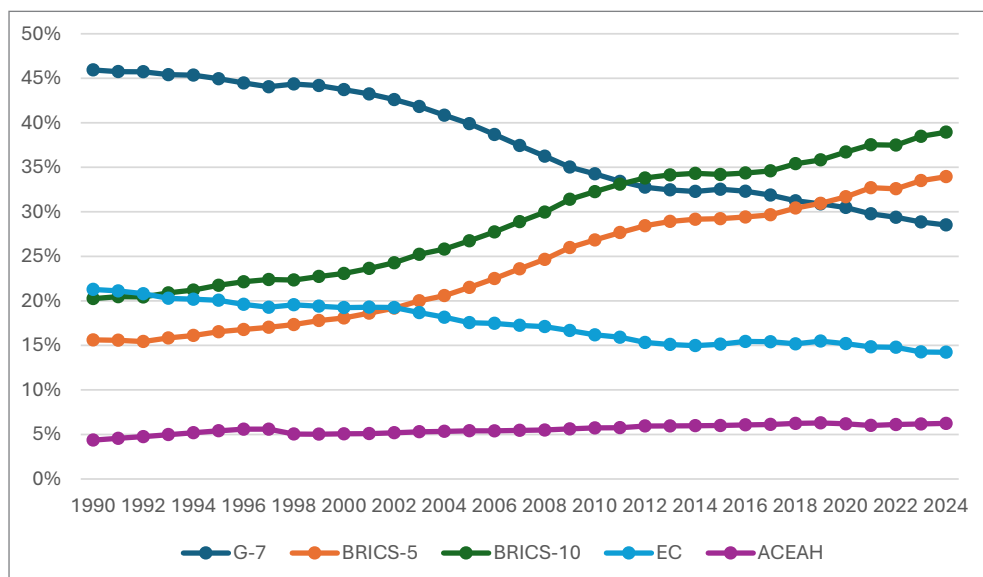

Рис. 1. Доля различных групп стран и интеграционных объединений в мировом ВВП (по ППС)

Источник: составлено авторами по данным *World Bank*.

Одним из крупнейших межгосударственных объединений такого плана выступает БРИКС – платформа для развития диалога и сотрудничества в целях ускорения экономического роста, укрепления взаимосвязей и влия-

ния в мировой системе, основанная на принципах уважения, равенства, открытости, добровольности, учета интересов друг друга и взаимной выгоды.

Объединение действует без устава, не имеет статуса международной организации, фиксированных полномочий и секретариата, вместе с тем на долю его участников приходится больше трети мировой территории, около половины его населения и свыше 20 % мировой торговли. В последние десять лет суммарный вклад десяти стран БРИКС в мировой ВВП был не ниже 25 % (в 2024 г. – 27 %) и 35 % – по ППС (с 2018 г., в 2024 г. – 38,9 %) ¹.

С 1960-х гг. доля государств расширенного БРИКС в мировом населении практически не менялась, составляя в разные периоды порядка 48–50 %. При этом как с момента образования объединения, так и несколько десятилетий до этого наблюдался устойчивый тренд, говорящий о превышении темпов роста реального суммарного ВВП его участников над общемировыми показателями [Фейгин, Бобровникова, Афанасьева, 2025: 217].

Согласно данным ВТО, с момента основания объединения страны БРИКС нарастили долю в мировой торговле почти в 1,5 раза, до 21,6 %, по итогам 2023 г. ². Товарооборот «десятки» с другими государствами и друг с другом в 2024 г. составил 10 трлн долл. (в 2023 г. – 10,3 трлн долл.). По этому показателю объединение уступает только Евросоюзу (ЕС), объемы торговли которого в 2023 г. достигли 14,3 трлн долл. ³.

Структура внешней торговли, объемы экономик членов объединения и их вес в общем товарообороте блока сильно различаются. Высокая общая доля в мировом ВВП достигается главным образом за счет китайской экономики (в последние годы – порядка 17 % в номинальном выражении и 18–19 % по ППС) [Шелепов, 2025: 158]. Вклад экономики Индии составляет 3–3,5 % (7–8 % – по ППС). Россия и Бразилия в этом отношении довольно близки – порядка 2 % (3,5 и 2,4 % по ППС соответственно). На новых участников суммарно приходится около 2,5 % мирового ВВП в номинальном выражении и немногим менее 5 % по ППС ⁴.

Вклад крупнейшей в БРИКС экономики – Китая – в общий товарооборот блока на сегодняшний день составляет более 60 %, тогда как Эфиопии – только 0,1 % ⁵.

¹ World Development Indicators, 2024. World Bank // <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>, дата обращения 02.03.2026.

² Страны БРИКС нарастили долю в мировой торговле до 21,6 % // <https://expert.ru/news/stany-briks-narastili-dolyu-v-mirovoy-torgovle-do-21-6/>, дата обращения 11.02.2026.

³ Там же.

⁴ World Development Indicators, 2024. World Bank // <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>, дата обращения 02.03.2026.

⁵ Здесь и далее, если не указано иное, приведены данные на основе: International Trade Centre (2024), Trade Map // <https://www.trademap.org>, дата обращения 02.03.2026.

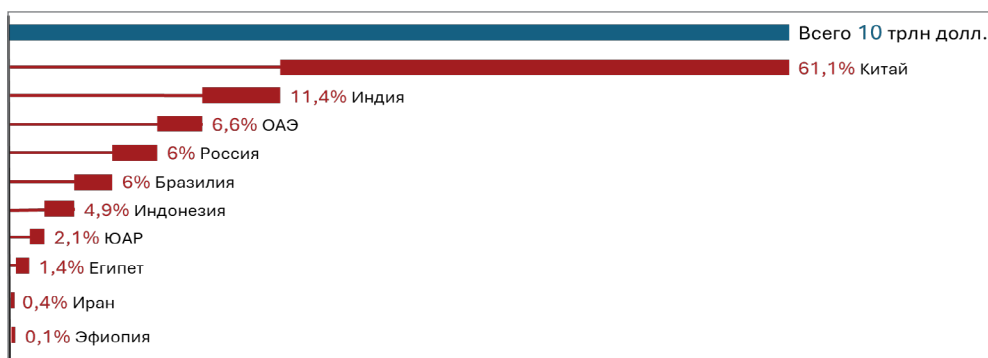

Рис. 2. Вклад участников БРИКС в общий товарооборот объединения

Источник: составлено авторами по данным *Trade Map*.

Структура и динамика торговли стран БРИКС: страновой анализ

Kumay

В последние годы Китай продолжает укреплять статус крупнейшей торговой державы мира. Общий объем экспорта в 2024 г. составил более 3,5 трлн долл., импорта — более 2,5 трлн долл., что обеспечило совокупный товарооборот на уровне 6,16 трлн долл. и положительное торговое сальдо в размере 9,9 трлн долл.. Из общего товарооборота КНР наибольшая доля приходится на страны АСЕАН (порядка 16 %) и БРИКС (14,7 %). Доля ЕС составила 12,75 %.

Положительное торговое сальдо формируется преимущественно за счет торговли с США, ЕС, АСЕАН, Гонконгом и Индией при дефиците с Тайванем, Австралией, Бразилией, Республикой Корея и рядом других государств. Это обеспечивает устойчивость валютных резервов, однако создает геополитическое напряжение с крупнейшими партнерами, особенно с США и ЕС.

В числе наиболее значимых торговых партнеров лидируют США с товарооборотом 690,1 млрд долл. (11,2 % от общего товарооборота Китая в 2024 г.), включая экспорт 524,9 млрд долл. и импорт 165,2 млрд долл. Профицит Китая составил 359,7 млрд долл., что отражает структурный дисбаланс и традиционный экспорт промышленных товаров, электроники, потребительских изделий при ограниченном импорте высокотехнологичной продукции, авиатехники, сельхозтоваров.

Республика Корея — второй по величине партнер с товарооборотом 328,2 млрд долл. (экспорт — 146,4 млрд долл., импорт — 181,8 млрд долл., доля в общем товарообороте КНР — 5,3 %), дефицит в 35,4 млрд долл. объясняется зависимостью от корейских полупроводников, дисплеев, комплектующих для электроники.

Гонконг (310 млрд долл., 5 % товарооборота КНР), Япония (308,3 млрд долл., 5 % товарооборота КНР) и Тайвань (293,1 млрд долл., 4,8 % товарооборота КНР) формируют технологическое ядро Восточной Азии, обеспечивая высокотехнологичные цепочки поставок. Особенно значим импорт из Тайваня (217,8 млрд долл.) – крупнейшего поставщика микросхем – при экспорте лишь 75,2 млрд долл., что создает дефицит в 142,6 млрд долл.

В числе других крупнейших торговых партнеров – Вьетнам (4,2 % товарооборота Китая в 2024 г.), Россия (4 %), Малайзия и Австралия (по 3,4 %), Германия (3,3 %), Бразилия (3 %), Индонезия (2,4 %), Индия (2,2 %), Таиланд (2,2 %) и ряд других.

В структуре экспорта суммарно доминировали страны АСЕАН (суммарно 16,4 % экспорта в 2024 г.) и США (14,7 %), а также ЕС и БРИКС, причем последние практически догнали ЕС по объему (14,4 и 14 % соответственно). На Гонконг в 2024 г. приходилось 8,1 % экспорта, на Вьетнам – 4,5 %, Японию – 4,2 %, Республику Корея – 4 %, Индию – 3,4 %, Россию – 3,2 %, Германию – 3 %, Малайзию – 2,8 %. В числе стран, на которые пришлось более 2 % китайского экспорта в 2024 г., также Нидерланды, Мексика, Таиланд, Сингапур, Великобритания, Индонезия, Бразилия. Порог в 2 % экспорта также преодолел Тайвань.

Основными поставщиками импорта выступают страны БРИКС (15,7 % импорта в 2024 г.), АСЕАН (15,3 %) и ЕС (10,4 %). В числе лидеров – Тайвань (8,4 %), Республика Корея (7 %), США (6,4 %), Япония (6 %), Австралия (5,5 %), Россия (5 %), Бразилия (4,5 %), Малайзия (4,3 %), Вьетнам (3,8 %), Германия (3,7 %), Индонезия (2,7 %), Саудовская Аравия (2,2 %), Швейцария (2,1 %).

В целом структура внешней торговли КНР отражает многополярность китайской экономической политики с диверсификацией партнерских направлений при сохранении концентрации на ключевых технологических и сырьевых поставщиках. Перечень основных партнеров по совокупному товарообороту демонстрирует доминирование развитых экономик и регионов с интегрированными производственными цепочками. Объединение БРИКС представляет важное направление внешней торговли Китая.

Ключевые партнеры в АСЕАН – Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Таиланд, Сингапур и Филиппины. Во Вьетнаме китайские компании размещают сборочные производства для последующего экспорта в США и ЕС, одновременно импортируя из страны электронику, текстиль, обувь и сельхозпродукцию. Малайзия поставляет электронные компоненты, пальмовое масло, нефтепродукты, СПГ, получая машины, электронику, продукцию химической промышленности. Индонезия, Таиланд, Сингапур и Филиппины формируют интегрированную производственную сеть с Китаем, обеспечивая обмен комплектующими, электроникой, сырьем и готовой продукцией.

ЕС остается для Китая одним из стратегически важных направлений, хотя доля стран Евросоюза в товарообороте КНР постепенно снижается. Торговля с ЕС характеризуется дисбалансом: экспорт почти в 2 раза превышает импорт, обеспечивая крупное положительное сальдо (в 2024 г. — почти 247 млрд долл.). ЕС — преимущественно рынок сбыта для китайских товаров при ограниченном импорте продукции.

Индия

В 2024 году Индия продемонстрировала внешнеторговый оборот на уровне 1,14 трлн долл. при значительном торговом дефиците (261,1 млрд долл.). Общий экспорт составил 441,7 млрд долл., импорт — 702,8 млрд долл. (соотношение импорт/экспорт — 1,6/1).

Список ключевых торговых партнеров по совокупному товарообороту демонстрирует географическую диверсификацию с концентрацией на ключевых регионах. Лидирующие позиции в 2024 г. занимали страны БРИКС, доля которых суммарно составила более 31 %. Доли в товарообороте Индии государств ЕС и АСЕАН были близки — 11,8 и 10,9 % соответственно.

Крупнейшими торговыми партнерами Индии выступают Китай и США, доли которых в товарообороте страны в 2024 г. были практически идентичны (10,84 и 10,82 % соответственно). В числе других крупных партнеров — ОАЭ (8,6 %), Россия (6 %), Саудовская Аравия (3,7 %), Сингапур (3,2 %), Ирак (2,9 %), Нидерланды (2,6 %), Индонезия (2,6 %), Германия (2,4 %), Республика Корея (2,3 %). Более 2 % товарооборота в 2024 г. также приходилось на Гонконг, Японию и Швейцарию, чуть менее 2 % — на Великобританию и Австралию.

Основным импортером индийских товаров, по сути, остаются США. Экспорт в страны БРИКС в 2024 г. суммарно ненамного превысил показатели США (18,8 % общего экспорта против 18,2 %). Второе место удерживают государства Евросоюза, на которые в 2024 г. пришлось 17,8 % индийского экспорта. 9,76 % товаров из Индии в 2024 г. поступило на рынок АСЕАН, 8,5% — в ОАЭ. Существенные доли экспорта в 2024 г. приходились на Нидерланды (5,6 %), Сингапур (3,6 %), Китай (3,4 %), Великобританию (3,2 %), Саудовскую Аравию (2,8 %), Бангладеш (2,6 %) и Германию (2,4 %). Немногим менее 2 % экспорта пришлось на Италию, ЮАР и Малайзию.

Как и в случае с Китаем, основными источниками импорта выступают страны БРИКС. В 2024 г. из государств объединения поступило 39 % индийского импорта. Соответственно в тройке лидеров по объему импорта в последние два года — Китай, Россия и ОАЭ. В 2024 г. доля Китая в общем объеме индийского импорта составила 15,5 %, России — 9,1 %, ОАЭ — 8,5 %. Это намного превышает суммарный импорт из стран ЕС (8 % индийского импорта в 2024 г.). Доля АСЕАН в структуре импорта традиционно составила чуть более 11 % (11,6 %). В числе крупных экспортеров на индийский рынок можно также выделить США

(6,1 %), Саудовскую Аравию (4,2 %), Ирак (4,2 %), Индонезию (3,4 %), Швейцарию (3,1 %), Республику Корея (3 %), Сингапур (2,9 %), Японию (2,7 %), Гонконг (2,6 %), Германию (2,4 %) и Австралию (2,1 %).

В целом структура внешней торговли Индии отражает быстрорастущую экономику с диверсифицированной экспортной базой (услуги, фармацевтика, информационные технологии, нефтепродукты, ювелирные изделия, текстиль, машины) при высокой зависимости от импорта энергоносителей, электроники, машин и сырья.

Торговый дефицит формируется преимущественно за счет торговли с Китаем, Россией, партнерами по АСЕАН, Ираком, ОАЭ, частично компенсируется положительным сальдо с США, ЕС, Южной Азией, Нидерландами.

БРИКС – крупнейший партнер с товарооборотом 357 млрд долл. и наибольшим торговым дисбалансом (дефицит в 2024 г. составил более 191 млрд долл.), отражающим серьезную зависимость от Китая и России в импорте.

В двустороннем ключе Китай лидирует с товарооборотом 124,1 млрд долл. и дефицитом торгового баланса в 93,8 млрд долл. (крупнейший двусторонний дефицит, составляющий практически 36 % всего торгового дефицита страны).

США – второй партнер с товарооборотом 123,9 млрд долл. и крупнейшим положительным сальдо в 37,7 млрд долл. Это важнейший экспортный рынок для индийских ИТ-услуг, фармацевтики, ювелирных изделий, текстиля, нефтепродуктов, источник высокотехнологичного оборудования, гражданской авиатехники, сырья. За последние пять лет Индия укрепила позиции на американском рынке, экспорт в США вырос на 63,8 % (с 49,3 млрд до 80,8 млрд долл.).

ЕС – стратегически значимое экспортное направление для Индии (17,8 % экспорта в 2024 г.). Положительное сальдо в 22 млрд долл. свидетельствует о конкурентоспособности индийского экспорта на европейском рынке. Из них 19,8 млрд долл. – профицит с Нидерландами, которые выступают крупным импортером индийских товаров и логистическим хабом для реэкспорта по Европе.

Значимое направление во внешней торговле Индии – страны АСЕАН. Растущая интеграция в рамках *Act East Policy* создает потенциал для дальнейшего расширения торговли.

Бразилия

В последние годы внешняя торговля Бразилии демонстрирует устойчивый рост с пиком в 2022 г. на фоне высоких цен на сырьевые товары. 2023–2024 гг. характеризуются стабилизацией объемов при сохранении положительного торгового баланса. В 2024 г. общий экспорт составил 337 млрд долл., импорт – 262,9 млрд долл., что обеспечило профицит в размере 74,1 млрд долл. и совокупный товарооборот на уровне 599,9 млрд долл.

В товарообороте Бразилии страны БРИКС занимают особое место, в 2024 г. на них приходилось более 34 % внешней торговли страны. Такое положение во многом объясняется доминированием Китая во внешней торговле Бразилии. В 2024 г. на него приходилось 26,3 % товарооборота страны. Товарооборот с ЕС в этот год составил 15,9 %, что немногим выше соответствующего показателя США – 13,7 %. На этом фоне достаточно скромно выглядит доля стран АСЕАН – 6,2 %. Лидирующие позиции в торговле с Бразилией также занимали Аргентина (4,5 % товарооборота в 2024 г.), Германия (3,3 %), Нидерланды, Испания и Мексика (по 2,3 %), Россия (2,1 %), Индия (2 %). С показателями чуть менее 2 % далее следуют Чили, Япония и Италия.

Ключевым импортером бразильской продукции выступал Китай, в 2024 г. в эту страну поступило 28 % экспорта, что обеспечило БРИКС долю в 35,2 % в общем экспорте Бразилии. Поставки партнерам из ЕС составили 14,3 % общего объема экспорта, США – 12,1 %. На рынки АСЕАН в 2024 г. пришлось всего 7,8 % бразильского экспорта, на рынки Аргентины – 4,1 %, Нидерландов – 3,5 %, Испании – 3 %, Сингапура – 2,3 %, Мексики – 2,3 %. Далее следуют Чили и Канада, чья доля немногим менее 2 %.

В структуре импорта Бразилии доминировали страны БРИКС. 32,7 % импорта Бразилии в 2024 г. происходило из государств блока, причем 24,2 % импорта – из Китая. Вторым и третьим контрагентами в этом ряду выступали соответственно ЕС (18 % общего импорта Бразилии в 2024 г.) и США (15,7 %). Импорт из стран АСЕАН в 2024 г. составил 4,12 %. Ключевые позиции в ряду поставщиков товаров на бразильский рынок также принадлежат Германии (5,2 %), Аргентине (5,2 %), России (4,2 %), Индии (2,6 %), Италии и Франции (2,4 %), Мексике (2,2 %), Японии (2,1 %). Чуть менее 2 % у Республики Корея и Чили.

В целом структура торговли отражает традиционную роль Бразилии как крупного экспортера сырьевых товаров и сельскохозяйственной продукции при растущем импорте промышленных товаров и технологий.

БРИКС занимает лидирующие позиции во внешней торговле, обеспечивая свыше 30 % как экспорта, так и импорта, что преимущественно обусловлено масштабом торговли с Китаем. ЕС сохраняет второе место по товарообороту, предоставляя более сбалансированные потоки. Европейские страны являются важными рынками сбыта для бразильского агроэкспорта и источниками высокотехнологичного импорта. Умеренно положительное сальдо свидетельствует о взаимовыгодном обмене. Практически сбалансирована торговля с США (экспорт – 40,6 млрд долл., импорт – 41,4 млрд долл.). Высокий потенциал роста сохраняет торговля со странами АСЕАН.

Аргентина – важнейший региональный партнер с товарооборотом 27,4 млрд долл. и почти паритетным обменом (экспорт – 13,8 млрд долл., импорт – 13,6 млрд долл.), что характерно для интеграции в рамках МЕРКОСУР.

Россия

Внешняя торговля Российской Федерации претерпела серьезную трансформацию в период 2020–2024 гг., обусловленную геополитическим кризисом 2022 г. и последующими масштабными антироссийскими санкциями западных стран.

Наиболее важные изменения во внешней торговле России были связаны с переориентацией поставок с Запада на Восток, что сопровождалось взрывным ростом как экспорта в страны БРИКС, так и импорта из них. Так, в 2020 г. на девять стран БРИКС приходилось 23,02 % российского товарооборота, в 2021 г. – 22,94 %, в 2022 г. – 34,15 %, в 2023 г. – 52,79 % и в 2024 г. – 55,81 %. Общий объем импорта из государств объединения в 2024 г. составил 206 млрд долл., экспорт достиг 398,1 млрд долл.

Россия имеет устойчивый торговый профицит со странами БРИКС, который в 2024 г. составил 89 млрд долл., увеличившись в 5,6 раза по сравнению с 2020 г. Он почти полностью обеспечивается положительным балансом с Индией и Китаем по экспорту энергоносителей.

Товарооборот с ЕС с 2020 г. сократился более чем на 61,6 % (падение импорта – на 61,1 %, экспорта – на 62 %) и составил 12 % общероссийского в 2024 г. Импорт из БРИКС в 2024 г. достиг 124,1 млрд долл., увеличившись более чем вдвое по сравнению с 2020 г. Доля БРИКС в импорте России выросла с 24,8 % в 2020 г. до рекордных 60,2 % в 2024 г. Экспорт России в страны БРИКС в 2024 г. составил 213 млрд долл., демонстрируя рост в 2,9 раза с 2020 г. Доля БРИКС в российском экспорте выросла с 21,8 % в 2020 г. до 53,5 % в 2024 г. Доля АСЕАН в экспорте и импорте России относительно стабильна.

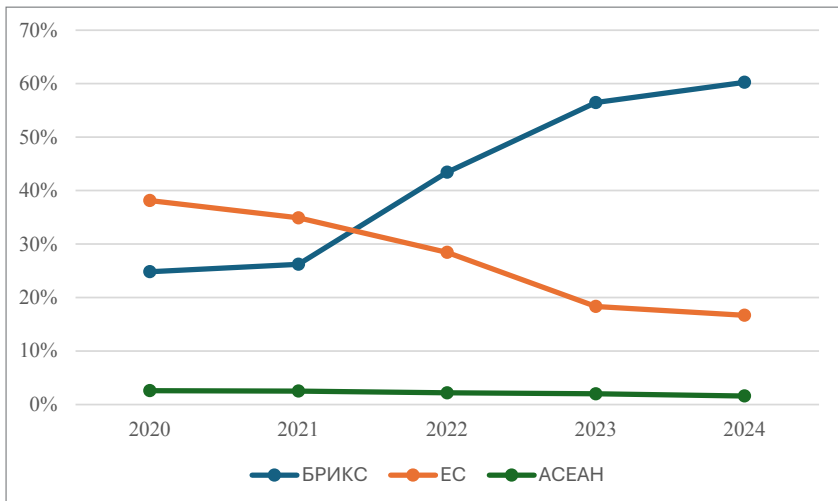

Рис. 3. Доля БРИКС, ЕС и АСЕАН в импорте России, 2020–2024 гг. (%)

Источник: составлено авторами по данным *Trade Map*.

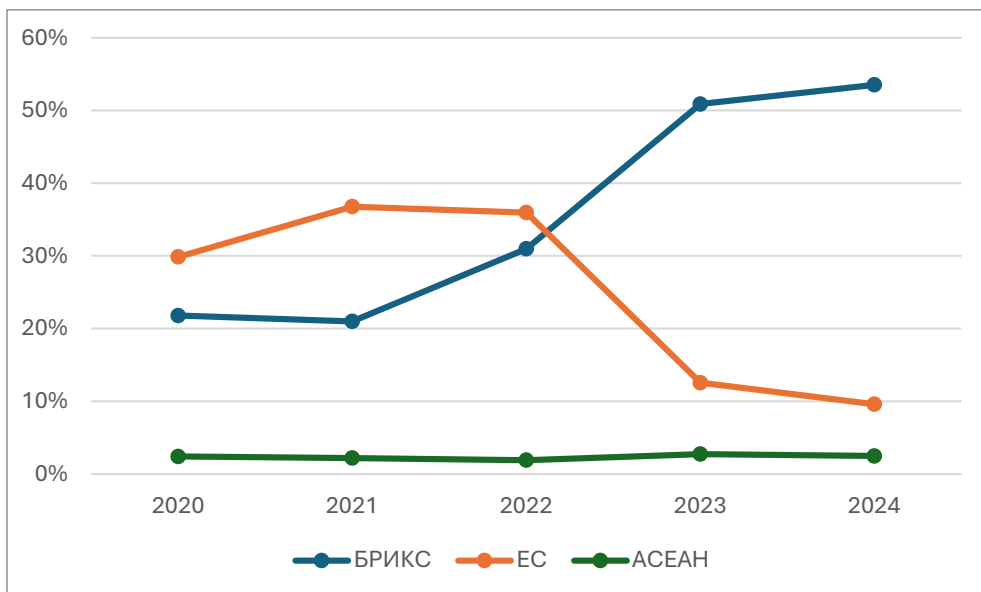

Рис. 4. Доля БРИКС, ЕС и АСЕАН в экспорте России, 2020–2024 гг. (%)

Источник: составлено авторами по данным *Trade Map*.

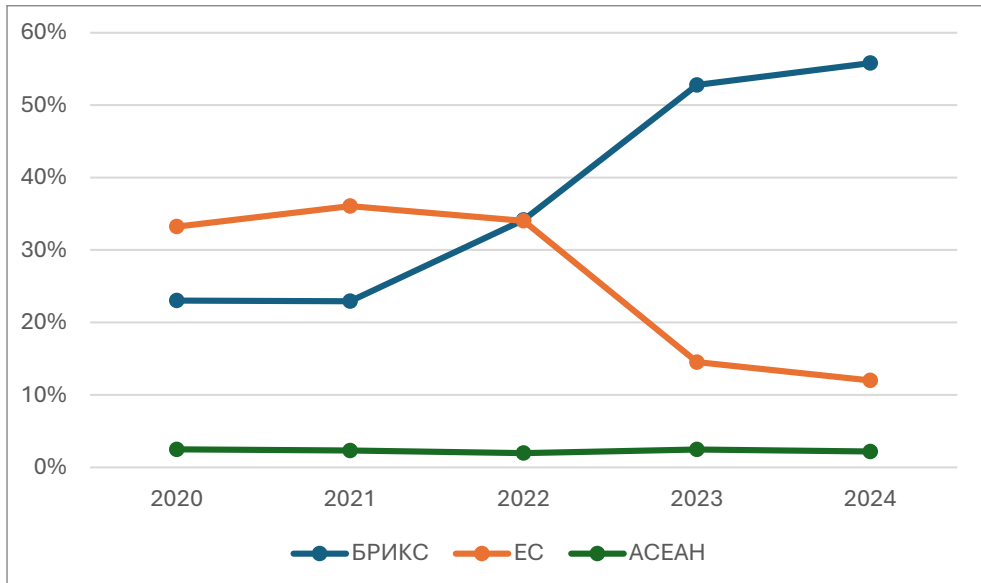

Рис. 5. Доля БРИКС, ЕС и АСЕАН в товарообороте России, 2020–2024 гг. (%)

Источник: составлено авторами по данным *Trade Map*.

В результате в российском товарообороте ведущие позиции занимают партнеры по БРИКС, на которые в 2024 г. приходилось 55,8 % внешней торговли нашей страны. Особая роль принадлежит Китаю, товарооборот с которым в 2024 г. составил более 40 % (40,5 %) российского, а также Индии (11,4 %).

В условиях санкций возросла роль стран-посредников, через которые идет реэкспорт западных товаров в Россию и российских товаров на мировые рынки. Поскольку ряд стран выступают в качестве обходных маршрутов для поставок санкционных товаров, это усложняет оценку реальной структуры торговли.

В числе ключевых российских торговых партнеров по итогам 2024 г. – Турция (8,7 % российского товарооборота), Казахстан (4,6 %), Узбекистан (2,8 %), Бразилия (2,1 %), Армения (2 %), Республика Корея (1,9 %). Доля стран АСЕАН в российском товарообороте в 2024 г. составила 2,2 %.

Основными рынками сбыта для российских товаров также выступают страны БРИКС, на которые в 2024 г. приходилось 53,5 % российского экспорта. Лидирующие позиции принадлежат Китаю (32,4 % российского экспорта в 2024 г.) и Индии (16,1 %). 11,1 % российского экспорта в 2024 г. пришлось на Турцию, 9,6 % – на страны ЕС, 4,6 % поставок осуществлены в Казахстан, 3,1 % – в Узбекистан, 2,8 % – в Бразилию, 2,3 % – в Армению, 1,7 % – в Республику Корея. Доля АСЕАН в экспорте России относительно стабильна, в 2024 г. она составила 2,5 %.

Ключевым поставщиком товаров для отечественного рынка выступает Китай, доля которого в российском импорте за последние годы существенно возросла (в 2020 г. – 21,8 %, в 2021 г. – 23 %, в 2022 г. – 38,2 %, в 2023 г. – 50,7 %, в 2024 г. – 56,1 %). Соответственно суммарная доля партнеров по БРИКС в российском импорте в 2024 г. превысила 60 % (60,2 %). Импорт из ЕС с 2020 г. сократился более чем на 60 % и в 2024 г. составил 16,7 % суммарного импорта нашей страны. В числе важнейших поставщиков – Казахстан (4,6 %), Турция (4,2 %), Германия (4 %), Индия (2,4 %), Италия (2,3 %), Республика Корея и Узбекистан (по 2,2 %). Доля импорта из стран АСЕАН в 2024 г. составила всего 1,6 % (в 2023 г. – 2 %, в 2022 г. – 2,2 %, в 2021 г. – 2,5 %, в 2020 г. – 2,6 %). Сокращение связано со вторичными санкциями и с опасениями компаний региона попасть под западные ограничения.

Структура экспорта России остается сырьевой: минеральные продукты (нефть, газ, уголь) составляют 60,9 % экспорта, металлы и металлопродукция – около 15 %, сельскохозяйственная продукция – 7 %⁶. В импорте доминируют машины и оборудование, химическая продукция и продовольственные товары.

⁶ Сальдо торгового баланса России в 2024 году выросло на 7,8 % // <https://www.interfax.ru/business/1010906>, дата обращения 11.10.2025.

ЮАР

Южно-Африканская Республика, крупнейшая экономика континента, несмотря на структурные экономические проблемы, демонстрирует рост внешней торговли. В 2024 г. общий объем импорта в ЮАР составил 101,2 млрд долл., экспорт достиг 110,4 млрд долл., торговый баланс оставался положительным.

В товарообороте ЮАР ведущие позиции принадлежат странам БРИКС (26,5 % в 2024 г.), главным образом за счет товарооборота с Китаем (16,2 % товарооборота ЮАР в 2024 г.) и Индии (5,7 %), а также Евросоюза, на который приходится 20,1 % внешней торговли Южно-Африканской Республики. ЮАР имеет устойчивый торговый дефицит с БРИКС и менее устойчивый – с ЕС. Это связано с тем, что ЮАР импортирует высокотехнологичные и потребительские товары, машины при преимущественно ресурсном характере экспорта.

Помимо вышеперечисленных, крупнейшими торговыми партнерами ЮАР выступают США (7,2 % товарооборота в 2024 г.), Германия (6,8 %), Япония (3,4 %), Великобритания (3,3 %), ОАЭ (2,7 %), Нидерланды (2,6 %), Бельгия (2 %), а также партнеры по САДК: Мозамбик (3,6 %), Намибия (2,4 %), Ботсвана (2,3 %), Зимбабве (1,9 %). На долю стран АСЕАН в 2024 г. приходилось всего порядка 3 % товарооборота Южно-Африканской Республики.

В структуре экспорта в целом преобладают те же основные торговые контрагенты. На страны БРИКС в 2024 г. приходилось 19 % экспорта ЮАР, при этом 11,2, 4,3 и 2,4 % экспорта соответственно – доли Китая, Индии и ОАЭ. Вторым крупнейшим импортером южноафриканских товаров выступает ЕС, в 27 стран которого в 2024 г. поступило 17,4 % экспорта ЮАР. Доля США в экспорте ЮАР в 2024 г. составила 7,5 %, Германии – 6,6 %, Великобритании – 4,8 %, Японии – 4,4 %, Нидерландов – 3,9 %, Бельгии – 2,7 %. Большое значение имел внутрорегиональный экспорт: в 2024 г. 6 % общего экспорта ЮАР приходилось на Мозамбик, 3,9 % – на Ботсвану, 3,5 % – на Намибию, 3,4 % – на Зимбабве, 2,8 % – на Замбию, 1,5 и 1,3 % – на Эсватини и Лесото соответственно. Страны АСЕАН серьезной доли в южноафриканском экспорте не занимают, в 2024 г. на эти рынки суммарно пришлось 2,6 % экспорта.

Страны БРИКС являются доминирующим источником импорта для ЮАР. Их доля в общем импорте республики в 2024 г. составила 34,7 %. При этом 21,5 % общего импорта происходило из Китая, 7,2 % – из Индии и 2,9 % – из ОАЭ. Китай и Индия вместе обеспечивают 82 % импорта ЮАР из стран БРИКС. Что касается государств Евросоюза, их доля в импорте ЮАР также несколько выше, чем в структуре экспорта, и составила в 2024 г. 23 %.

В число наиболее значимых поставщиков для южноафриканского рынка также входят Германия (7 % импорта в 2024 г.), США (6,9 %), Таиланд

(3,2 %), Оман (2,9 %), Нигерия (2,5 %), Саудовская Аравия (2,4 %), Италия (2,4 %), Япония (2,3 %), Франция (1,9 %). 3,5 % импорта в 2024 г. поступило из стран АСЕАН.

Egypt

В 2024 г. Египет продемонстрировал внешнеторговый оборот на уровне 139,5 млрд долл. при торговом дефиците в 49,9 млрд долл., что отражает фундаментальный дисбаланс между ограниченной экспортной базой и высокой зависимостью от импорта продовольствия, энергоносителей, промышленных товаров и технологий. Общий экспорт составил 44,8 млрд долл., импорт — 94,7 млрд долл. (соотношение импорт/экспорт — 2,1/1).

Ключевыми торговыми партнерами Египта выступают страны БРИКС и ЕС, товарооборот с которыми в 2024 г. составил соответственно 28,3 и 23,5% общего товарооборота Египта. В региональном разрезе следует также отметить налаженные торговые связи со странами Ближнего Востока и Северной Африки: в 2024 г. на них приходилось 28,6 % всей торговли — 40 млрд долл.

В страновом плане ведущие позиции занимают страны БРИКС, причем не только Китай, хотя его доля в египетском товарообороте в 2024 г. составила внушительные 11,4 %, но и Россия (4,7 % товарооборота в 2024 г.), ОАЭ (4,3 %), Бразилия (3,6 %) и Индия (2,7 %). Из десятки стран — лидеров в торговле с Египтом половина фактически представлена коллегами по БРИКС. Китай безусловно доминирует с товарооборотом 15,9 млрд долл., включая экспорт всего 0,4 млрд долл. и импорт 15,5 млрд долл. Крупнейший двусторонний дефицит в 15,2 млрд долл. отражает структурную зависимость Египта от китайских промышленных товаров, электроники, машин, текстиля, строительных материалов при минимальном экспорте. Характерно, что с большинством основных торговых партнеров Египет имеет отрицательный торговый баланс (Китай, Саудовская Аравия, США, Российская Федерация, Германия, Бразилия, Индия). Исключение в 2024 г. составили Турция, Италия и ОАЭ.

Важное место в структуре внешней торговли страны также принадлежит: Саудовской Аравии (8,1 % товарооборота в 2024 г.), которая по доле в товарообороте Египта опережает США (7,1 %), Турции (4,7 %), Италии (4,7 %), Германии (3,9 %), Великобритании (2,5 %), Израилю (2,3 %), Испании (2,2 %) и Франции (2,1 %). Страны АСЕАН представляют относительно небольшую долю во внешней торговле Египта (товарооборот в 2024 г. составил 3,26 % внешней торговли Египта в стоимостном выражении).

Основной объем экспорта Египта приходится на страны ЕС (в 2024 г. — 27,8 %). Соответственно в топ-15 стран — получателей египетского импорта широко представлены государства Евросоюза, доля которых в общем экспорте страны составляет порядка 2—3 % (Испания — 3,3 %, Греция — 2,4 %, Франция — 2,3 %, Германия — 2,2 %, Нидерланды — 2,2 %), при этом лиди-

рующие позиции занимает Италия с долей 7,5 %. Позиции партнеров по БРИКС здесь несколько слабее (13,4 % экспорта в 2024 г.). Важное место среди ключевых получателей египетской продукции также занимают Саудовская Аравия (7,5 % экспорта в 2024 г.), Турция (7,4 %), ОАЭ (7,3 %), США (5 %), Ливия (4,4 %), Великобритания (3,5 %), Швейцария (2,7 %), Марокко (2,3 %), Алжир (2,2 %). Чуть менее 2 % экспорта приходится на Судан, Бразилию и Ирак. На страны АСЕАН в 2024 г. суммарно приходилось всего 0,82 % экспорта Египта.

Наиболее существенно члены БРИКС представлены в качестве поставщиков товаров на рынок Египта. В 2024 г. 35,4 % импорта поступило из этих государств. Так же как и в случае с товарооборотом, из десяти ведущих торговых партнеров этой категории по итогам 2024 г. половина – из числа стран БРИКС. В частности, в 2024 г. 16,4 % импорта поступило в Египет из Китая, 6,3 % – из России, 4,4 % – из Бразилии, 3,4 % – из Индии и 2,8 % – из ОАЭ. 21,5 % египетского импорта в 2024 г. поставлено из стран ЕС. Здесь лидерами выступали Германия (4,6 % импорта в 2024 г.), Италия (3,4 %) и Франция (1,9 %). Сильные позиции также занимали Саудовская Аравия, на которую в 2024 г. приходилось 8,4 % общего импорта Египта, США (8 %), Турция (3,4 %), Израиль (3,1 %) и Украина (2,6 %). Из стран АСЕАН в 2024 г. суммарно поступило 4,4 % импорта.

Структурный дефицит во внешней торговле Египта формируется преимущественно за счет торговли со странами БРИКС (–27,5 млрд долл.), АСЕАН (–3,8 млрд долл.) и ЕС (–7,9 млрд долл.). Это частично компенсируется положительным сальдо с региональными партнерами с Ближнего Востока и из Северной Африки (Ливия, Марокко, Алжир, ОАЭ, Судан, Ирак, Ливан, Иордания и ряд других), а также отдельными европейскими партнерами.

Объединение БРИКС – важное направление внешней торговли Египта, особенно в импорте. ЕС – крупнейший экспортный рынок (28 % экспорта), обеспечивающий спрос на египетские нефтепродукты, газ, текстиль, продовольствие и доступ к технологиям и инвестициям.

Иран

В 2023 г. общий объем импорта Ирана составил 65,6 млрд долл., экспорт достиг 104,5 млрд долл. Торговый баланс остается устойчиво положительным.

Немногим менее половины товарооборота Ирана (48,2 % в 2023 г.) приходится на страны БРИКС. При этом лидирующие позиции в торговле с Ираном принадлежат Китаю (в 2023 г. 27,4 % товарооборота Ирана приходилось на Китай). ОАЭ выступают вторым по значимости торговым партнером с долей в 15,7 % товарооборота. Доли Индии и России в 2023 г. составили соответственно 2,7 и 1,6 %. 13,3 % товарооборота приходилось на неуказанные азиатские страны, 8,2 % – на Турцию, 7,4 % – на Ирак, 3,8 % –

на страны ЕС и 1,7 % – на АСЕАН. Высокая доля неидентифицированных партнеров связана с выполнением некоторыми странами, в частности ОАЭ, роли торгового хаба и канала для обхода санкций, где товары проходят транзитом без детальной фиксации конечного назначения.

Ключевыми получателями иранского экспорта выступают партнеры по БРИКС (на них в 2023 г. суммарно приходилось 36,9 % иранского экспорта) с ощутимым преобладанием Китая, доля которого в 2023 г. доходила до 27,1 %. Еще 5,8 и 2,3 % экспорта в 2023 г. было направлено в ОАЭ и Индию. Доля России составила менее 1 % (0,87 %), что тем не менее выше суммарной доли Евросоюза в иранском экспорте, которая практически исчезла (0,61 %), но ниже вклада АСЕАН (1,58 %). Иран экспортирует в АСЕАН преимущественно нефтепродукты, химикаты и металлы, но объемы остаются скромными. Значимыми импортерами также выступают Ирак (11,5 %) и Турция (6,8 %). Кроме того, на неуказанные азиатские страны в 2023 г. приходилось 21,6 % иранского экспорта.

Страны БРИКС являются абсолютно доминирующим источником импорта для Ирана. В 2023 г. импорт из БРИКС составил 43,4 млрд долл. (66,2 % от общего импорта). В 2023 г. 31,4 % общего импорта Ирана поступило из ОАЭ, 28 % – из Китая, еще 3,3 и 2,8 % – из Индии и России соответственно. Доля Турции в общем импорте Ирана в 2023 г. превышала 10 % (10,5 %). Импорт из стран Евросоюза в 2023 г. составил 5,8 млрд долл. (8,8 % от общего импорта, 3,5 % приходится на Германию), причем доля ЕС в импорте Ирана в 2020–2023 гг. продолжала падать (с 13,6 % в 2020 г. до 8,82 % в 2023 г.) вследствие санкционного режима. Торговый баланс с ЕС глубоко отрицательный для Ирана, поскольку он продолжает импортировать критически важные европейские товары (оборудование, лекарства, химикаты), но практически ничего не может экспортировать из-за санкций. Суммарный вклад АСЕАН в иранский импорт в 2023 г. не превысил 2 % (1,9 %). Снижение импорта из АСЕАН связано с опасениями относительно вторичных санкций и нежеланием компаний региона рисковать доступом к западным финансовым системам.

Рост торговли с БРИКС при одновременном снижении торговли с ЕС и АСЕАН демонстрирует полную переориентацию иранской внешней торговли на китайско-российскую ось и страны, готовые игнорировать западные санкции.

Индонезия

Индонезия – крупнейшая экономика Юго-Восточной Азии со стабильно положительными торговым балансом. В 2024 г. общий объем импорта составил 233,7 млрд долл., в то время как экспорт достиг 264,7 млрд долл.

Ключевым торговым партнером Индонезии является Китай, доля которого в 27,1 % в общем товарообороте страны во многом определила

ведущие позиции БРИКС в ее внешней торговле (36,4 % товарооборота в 2024 г.). Заметную роль играла Индия, чья доля в товарообороте Индонезии в 2024 г. составила 5,2 %. С государствами АСЕАН (суммарно 21,2 % товарооборота в 2024 г.) сотрудничество распределено более равномерно. Так, доля крупнейших торговых партнеров из числа стран АСЕАН в 2024 г. выглядела следующим образом: Сингапур (6,8 %), Малайзия (4,6 %), Таиланд (3,5 %), Вьетнам (3,2 %), Филиппины (2,5 %). Значимые показатели в торговле с Индонезией также демонстрируют США (7,7 % товарооборота в 2024 г.), Япония (7,2 %), Республика Корея (4 %), Австралия (3,1 %), Тайвань (2,1 %). Товарооборот с членами Евросоюза в 2024 г. составлял порядка 6 % товарооборота Индонезии. В целом доля ЕС в товарообороте Индонезии постепенно снижается из-за конкуренции с китайскими и другими азиатскими поставщиками.

В страновой структуре экспорта Индонезии основные позиции принадлежат Китаю (23,6 % в общем объеме экспорта в 2024 г.), США (10 %), Японии (7,8 %), Индии (7,7 %), Республике Корея (4,1 %), а также странам АСЕАН (Сингапур – 4,6 %, Малайзия – 4,5 %, Филиппины – 4 %, Вьетнам – 3,6 %, Таиланд – 2,9 %). Еще 2,5 % экспорта в 2024 г. пришлось на Тайбэй. Из страновых объединений ведущая роль принадлежит соответственно БРИКС (34,6 % экспорта в 2024 г.) и АСЕАН (20,3 %). На ЕС в 2024 г. приходилось всего 6,6 % индонезийского экспорта.

Похожая картина наблюдается и в отношении импорта, где с большим отрывом лидирует Китай (31,1 % в общем объеме импорта в 2024 г.), что делает БРИКС ключевым объединением в плане товарных поставок в страну (с долей в общем объеме индонезийского импорта в 38,5 % в 2024 г.). Вклад Индии и Бразилии составил соответственно 2,4 и 2,3 % в том же 2024 г. Основные поставщики из стран АСЕАН – Сингапур (9,2 % импорта в 2024 г.), Малайзия (4,7 %), Таиланд (4,2 %) и Вьетнам (2,8 %). Суммарно на государства ассоциации в 2024 г. приходилось 22,2 % импорта страны. В числе важнейших контрагентов в этой группе торговых партнеров – Япония (6,4 % импорта в 2024 г.), США (5,1 %), Австралия (4,5 %), Республика Корея (4 %). Из государств Евросоюза в 2024 г. поступило 5,5 % импорта.

ОАЭ

Объединенные Арабские Эмираты демонстрируют впечатляющую динамику внешней торговли с устойчивым ростом как импорта, так и экспорта. В 2023 г. общий объем импорта составил 470,5 млрд долл., в то время как экспорт достиг 570,2 млрд долл. Торговый баланс ОАЭ остается положительным.

Крупнейшие торговые партнеры ОАЭ – Китай (8,3 % товарооборота ОАЭ в 2023 г.), Индия (5,3 %), США (3,9 %), Саудовская Аравия (3,6 %), Турция (3,5 %), Ирак (2,7 %), Швейцария (2,1 %). На страны БРИКС в це-

лом в 2023 г. приходилось 17,7 % товарооборота ОАЭ, ЕС – 7,3 %, АСЕАН – 3,5 %. При этом более 35 % товарооборота суммарно приходилось на неуказанные территории.

Аналогичным образом назначение более 50 % экспорта ОАЭ, по сути, неизвестно, т. к. приходится на неуказанные территории. Их высокая доля в экспорте связана с реэкспортной функцией ОАЭ как торгового хаба, где товары проходят транзитом без детальной фиксации конечного назначения. В оставшейся половине лидирующие позиции принадлежат БРИКС (суммарно 9,4 % экспорта в 2023 г.). 4,7 и 1,6 % экспорта в 2023 г. пришлось на страны ЕС и АСЕАН соответственно. В числе важнейших партнеров – Саудовская Аравия (5,2 % экспорта в 2023 г.), Индия (4,4 %), Ирак (4 %), Турция (3,3 %), Гонконг (2,5 %), США (2,4 %), Швейцария и Оман (1,9 % соответственно).

Хотя происхождение 16,7 % импорта ОАЭ также не вполне очевидно, в целом прослеживается значительная роль БРИКС, откуда в 2023 г. в ОАЭ поступило 27,6 % импорта. ОАЭ имеют устойчиво растущий торговый дефицит со странами БРИКС, что объясняется высокими объемами импорта товаров и сырья, особенно из Китая (16,5 % общего импорта в 2023 г.) и Индии (6,5 %). Крупнейшими поставщиками также выступают США (5,7 %), Турция (3,8 %), Япония (3,2 %), Германия (2,4 %), Швейцария (2,4 %), Вьетнам (2,3 %). На долю ЕС в 2023 г. приходилось 10,5 % импорта, АСЕАН – 5,8 %. Торговый баланс с ЕС и АСЕАН также отрицательный для ОАЭ.

Эфиопия

В 2023 г. Эфиопия продемонстрировала внешнеторговый оборот на уровне 19,9 млрд долл. при критическом торговом дефиците в размере 14,2 млрд долл. Общий экспорт составил всего 2,9 млрд долл., импорт – 17 млрд долл. (соотношение импорт/экспорт – 6/1).

Партнеры по БРИКС занимают ключевое место во внешней торговле Эфиопии, в 2023 г. 46,1 % товарооборота страны приходилось на участников объединения. Доля ЕС во внешнеторговом обороте страны в 2023 г. составила 9 %, АСЕАН – 4,8 %. Ведущие позиции по объему взаимной торговли занимают Китай (28,6 % товарооборота ОАЭ в 2023 г.), Индия (8,9 %), Саудовская Аравия (7,2 %), США (6,8 %), Кувейт (6,7 %), Марокко (3,4 %) Турция (3,3 %), ОАЭ (3,2 %), Япония (2,4 %), Египет (2,3 %) и Великобритания (2%). Двадцатка крупнейших партнеров по совокупному товарообороту формирует подавляющее большинство внешнеторгового оборота Эфиопии. Характерно, что со всеми этими странами, за исключением Нидерландов, Эфиопия имеет выраженный отрицательный торговый баланс. Нидерланды – крупнейший импортер эфиопских цветов и кофе в ЕС, выступает логистическим хабом для реэкспорта по Европе.

ЕС остается важнейшим экспортным направлением для Эфиопии (20,9 % всего экспорта). Страны БРИКС в общем экспорте Эфиопии представлены скромнее, их доля в 2023 г. составила 17,3 %, АСЕАН – 5,7 %. Ключевыми партнерами выступают Саудовская Аравия (10,4 % экспорта в 2023 г.), США (9,7 %), Нидерланды (7,6 %), ОАЭ (5,7 %), Сомали (5 %), Индия (4,9 %), Германия (4,7 %), Китай (4,6 %), Республика Корея (4 %), Япония (3,6 %), Израиль (3,6 %), Джибути (3,4 %), Бельгия (3,2 %), Сингапур (2,6 %), Кения (2,3 %), Италия (2 %) и Судан (1,9 %).

В структуре импорта Эфиопии партнеры по БРИКС занимают доминирующие позиции: в 2023 г. более половины (50,9 %) ввезенных в страну товаров происходило из государств объединения. Основными поставщиками являются Китай (32,7 % импорта в 2023 г.), Индия (9,6 %), Кувейт (7,8 %), Саудовская Аравия (6,6 %), США (6,3 %), Марокко (4 %), Турция (3,6 %), ОАЭ (2,8 %), Египет (2,7 %), Япония (2,2 %), Великобритания (2,1 %) и Индонезия (1,9 %). Доли стран ЕС и АСЕАН в 2023 г. составили соответственно 7 и 4,7 %.

В целом основной процент (около 22 % в 2024 г.) товарооборота стран БРИКС с другими государствами и друг с другом составляет торговля именно внутри БРИКС. При этом важно иметь в виду, что статистически Гонконг, Тайвань и Макао считаются отдельно от материкового Китая. Суммарно с Гонконгом, Тайванем и Макао этот показатель увеличится до 30 %.

За внутриблоковой торговлей по объему следуют страны АСЕАН, на которые в 2024 г. приходилось 12,7 % товарооборота, а также ЕС, 27 стран которого суммарно обеспечивают около 11,9 % всего товарооборота объединения. С некоторым отставанием за ЕС следуют США, товарооборот с которыми немногим менее 10 % (9,6 %). Крупные торговые потоки сосредоточены вокруг КНР, на долю которой приходится чуть более 8 % общего товарооборота стран БРИКС с другими государствами и друг с другом.

Если рассматривать распределение торговых потоков только по странам, без привязки к интеграционным структурам, в числе лидеров по итогам 2024 г., помимо США и Китая, – Корея и Япония (около 4 %), Россия (3,4 %), Вьетнам (3 %), Германия (2,8 %), Малайзия (2,6 %), Индия (2,6 %), Австралия (2,5 %), Бразилия (2,3 %), ОАЭ (2,2 %), Сингапур и Индонезия (около 2 %), а также Гонконг (3,5 %) и Тайбэй (3,3 %).

И если в статистических данных за 2024 г. имеются определенные страновые пробелы, не касающиеся при этом ключевых внешнеторговых контрагентов, то выборка основных торговых партнеров за 2023 г. показывает на лидирующих позициях тех же участников, хотя доли ряда стран в общем товарообороте стран БРИКС с другими государствами и друг с другом незначительно различаются. Так, например, Япония в 2023 г., как и несколько лет до этого, занимала последнее заключительное место в тройке лидеров, а в 2024 г. была смещена с данной позиции Республикой Корея.

При этом, в отличие от стран ЕС и даже АСЕАН, на которые в разные годы приходились различные доли в товарообороте БРИКС, торговля внутри объединения в отношении к общему товарообороту стран БРИКС в последние годы уверенно показывает положительный тренд (в 2020 г. — 18 %, в 2021 г. — 19 %, в 2022 г. — 21 %, в 2023 г. — 23 %, в 2024 г. — 22 %).

Анализ пятилетнего периода в целом демонстрирует более устойчивый рост торговли внутри объединения, нежели внешней торговли БРИКС с миром.

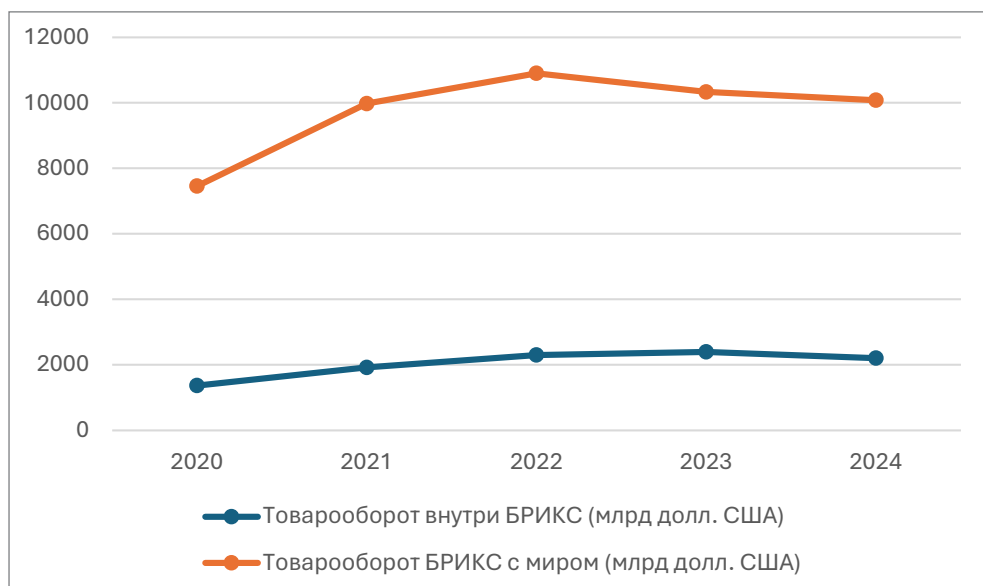

Рис. 6. Товарооборот внутри БРИКС и БРИКС с миром в 2020–2024 гг.

Источник: составлено авторами по данным *Trade Map*.

Основным импортером товаров, производимых странами БРИКС, выступают сами страны БРИКС. В 2024 г. порядка 19–20 % общего экспорта участников объединения было направлено на рынки входящих в него государств. Суммарно с Гонконгом, Тайванем и Макао эта цифра увеличивается до 26–28 % (в зависимости от полноты данных по общему экспорту стран БРИКС в 2024 г.). Второе место в числе крупнейших импортеров занимает ЕС, на долю которых в 2024 г. пришлось около 13–14 % экспорта «десятки». Завершают тройку лидеров страны АСЕАН, в которые в 2024 г. поступило около 13 % экспорта БРИКС.

В страновом распределении экспортных потоков лидируют США, на которые в 2024 г. пришлось более 13 % суммарного экспорта государств БРИКС. За ними следуют Китай (чуть менее 6 %), Гонконг, Индия, Япония, Вьетнам, Республика Корея, Нидерланды, Германия, Малайзия, Российская Федерация, Сингапур, ОАЭ, Мексика и Великобритания.

Основным поставщиком товаров для стран БРИКС также выступают сами участники объединения. В 2024 г. 25–28 % общего объема импорта объединения поступало в государства БРИКС. Львиная доля этого объема приходилась на Китай (на материковый Китай и в Тайвань в 2024 г. – соответственно 11–12 % и 5,2–5,6 % импорта). Вторым и третьим по значимости импортерами выступают страны АСЕАН и ЕС, на которые в 2024 г. суммарно приходилось 12–13 и 10–11 % импорта. Крупнейшими индивидуальными импортерами, помимо Китая, являются США (около 6 % импорта в 2024 г.), Республика Корея (порядка 5 %), а также Россия, Япония, Австралия, Германия, Малайзия, Бразилия, Вьетнам, Саудовская Аравия, ОАЭ, Индонезия, Швейцария, Таиланд, Сингапур и ряд других.

Для внутреннего экспорта БРИКС последних лет характерна та же исключительно положительная динамика, которая отличает и товарооборот «десятки». При этом экспорт в ЕС и АСЕАН за тот же период аналогичной стабильностью не отличается.

Товарная структура взаимной торговли расширенного состава БРИКС остается относительно диверсифицированной, но со значительным преобладанием минерального сырья, продовольствия и машинно-технической продукции. Китай и Индия – крупнейшие импортеры сырья; Россия, Бразилия, Иран и ЮАР – поставщики энергоносителей и продовольствия; ОАЭ, Египет, Индонезия, Эфиопия занимают разные ниши (продовольствие, ткани, химия, машиностроение, агропродукция).

Как платформа для развития сотрудничества БРИКС имеет значительный потенциал для усиления внутренней связанности стран – участниц объединения. Несмотря на заметные объемы внутригрупповой торговли, существенная доля внешних потоков по-прежнему приходится на страны за пределами БРИКС. Это лишь подчеркивает значимость объединения как для мировой торговли, так и в геополитическом измерении, формируя основу для выработки в перспективе скоординированной, взаимовыгодной и взаимодополняющей внешнеторговой политики. Реализация такого подхода позволит БРИКС усиливать свое влияние на мировые торговые потоки и рынки.

Список литературы

Фейгин Г. Ф., Бобровникова Е. А., Афанасьева К. В., 2025. Перспективы региональной интеграции стран БРИКС+: сравнительный анализ БРИКС+ и андского сообщества наций // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 7. С. 216–223.

Шелепов А. В., 2025. Сотрудничество БРИКС по реформированию международной валютно-финансовой системы и ее институтов // Вестник международных организаций. Т. 20. № 1. С. 157–175.

Сальдо торгового баланса России в 2024 году выросло на 7,8 % // <https://www.interfax.ru/business/1010906>, дата обращения 11.10.2025.

Страны БРИКС нарастили долю в мировой торговле до 21,6 % // <https://expert.ru/news/strany-briks-narastili-dolyu-v-mirovoy-torgovle-do-21-6/>, дата обращения 11.02.2026.

International Trade Centre (2024), Trade Map // <https://www.trademap.org>, дата обращения 02.03.2026.

World Bank (2024), World Development Indicators // <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>, дата обращения 02.03.2026.

Igor S. KRISHTAL, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and History, Plekhanov Russian University of Economics

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: krishtal.is@rea.ru

SPIN-code: 3967-0616

ORCID: 0000-0003-1720-0132

STRUCTURE AND DYNAMICS OF BRICS TRADE IN A TRANSFORMING GLOBAL ECONOMY

DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_34

Received: 02.03.2026.

For citation: *Krishtal I. S.*, 2026. Structure and Dynamics of BRICS Trade in a Transforming Global Economy. — *Geoeconomics of Energetics*. № 1 (33). P. 34–56. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_34

Keywords: BRICS, foreign trade, trade structure, commodity structure, trade flows, world trade, economic integration, regional cooperation, geoeconomic transformation.

Abstract

Persistent geopolitical instability and volatility in global markets over the past decade have led to a weakening of globalization processes. As a result, regional formats of cooperation have come to the forefront, enabling participating countries to better cope with current challenges. BRICS is an example of a successful platform for regional cooperation. Trade within the union has grown significantly over the period of its existence. The article provides a detailed examination of the trade structure of the member states. The aim of the study is to analyse the dynamics and commodity structure of the external and intra-bloc trade of the BRICS countries and to assess the transformation of their positions in global trade flows. Based on statistical data for 2020–2024, the paper presents a quantitative and qualitative assessment of export and import volumes, key directions of trade flows, and the degree of their diversification. Particular attention is paid to trade in high-tech goods and products with high value added as a factor in strengthening the competitiveness of BRICS in the global market. The article also examines the share of the commodity sector in BRICS trade and how it shapes the stability of export revenues and the bloc's integration into the global economy. As BRICS increases its share in global trade and expands its membership, the bloc becomes more cohesive, and trade flows between its members are distributed more evenly. These findings clarify the prospects for deeper trade and economic cooperation within BRICS and outline how national trade strategies can be further adapted to the new conditions of the world economy.

References

Feigin, G. F., Bobrovnikova, E. A., Afanasyeva, K. V., 2025. Prospects for Regional Integration of BRICS+ Countries: A Comparative Analysis of BRICS+ and the Andean Community of Nations // Humanities, Social-Economic and Social Sciences. No. 7. Pp. 216–223. (In Russ.)

Shelepov, A.V., 2025. BRICS Cooperation on the Reform of the International Monetary and Financial System and Its Institutions // International Organisations Research Journal. Vol. 20. No. 1. Pp. 157–175. (In Russ.)

Russia's trade balance surplus increased by 7.8 % in 2024 // <https://www.interfax.ru/business/1010906>, accessed 02.03.2026. (In Russ.)

BRICS countries increased their share in global trade to 21.6 % // <https://expert.ru/news/strany-briks-narastili-dolyu-v-mirovoy-torgovle-do-21-6/>, accessed 02.03.2026. (In Russ.)

International Trade Centre (2024), Trade Map // <https://www.trademap.org>, accessed 02.03.2026. (In Eng.)

World Bank (2024), World Development Indicators // <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>, accessed 02.03.2026. (In Eng.)

Александр МАРКАРОВ
Ваге ДАВТЯН

ЭНЕРГЕТИКА КАК ПРОСТРАНСТВО ПРАГМАТИЗМА: ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО- ГРУЗИНСКИХ СВЯЗЕЙ

Для цитирования: *Маркаров А. А., Давтян В. С., 2026. Энергетика как пространство прагматизма: эволюция российско-грузинских связей. – Геоэкономика энергетики. № 1 (33). С. 57–72. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_57*
Дата поступления в редакцию: 15.12.2025

Авторы в статье анализируют проблемы и перспективы российско-грузинского сотрудничества в сфере энергетики. В ней они устанавливают, что в условиях отсутствия дипломатических отношений Грузия и Россия демонстрируют положительную динамику развития экономических отношений, и это находит отражение особенно в энергетической сфере. Развитие двустороннего взаимодействия происходит на основе модели функциональной автономии, в рамках которой экономического партнёрство не увязывается с принимаемыми политическими решениями. Исследователи изучают особенности двустороннего сотрудничества в сфере электроэнергетических коммуникаций, поставок природного газа, нефти и нефтепродуктов. Отдельно авторы рассматривают вопросы присутствия российского капитала в энергетических инфраструктурах Грузии. Аналитики выявляют, что в условиях увеличивающегося спроса на энергоносители Грузия не только наращивает внутреннее производство, но

МАРКАРОВ Александр Александрович, доктор политических наук, профессор Ереванского государственного университета, директор Ереванского филиала Института стран СНГ. **E-mail:** amarkarov@ysu.am. **Адрес:** Республика Армения, г. Ереван, 0025, ул. Алека Манукяна, д. 1. **SPIN-код:** 9302-0149

ДАВТЯН Ваге Самвелович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник сектора кавказских исследований ИКСА РАН, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета. **E-mail:** vahedavtyan@yandex.ru. **Адрес:** Республика Армения, г. Ереван, 0051, ул. Овсепя Эмина, д. 123. **SPIN-код:** 7094-6199

Ключевые слова: Россия, Грузия, Южный Кавказ, энергетика, электроэнергия, природный газ, нефть, нефтепродукты.

также развивает внешнеэнергетические коммуникации, в которых доля России демонстрирует динамику перманентного роста. Специалисты представляют особенности эксплуатации таких ключевых энергетических инфраструктур, как ЛЭП «Кавкасиони», Ингульская ГЭС, газопровод Северный Кавказ – Закавказье и пр.. На основе проведённого анализа делается вывод о системном характере присутствия Российской Федерации в грузинской энергосфере. Наконец, авторы анализируют перспективы углубления российско-грузинского энергетического диалога в связи с запуском в эксплуатацию первого в Грузии нефтеперерабатывающего завода в Кулеви. В более широком контексте изменения баланса сил в южнокавказском регионе данное партнёрство представляет РФ рычаг косвенного влияния посредством контроля регионального энергорынка, а Грузии – инструмент обеспечения собственной энергетической безопасности, не предполагающий наращивание взаимодействия по политическому треку.

Введение

Россия традиционно рассматривает Южный Кавказ как зону своего стратегического влияния, что вписывается в более широкое внешнеполитическое целеполагание Москвы – формирование евразийского интеграционного контура [*Концепция внешней политики РФ*, 2023]. В свою очередь, Южный Кавказ продолжает оставаться одним из эпицентров геополитического антагонизма, что, помимо всего прочего, находит свое отражение в последовательно предпринимаемых попытках сокращения российского акторства в региональных процессах. Последние приобрели еще большую динамику после 44-дневной войны в Нагорном Карабахе (Арцах) осенью 2020 г., в которой Москва хоть и выступила главным посредником, обеспечившим прекращение огня [*Трехстороннее заявление...*, 2020], однако впоследствии столкнулась с комплексом препятствий, чинимых как региональными, так и внерегиональными акторами в целях изменения баланса сил на Южном Кавказе. В последние годы эта тенденция находит отражение в российско-армянских отношениях, пребывающих в состоянии концептуального переосмысления, а также, начиная с 2025 г., в российско-азербайджанских отношениях, демонстрирующих высокий потенциал кризисного развития.

Что касается российско-грузинских отношений, то последние после августовских событий 2008 г. находятся в состоянии глубокой заморозки, что, впрочем, мало коррелирует с динамикой развития двусторонних экономических, в том числе энергетических, связей. В этом, пожалуй, и заключается главная особенность российско-грузинского диалога – сохранение экономического взаимодействия в условиях отсутствия дипломатических отношений (в стратегических документах Грузии Россия определяется как «противник номер один»). Для Москвы это возможность

сохранения влияния в регионе через экономические механизмы, для Тбилиси — возможность поддержания национальной экономики посредством выхода на российский рынок, а также повышения уровня энергетической безопасности.

Сегодня энергетика выступает одним из магистральных направлений российско-грузинского взаимодействия: Россия не только является значимым поставщиком электроэнергии, нефтепродуктов и природного газа на грузинском рынке, но также в лице отдельных компаний задействована во владении и управлении некоторыми крупными энергетическими объектами в Грузии. Наряду с этим энергетический диалог между странами выделяется комплексом проблем, имеющих зачастую ярко выраженное политическое происхождение.

Цель настоящей статьи — проанализировать особенности российско-грузинского энергетического диалога с определением узких мест и наиболее перспективных направлений развития.

Общая характеристика российско-грузинских экономических связей

После прихода к власти партии «Грузинская мечта» в 2012 г. правительство Грузии во главе с Б. Иванишвили заявило о намерении взять курс на умеренную нормализацию отношений с Россией. В том же году начались неформальные переговоры между сторонами, результатом чего стало возобновление регулярного автомобильного, а в 2014 г. — авиационного сообщения. Снятие в 2013 г. ограничений на импорт из Грузии вина, минеральной воды и сельхозпродукции (были введены в 2005–2006 гг.) позволило России вернуться в тройку ключевых торговых партнеров Тбилиси.

По итогам 2023 г., товарооборот между странами, осуществляемый преимущественно через Военно-грузинскую дорогу, достиг 2,39 млрд долл., что превысило показатель 2021 г. почти на 50%. Таким образом, доля России в товарообороте Грузии составила порядка 12% [*Горюшина, 2025*]. По результатам 2024 г., товарооборот между Россией и Грузией составил 2,531 млрд долл. (при внешнеторговом обороте в 23,43 млрд долл.)¹.

В 2024 г. внешняя торговля Грузии демонстрирует ярко выраженную асимметрию: в экспорте значительную долю занимают реэкспортируемые товары (прежде всего автомобили), тогда как в импорте преобладают капиталоемкие и технологически сложные позиции. Партнерская структура характеризуется сочетанием соседских связей и взаимодействием с крупными внешними рынками (табл.).

¹ Рост внешней торговли Грузии в 2024 году: основные данные и тенденции // <https://verelq.am/gu/node/155633>, дата обращения 09.12.2025.

Показатели внешней торговли Грузии в 2024 г. (долл.)

Страна	Экспорт	Импорт	Торговый оборот
Кыргызстан	1,28 млрд	–	1,28 млрд
Казахстан	860 млн	–	860 млн
Азербайджан	720 млн	583,6 млн	1,3036 млрд
Россия	681,5 млн	1,85 млрд	2,5315 млрд
Армения	617,5 млн	–	617,5 млн
Турция	458,3 млн	2,77 млрд	3,2283 млрд
США	–	2,04 млрд	2,04 млрд
Китай	–	1,61 млрд	1,61 млрд
Германия	–	1,31 млрд	1,31 млрд

Источник: Национальная служба статистики Грузии

Торгово-экономическая динамика между Грузией и Россией в 1-м полугодии 2025 г. также демонстрирует устойчивый рост: совокупный объем двустороннего товарооборота приблизился к отметке в 1,3 млрд долл., превысив показатель аналогичного периода 2024 г. примерно на 7%. В структуре внешней торговли Грузии Россия занимает третью позицию среди крупнейших торговых партнеров республики. На нее пришлось около 10,7% совокупного внешнеторгового оборота за январь – июнь 2025 г. При этом динамика экспорта и импорта демонстрирует разнонаправленные тенденции. Поставки грузинских товаров на российский рынок в указанный период составили свыше 332 млн долл., что соответствует снижению примерно на 2% в годовом выражении, тогда как за тот же период импорт из России превысил 950 млн долл., зафиксировав рост порядка 10,5%².

Ожидается, что запуск в 2028 г. российско-грузинской автомагистрали Квешети – Коби увеличит товарооборот между странами как минимум на 500 млн долл., а грузопоток – до 3 млн т, что является проявлением прагматизма в выстраивании экономического сотрудничества в условиях отсутствия дипломатических отношений, а также возрастающего давления Запада.

Обратимся также к инвестиционным показателям российско-грузинского экономического взаимодействия. В докризисный период наблюдал-

² Торговый оборот Грузии и России за полгода вырос на 7% // <https://tass.ru/ekonomika/24565975>, дата обращения 9.12.2025.

ся устойчивый рост российских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Грузию. Так, в 2003 г. общий объем ПИИ из России в экономику Грузии составил 42,7 млн долл., в 2004 г. — 43,7 млн долл., в 2005 г. — 38,7 млн долл., в 2006 г. — 34,2 млн долл., в 2007 г. — 55,9 млн долл.³

После частичного потепления в двусторонних отношениях наметилось восстановление инвестиционной активности Москвы в Грузии. В 2022 г. общий объем российских ПИИ в Грузию составил 105,6 млн долл., снизившись в 2023 г. до 103,3 млн долл. По итогам 2024 г., объем российских ПИИ составил 23,6 млн долл. Обращаясь к текущим данным, отметим, что общий объем ПИИ в Грузию с января по март 2025 г. составил 179,4 млн долл., что на 7,7% меньше показателя за аналогичный период 2024 г. Ключевыми направлениями инвестирования как в предыдущие годы, так и сейчас выступают энергетика, обрабатывающая промышленность, горнодобывающий сектор и телекоммуникации⁴. Нередко отмечается рост приобретения гражданами России недвижимости в Грузии (рост сделок на 115% в 2022–2023 гг.), что, согласно некоторым авторам, следует рассматривать как фактор роста российского влияния [*Горюшина, 2025*].

В целом российско-грузинские экономические связи демонстрируют положительную динамику, что во многом является результатом взвешенного и сбалансированного внешнеполитического курса грузинских властей после 2012 г.

Электроэнергетические связи

Как уже было сказано выше, энергетика — ключевое направление российско-грузинского экономического взаимодействия, что находит свое отражение практически во всех секторах отрасли — от генерации и распределения электроэнергии до поставок природного газа и нефтепродуктов. В целях наиболее комплексного рассмотрения двусторонних энергетических связей обратимся к структуре грузинского энергокомплекса.

На конец 2024 г. установленная мощность электростанций Грузии составила 4758 МВт. В генерации доминируют гидроэлектростанции (ГЭС) мощностью 3414 МВт, теплоэлектростанции (ТЭС) — 1190 МВт и лишь незначительную долю занимают солнечные электростанции (СЭС) — 133 МВт и ветровые электростанции (ВЭС) — 21 МВт⁵ (рис.).

³ Российско-грузинское торгово-экономическое сотрудничество (справочная информация) // <https://www.mid.ru/ru/maps/ge/1653012/>, дата обращения 09.12.2025.

⁴ Россия увеличила инвестиции в Грузию в 2,7 раза в I квартале 2025 года // <https://tass.ru/ekonomika/24173741>, дата обращения 09.12.2025.

⁵ Энергетический профиль Грузии // <https://www.eeseaec.org/energetika-evrazii/energeticheskij-profil-gruzii>, дата обращения 10.12.2025.

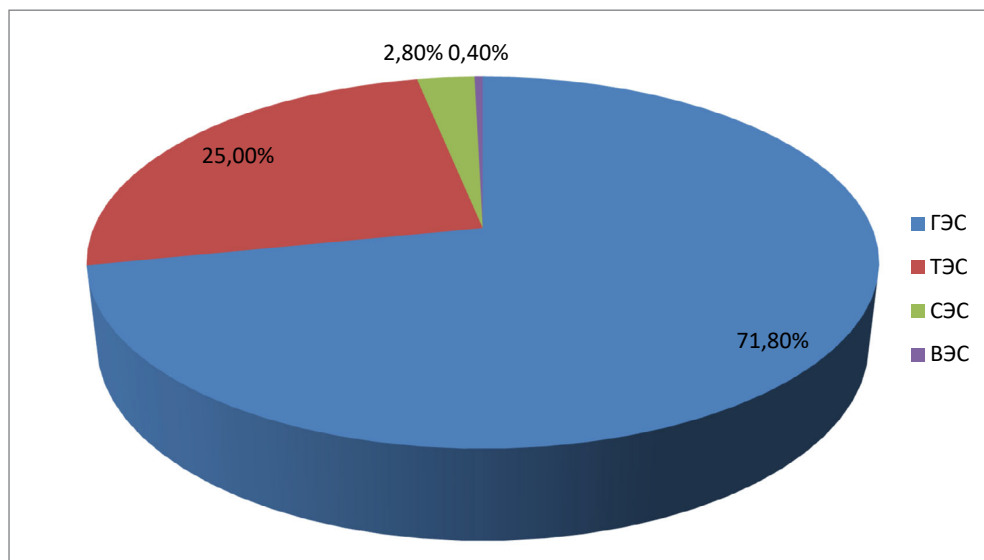

Рис. Структура установленной мощности электростанций Грузии по типам за 2024 г., МВт (в %)

Источник: Энергетический профиль Грузии

Грузия – лидер на Южном Кавказе по показателям спроса на электроэнергию. Ожидается, что к 2030 г. потребление увеличится с нынешних 15 млрд кВт·ч до 22 млрд кВт·ч в год [Новиков, 2020], что диктует необходимость проведения энергетической политики, успешно синхронизирующей возведение новых генерирующих мощностей и импорт электроэнергии. В период с 2013 по 2024 г. в Грузии были возведены 64 ГЭС, две ТЭС и одна ВЭС, что позволило сократить энергодефицит, частично уменьшив импорт электроэнергии. Однако наряду с этим возрастающий спрос, коррелируемый с экономическим ростом (реальный рост ВВП в 2024 г. составил 9,7% по сравнению с показателем 2023 г.⁶), делает неизбежным наращивание импорта электроэнергии уже в среднесрочной перспективе. Сегодня основными направлениями импорта Грузии выступают Россия, Турция, Азербайджан и Армения. При этом доля российских поставок в последние годы демонстрирует устойчивый рост.

По результатам 2024 г., российские поставки заняли доминирующее положение в структуре импортируемой Грузией электроэнергии: на них при-

⁶ В Грузии уточнили показатели экономического роста за 2024 год // <https://sputnik-georgia.ru/20251116/v-gruzii-utochnili-pokazateli-ekonomicheskogo-rosta-za-2024-god-295808347.html>, дата обращения 10.12.2025

шло около 79%, или 968,8 млн кВт·ч (из 1,2 млрд кВт·ч). Одновременно Москва обсуждает обратную схему перетоков – импорт электроэнергии из Грузии для снабжения южных регионов России, где наблюдаются потребности в балансировке из-за ограничений в работе Ростовской АЭС⁷. Всего за рассматриваемый период Грузия импортировала электроэнергию из России на сумму 12,3 млн долл., что почти в 14 раз больше показателя предыдущего года. До того рекордным годом для поставок электроэнергии из России в Грузию был 2014 г., когда поставки составили 38,7 млн долл.

При этом в течение 2024 г. Грузия экспортировала свыше 1,1 млрд кВт·ч электроэнергии, что в стоимостном выражении превысило 49 млн долл.: на Турцию пришелся крупнейший объем продаж – около 40,2 млн долл., поставки в Армению составили 6 млн долл., в Азербайджан – 2,8 млн долл. Поставки в Россию были незначительны, составив лишь 166,5 тыс. долл.⁸

Как видно из приведенных показателей, во внешней электроэнергетической торговле Грузии российское направление занимает ключевое место, что прежде всего обусловлено стабильным и безопасным функционированием линии электропередачи (ЛЭП) 500 кВ «Кавкасиони», связывающей две страны. ЛЭП «Кавкасиони» представляет собой высоковольтный коридор длиной около 405 км. Грузинский сегмент магистрали, идущий от узла «Энгурси» до перевала Нахари, охватывает порядка 105 км. Далее ЛЭП поднимается через Кодорскую долину к основному хребту Большого Кавказа. ЛЭП пересекает перевалы Хида и Нахари, следуя от Энгурси вдоль долин Ингури, Накры, Кодори, Клича и Кубани, после чего продолжается по территории Карачаево-Черкесии и Адыгеи, завершаясь на подстанции «Центральная» в Краснодарском крае. Функционально данная ЛЭП – ключевое звено межгосударственных перетоков: в летний период она призвана обеспечивать вывод избыточной гидрогенерации из Грузии в российскую энергосистему, зимой же позволяет покрывать грузинский дефицит за счет импорта из России. Технические параметры магистрали дают возможность работать в параллельном режиме с энергосистемой России, осуществляя обмен мощностью до 700 МВт.

В начале 2000-х гг. ЛЭП «Кавкасиони» в Кодорском ущелье неоднократно становилась объектом диверсионных нападений, в результате чего Тбилиси оставался без электричества в течение продолжительного времени⁹. Надежность работы ЛЭП «Кавкасиони» стала одной из главных тем, обсуж-

⁷ «Интер РАО» запросила у Грузии и Азербайджана возможность поставок электроэнергии в РФ // <https://www.interfax.ru/business/986868>, дата обращения 10.12.2025.

⁸ Грузия в 2024 году в 13,7 раза увеличила поставки электроэнергии из РФ // <https://tass.ru/ekonomika/23091697>, дата обращения 10.12.2025.

⁹ Грузинский спецназ накажет диверсантов, оставивших Тбилиси без света // <https://lenta.ru/news/2005/01/18/operation/?ysclid=mj2iy91iuv318865942>, дата обращения 10.12.2025.

даемых во время официального визита делегации российского ПАО «Россети» в Грузию – на предприятие «СакРусэнерго», капитал которого в равной степени распределен между правительством Грузии и ПАО «Россети»¹⁰.

Также Россия представлена на грузинском энергетическом рынке в лице компании «Интер РАО», задействованной в сфере электrorаспределения («Теласи» и «Телмико» – Тбилисская электроснабжающая компания). Компания владеет в Грузии двумя ГЭС на реке Храми («Храми-1» и «Храми-2»), а также ГЭС «Жинвал» и ГЭС «Ладжанур» [Новиков, 2020].

В августе 2025 г. стало известно, что Грузия проиграла международный арбитраж (Международный центр по урегулированию инвестиционных споров – *ICSID*) против «Интер РАО» с обязательством выплатить 76,9 млн долл. Спор возник из-за изменений тарифной методики на электроэнергию в 2014 г., которые, по мнению компании, нанесли ей финансовый ущерб. Арбитраж подтвердил нарушение Грузией соглашений с голландскими дочерними компаниями «Интер РАО» – *Silk Road Holdings B.V.* и *Gardabani Holdings B.V.* Ранее, в 2021 г., Грузия также проиграла Стокгольмский арбитраж и выплатила компании 80,5 млн долл.¹¹.

Одним из главных энергетических объектов, выступающих точкой соприкосновения российских и грузинских интересов, является Ингурская ГЭС. Станция находится на границе Грузии и Абхазии, при этом плотина – на территории Грузии, агрегаты и здание управления – на территории Абхазии. Согласно неофициальной договоренности сторон, достигнутой после вооруженного конфликта в 1993 г., 60% генерируемой на ГЭС электроэнергии направляется в Грузию, 40% – в Абхазию. Мощность станции составляет 1300 МВт, среднегодовая выработка доходит до 4430 млн кВт·ч. Российские интересы в эксплуатации Ингурской ГЭС обусловлены двумя обстоятельствами: во-первых, признание Россией независимости Абхазии с последующим включением республики в зону своих стратегических интересов и увеличением в ней своего политического и экономического присутствия диктует необходимость максимального содействия Сухума в вопросах обеспечения энергетической безопасности; во-вторых, Ингурская ГЭС – ключевой гидрообъект в регионе, во многом определяющий логику региональных электроэнергетических коммуникаций и формирующий большой экспортный потенциал, следовательно, геоэкономический интерес Москвы к станции имеет вполне органический характер.

¹⁰ Делегация компании «Россети» посетила с рабочим визитом Грузию // <https://tass.ru/ekonomika/24233469>, дата обращения 10.12.2025.

¹¹ Грузия проиграла спор с «Интер РАО» – долг вырос до \$94 млн // <https://eadaily.com/ru/news/2025/08/26/gruziya-proigrala-spor-s-inter-rao-dolg-vyros-do-94-mln>, дата обращения 10.12.2025.

В конце 2008 г. уже упомянутая компания «Интер РАО» и Министерство энергетики Грузии подписали меморандум о взаимопонимании, предполагающий совместное управление Ингурской ГЭС при сохранении 100% акций за Грузией. Это событие вызвало волну негодования как в Грузии, так и в Абхазии. Если грузинская оппозиция выступала с требованием отменить подписанный меморандум, предлагая внести поправки в закон «Об оккупированных территориях» в целях предотвращения увеличения российского влияния в Абхазии, то в самом Сухуме усмотрели в меморандуме завуалированный российско-грузинский сговор, ущемляющий интересы Абхазии, и предложили переговоры с «Интер РАО». В данном контексте вполне логичной выглядит гипотеза о том, что цель, преследуемая Тбилиси при подписании меморандума, заключалась в получении неких гарантий на случай возобновления вооруженного конфликта в Абхазии с возможностью силового захвата Ингурской ГЭС [Новиков, 2020]. Вот почему незадолго до подписания Тбилиси запустил новость о возможности приватизации станции азербайджанской компанией «Азерэнерджи», что выглядело как маркетинговый ход перед переговорами с «Интер РАО». В целом вопрос меморандума не урегулирован до сих пор и периодически является предметом политических споров как в Грузии, так и в Абхазии.

Как видим, электроэнергетическое взаимодействие между Москвой и Тбилиси продолжает оставаться многогранным и демонстрировать положительную динамику, что находит отражение в поставках электроэнергии.

Сотрудничество в нефтегазовой сфере

Параллельно с электроэнергетическими коммуникациями весьма динамично развиваются также российско-грузинские связи в сфере поставок природного газа и нефтепродуктов, а с недавних пор — нефти. Несмотря на доминирующее положение гидроэнергетики в структуре энергетического баланса Грузии, страна продолжает поддерживать также газотурбинную генерацию, а также выступает нетто-импортером нефтепродуктов. Имеющихся в Грузии запасов природного газа и нефти явно недостаточно для покрытия внутреннего спроса, что диктует необходимость поиска коммерчески и логистически целесообразных путей поставок на внутренний рынок. Рассмотрим два указанных сектора рынка — газовый и нефтяной — по отдельности.

Рынок природного газа. Грузия располагает незначительными запасами природного газа, добычу которых в настоящее время осуществляет британская компания *Block Energy* (15–25 млн куб. м в год). В условиях такой символической внутренней добычи страна стабильно наращивает импорт

голубого топлива: в 2022 г. импорт составил 3 млрд куб. м, в 2023 г. — 2,9 млрд куб. м, в 2024 г. — 3,2 млрд куб. м¹².

Особый интерес представляет география поставок, претерпевающая в последнее время системные изменения. Для более комплексного понимания текущих тенденций грузинской внешнегазовой политики обратимся к реалиям не столь далекого прошлого, а именно к докризисному периоду российско-грузинских отношений. В 2007 г. Россия осуществляла около 67% поставок природного газа в Грузию, 33% — в Азербайджан. Ситуация начала меняться в 2006 г., когда «Газпром» повысил цену на поставляемый в Грузию природный газ с 100 до 235 долл. за 1 тыс. куб. м. Отказ Тбилиси оплачивать поставки по такой цене был аргументирован простым доводом: в соседних южнокавказских республиках российский газ закупается по цене 65 долл. Были отвергнуты также предложения Москвы осуществлять оплату путем передачи в российскую собственность грузинского участка газопровода Северный Кавказ — Закавказье, по которому осуществляются поставки природного газа в Армению [Давтян, 2025]. В результате доля российского голубого топлива на грузинском рынке начала постепенно уступать азербайджанскому, а после пятидневной войны (август 2008 г.) поставки из России в целях внутреннего потребления и вовсе прекратились. При этом продолжались транзитные поставки на армянский рынок (оплата транзита осуществлялась в виде природного газа — 10% от поставок), из-за чего между Тбилиси и Москвой неоднократно возникали споры. В частности, в 2016 г. «Газпром» предложил перейти к денежной форме оплаты — формату, соглашение о котором было достигнуто в 2017 г., при этом цена по настоящее время не оглашается. Известно лишь, что заключение сделки позволило Грузии получить скидку на российский природный газ в размере 30 долл. (цена, таким образом, составила 185 долл. за 1 тыс. куб. м), что стало немаловажным фактором, учитывая возобновление поставок из России [Кузьмина, 2018].

В настоящее время наблюдается тенденция восстановления позиций России на грузинском газовом рынке. Так, в 2023 г. Грузия на 21,4% сократила импорт природного газа из Азербайджана¹³. В том же году импорт из России увеличился на 16,5%¹⁴. Тенденция увеличения закупок из России продолжилась также в 2024–2025 гг. Так, в 2024 г. импорт Грузией российского газа

¹² Какой объем природного газа импортирует Грузия в 2024 году? // <https://sputnik-georgia.ru/20240108/kakoy-obem-prirodnogo-gaza-importiruet-gruziya-v-2024-godu-285484200.html>, дата обращения 11.12.2025.

¹³ Импорт газа из Азербайджана в Грузию сократился // <https://sputnik-georgia.ru/20231018/import-gaza-iz-azerbaydzhana-v-gruziyu-sokratilsya-283389487.html>, дата обращения 11.12.2025.

¹⁴ Грузия в 2023 году увеличила импорт природного газа из РФ на 16,5% // <https://www.interfax.ru/world/942063>, дата обращения 11.12.2025.

составил 180,9 долл.: рост по сравнению с 2023 г. составил 38%¹⁵. В первом же квартале 2025 г. Грузия впервые за последние 18 лет заплатила за природный газ из России больше, чем за газ из Азербайджана. В частности, за указанный период импорт газа в Грузию в денежном выражении составил 183,05 млн долл., из которых 100,6 млн долл. пришлось на российский, 82,4 млн долл. — на азербайджанский газ¹⁶. Отметим также, что за восемь месяцев 2025 г. (январь — август) Грузия закупила природный газ на сумму 277,6 млн долл., из которых доля российского газа составила 137,5 млн долл., азербайджанского — 139,8 млн долл. (сокращение на 6%)¹⁷. Как видим, постепенное увеличение доли российского газа на грузинском рынке сопровождается сокращением импорта из Азербайджана, что в последние два года является устойчивой тенденцией. Это нередко становится поводом, используемым грузинской оппозицией для обвинения властей в пророссийском курсе.

Рынок нефти и нефтепродуктов. Грузия также обладает ограниченными запасами нефти. В 2023—2024 гг. добыча сырой нефти в Грузии составила 58 тыс. т¹⁸.

Одним из наиболее знаковых инфраструктурных проектов, реализованных в грузинской энергосистеме в годы независимости, стало строительство первого нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) на территории свободной индустриальной зоны в Кулеви. НПЗ на первом этапе функционирования будет перерабатывать 1,2 млн т сырой нефти, а к концу 2026 г. его мощность составит 4 млн т в год. В ближайшие годы на НПЗ будут внедрены высокотехнологичные процессы глубокой переработки нефти, позволяющие производить лигроин, дизель, мазут, газойл и битум, а в среднесрочной перспективе — бензин и авиационное топливо. Согласно проекту, НПЗ позволит полностью покрыть внутренний спрос на авиационное топливо, бензин и дизельное топливо «Евро-5». Общий объем инвестиций составит 700 млн долл.¹⁹.

В октябре 2025 г. первая партия российской нефти была поставлена компанией «Русснефть» на грузинский НПЗ: 6 октября танкер «Кайсери» разгрузил в терминале Кулеви 105 тыс. метрических тонн нефти сорта *Siberian Light*, от-

¹⁵ Грузия в 2024 году нарастила покупки газа из России // <https://1prime.ru/20250129/gruzija-854512095.html>, дата обращения 11.12.2025.

¹⁶ Впервые за 18 лет Грузия заплатила за российский газ больше, чем за азербайджанский // <https://civil.ge/ru/archives/680296>, дата обращения 11.12.2025.

¹⁷ Грузия сократила импорт газа из Азербайджана // <https://bm.ge/ru/news/gruziia-sokratila-import-gaza-iz-azerbaidzana-331981>, дата обращения 11.12.2025.

¹⁸ Сколько нефти и газа добыто в Грузии // <http://ru.gruzinform.ge/news/63433/skoliko-nefti-i-gaza-dobito-v-gruzii.html>, дата обращения 12.12.2025.

¹⁹ Самая крупная частная инвестиция — в Грузии строят нефтеперерабатывающий завод // <https://sputnik-georgia.ru/20241022/samyi-kрупnaya-chastnaya-investitsiya---v-gruzii-stroyat-neftepererabatyvayushiy-zavod-290487459.html>, дата обращения 12.12.2025.

правленных из порта Новороссийск²⁰. Поставка российской нефти в Грузию вызвала острую реакцию в западных СМИ²¹, обвинивших Тбилиси в нарушении антироссийских санкций. Однако, согласно заявлению Министерства финансов Грузии, поставка российской нефти никак не противоречит санкционному режиму, поскольку ни судно, ни компания-судовладелец, ни организация, которая осуществила отправку и прием груза, не значатся в санкционных списках²². Отметим, что «Руснефть» входит в группу «Сафмар». Основатель компании Михаил Гучериев покинул совет директоров после введения против него санкций Евросоюза в 2021 г., действующий же президент компании Евгений Толочек не фигурирует в санкционных списках [Хасава, 2025].

Что касается уже сформировавшегося нефтепродуктового рынка Грузии, то здесь доля России хотя и весьма значительна, однако в последнее время демонстрирует консервативное снижение. В частности, в 2024 г. поставки из России составили 54% от всего объема импорта, тогда как годом ранее этот показатель составлял 62,5% (поставки из Болгарии составили 16,7 вместо 9,4% в 2023 г., из Румынии — 14,7 вместо 15,3% в 2023 г.)²³. Обращаясь к показателям 2025 г., отметим, что за первые девять месяцев года поставки из России также демонстрировали понижение: объем импорта составил 387 млн долл. (554,6 тыс. т), что ниже аналогичного показателя 2024 г. на 3,4%. На этом фоне наблюдается увеличение поставок из Европы. Румыния вышла на вторую позицию — 183 млн долл. (242,4 тыс. т) с приростом на 68%. Болгария также демонстрирует динамику роста: поставки достигли 136 млн долл. (184,8 тыс. т), что на 13% превышает прошлогодний показатель. Импорт из Турции увеличился на 27% — до 67 млн долл. (73,9 тыс. т). Азербайджан, напротив, фиксирует спад: поставки уменьшились на 13%, составив 66 млн долл. (95,2 тыс. т)²⁴.

В целом же, несмотря на указанное сокращение, Россия продолжает выступать ключевым поставщиком нефтепродуктов на грузинский рынок, а с учетом поставок сырой нефти на НПЗ в Кулеви ее позиции при отсутствии политических препятствий могут получить дополнительное закрепление.

²⁰ Россия поставила первую партию нефти на новый НПЗ в Грузии // <https://caucasus-chronicle.com/2025/10/22/9720/>, дата обращения 12.12.2025.

²¹ Russia ships first oil to new refinery in Georgia // <https://www.reuters.com/business/energy/russia-ships-first-oil-new-refinery-georgia-2025-10-21/>, дата обращения 12.12.2025.

²² Власти Грузии прокомментировали поставку нефти из России // <https://eadaaily.com/ru/news/2025/10/21/vlasti-gruzii-prokomentirovali-postavku-nefti-iz-rossii>, дата обращения 12.12.2025.

²³ Грузия в 2024 году сократила импорт бензина из России // <https://www.interfax.ru/business/1007565>, дата обращения 12.12.2025.

²⁴ В 2025 году Грузия сократила импорт топлива из РФ, нарастив закупки у других поставщиков // <https://www.newsgeorgia.ge/v-2025-godu-gruzija-sokratila-import-topliva-iz-rf-narastiv-zakupki-u-drugih-postavshhikov/>, дата обращения 12.12.2025.

Выводы

Таким образом, в условиях отсутствия дипломатических отношений российско-грузинские экономические связи демонстрируют положительную динамику: Россия не только традиционно выступает одним из ключевых внешнеторговых партнеров Грузии, но также является важным инвестором в грузинскую экономику. По сути, наблюдается развитие российско-грузинского сотрудничества в рамках модели функциональной автономии, предполагающей выстраивание экономического диалога вне зависимости от политических реалий.

При этом энергетический диалог между Россией и Грузией следует рассматривать в контексте меняющегося баланса сил на Южном Кавказе. Для Москвы это механизм косвенного влияния в условиях геополитической неопределенности в регионе, для Тбилиси – инструмент поддержания собственной энергетической безопасности и устойчивости при минимизации политических рисков.

Наиболее позитивная динамика взаимодействия в российско-грузинских экономических связях наблюдается в сфере энергетики, включая электроэнергетические коммуникации, поставки природного газа, нефти и нефтепродуктов, а также транзит энергоносителей (преимущественно в Армению). Наряду с этим наблюдается присутствие российского капитала в грузинской энергетической системе – как в сфере генерации, так и в сфере распределения электроэнергии. Можно констатировать, что российское присутствие в грузинской энергетике носит системный характер, что создает долговременный институциональный контур влияния.

Список литературы

Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации (Трехстороннее заявление от 10 ноября 2020 г.), 2020 // <http://kremlin.ru/events/president/news/64384>, дата обращения 09.12.2025.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) / <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>, дата обращения 09.12.2025.

Давтян В., 2025. Россия на газовых рынках Южного Кавказа // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 69. № 2. С. 110–119. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-110-119.

Новиков В., 2020. Грузинская электроэнергетика: политико-экономические аспекты // *Геоэкономика энергетики*. № 3 (11). С. 64–82. DOI: 10.48137/2687-0703_2020_11_3_64.

Горюшина Е., 2025. Анализ влияния России в Грузии от Института исследований внешней политики (FPRI, США) / <https://iwmes.hse.ru/news/1025741554.html>, дата обращения 09.12.2025.

Кузьмина Е., 2018. Российско-грузинский энергодиалог в действии // Россия – Грузия. Отношения: энергетика, экономика, безопасность, геополитика, миграция и культура / Международный центр по конфликтам и переговорам, Российский совет по международным делам. Тбилиси. С. 23–36.

Хасаиа Х., 2025. Российская нефть на грузинском побережье // <https://www.ekhokavkaza.com/a/rossiyskaya-neftj-na-gruzinskom-poberezhje/33568446.html>, дата обращения 12.12.2025.

Alexander A. MARKAROV, D. Sc. (Politics), Professor at YSU, Director of the Armenian branch of the Institute of CIS Countries

Address: 1, Alek Manukyan str., Yerevan, 0025, Republic of Armenia

E-mail: amarkarov@ysu.am

SPIN-code: 9302-0149

Vahe S. DAVTYAN, D. Sc. (Politics), Leading Research, Sector of Caucasian Studies of the ICCA RAS, Professor at the Russian-Armenian (Slavonic) University

Address: 123, Hovsep Emin str., Yerevan, 0051, Republic of Armenia

E-mail: vahedavtyan@yandex.ru

SPIN-code: 7094-6199

ENERGY AS A SPACE OF PRAGMATISM: THE EVOLUTION OF RUSSIAN-GEORGIAN TIES

DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_57

Received: 15.12.2025.

For citation: *Markarov A. A., Davtyan V. S., 2026. Energy as a Space of Pragmatism: The Evolution of Russian-Georgian Ties. – Geoeconomics of Energetics. № 1 (33). P. 57–72. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_57*

Keywords: Russia, Georgia, South Caucasus, energy, electricity, natural gas, oil, petroleum products.

Abstract

The article examines the key problems and prospects of Russian–Georgian cooperation in the energy sector. It is established that, despite the absence of diplomatic relations, Georgia and Russia demonstrate a positive dynamic in the development of economic ties, most visibly manifested in the energy domain. The development of bilateral cooperation is based on a model of functional autonomy, within which economic partnership is not linked to political decisions. The study explores the specific features of bilateral interaction in electric power communications, as well as in the supply of natural gas, crude oil, and petroleum products. Special attention is paid to the presence of Russian capital in Georgia’s energy infrastructures. The analysis shows that amid growing demand for energy resources, Georgia not only expands domestic production but also develops external energy communications, within which Russia’s share displays a trend of steady growth. The article outlines the operational characteristics of such key energy infrastructures as the Kavkasioni transmission line, the Enguri HPP, and the North Caucasus–Transcaucasia gas pipeline, among others. Building on the analysis, the authors conclude that the Russian Federation’s presence in Georgia’s energy sector is systemic in nature. Drawing on this, they go on to examine prospects for deepening the Russian-Georgian energy dialogue in light of the commissioning of Georgia’s first oil refinery in Kulevi. In the broader context of shifting power balances in the South Caucasus, this partnership offers Russia a lever

of indirect influence through control over the regional energy market, while providing Georgia with a tool to bolster its own energy security without expanding engagement on the political track.

References

Statement by the President of the Republic of Azerbaijan, the Prime Minister of the Republic of Armenia and the President of the Russian Federation (Trilateral Statement dated November 10, 2020), 2020 // <http://kremlin.ru/events/president/news/64384>, accessed 9.12.2025. (In Russ.)

The Concept of the Foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023) // <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>, accessed 9.12.2025. (In Russ.)

Davtyan V., 2025. Russia in the gas markets of the South Caucasus // *World Economy and International Relations*. Vol. 69. No. 2. Pp. 110–119. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-110-119. (In Russ.)

Novikov V., 2020. Georgian electric power industry: political and economic aspects // *Geoeconomics of Energetics*. No. 3 (11). Pp. 64–82. DOI: 10.48137/2687-0703_2020_11_3_64. (In Russ.)

Goryushina E., 2025. Analysis of Russia's Influence in Georgia from the Institute for Foreign Policy Studies (FPRI, USA) / <https://iwmes.hse.ru/news/1025741554.html>, accessed 9.12.2025. (In Russ.)

Kuzmina E., 2018. Russian-Georgian Energy Dialogue in action // *Russia-Georgia. Relations: energy, economy, security, geopolitics, migration and culture* / International Center for Conflict and Negotiation, Russian Council on International Affairs. Tbilisi. Pp. 23–36. (In Russ.)

Khasaia H., 2025. Russian oil on the Georgian coast // <https://www.ekhokavkaza.com/a/rossiyskaya-neftj-na-gruzinskom-poberezhje/33568446.html>, accessed 12.12.2025. (In Russ.)

Нурсулу АХМЕТОВА
Анна КРАМАРЕНКО

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СИСТЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ К КЛИМАТИЧЕСКИМ ВЫЗОВАМ И НИЗКОУГЛЕРОДНОМУ РАЗВИТИЮ: ОПЫТ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Дата поступления в редакцию: 18.12.2025.

Для цитирования: *Ахметова Н. М., Крамаренко А. И., 2025. Институциональная адаптация систем государственного управления к климатическим вызовам и низкоуглеродному развитию: опыт стран Центральной Азии. – Геоэкономика энергетики. № 1 (33). С. 73–90. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_73*

Центральная Азия сталкивается с нарастающими последствиями изменения климата, что требует трансформации систем государственного управления для обеспечения перехода к низкоуглеродному развитию. Целью данного исследования являются анализ механизмов институциональной адаптации в Казахстане, Киргизии и Узбекистане и разработка комплексной модели институциональной гибкости. На основе сравнительного институционального анализа и качественного контент-анализа национальных стратегий и законо-

АХМЕТОВА Нурсулу Меирбековна, докторант, генеральный директор аналитического центра «КМК Форсайт». **Адрес:** Киргизская Республика, г. Бишкек, 720052, ул. Горького, 108
E-mail: nursulu.akhm@gmail.com. **ORCID:** 0009-0002-1521-9235

КРАМАРЕНКО Анна Игорьевна, кандидат экономических наук, доцент, директор департамента развития НОУ УНПК «Международный университет Киргизии». **Адрес:** Киргизская Республика, г. Бишкек, 72000, ул. Льва Толстого, 17а/1. **E-mail:** kramarenko@iuk.kg. **ORCID:** 0000-0002-1017-3779

Ключевые слова: климатическое управление, институциональная адаптация, низкоуглеродное развитие, Центральная Азия, углеродное ценообразование, зеленое финансирование, государственное управление.

дательных актов выявлены различные институциональные траектории стран региона. К ним относятся рыночно ориентированная модель Казахстана, работающая посредством системы торговли квотами на выбросы, гибридная модель Киргизии, совмещающая рыночные и административные инструменты, и централизованная модель Узбекистана, опирающаяся на форматы государственно-частного партнерства. Климатическая политика в остальных странах региона либо сконцентрирована на реализации малых проектов, ориентированных на возобновляемые источники энергии (Туркменистан), либо находится в процессе своего становления (Таджикистан). Общими направлениями реформ выступают усиление стратегического планирования, развитие климатического финансирования и цифровизация мониторинга. По результатам исследования предложена модель институциональной гибкости, интегрирующая нормативный (принятие стратегий и формализация обязательств), организационный (создание специализированных агентств и ведение отчетности), финансовый (открытие фондов и запуск систем торговли квотами на выбросы) и коммуникационный (прозрачность данных) уровни адаптации.

Введение

В условиях ускоряющихся глобальных климатических изменений страны Центральной Азии сталкиваются с необходимостью институционального пересмотра своих систем государственного управления. В регионе, где природные и водно-энергетические ресурсы определяют устойчивость развития, климатическая уязвимость требует системных решений. Несмотря на скромный вклад Центральной Азии в глобальные выбросы парниковых газов, последствия изменения климата ощущаются здесь остро через засухи, таяние ледников и энергетические дефициты [*The World Bank/CAREC*, 2018; *AIFC/GIP*, 2024]. Данная ситуация требует переосмысления роли государства от реагирующей к стратегически направляющей.

За последнее десятилетие Казахстан, Киргизия и Узбекистан предприняли шаги по формированию национальных моделей низкоуглеродного развития. Казахстан принял Стратегию низкоуглеродного развития до 2060 г., позиционируя страну в качестве регионального лидера в области климатической политики [*Strategy...*, 2023]. Киргизия утвердила Программу развития зеленой экономики до 2029 г., делая акцент на ресурсоэффективности и развитии возобновляемой энергетики [*Программа развития зеленой экономики...*, 2025]. Узбекистан реализует Стратегию зеленой экономики до 2030 г., сосредоточенную на расширении солнечной и ветровой энергетики [*Стратегия зеленой экономики...*, 2022]. Эти процессы сопровождались институциональными преобразованиями от создания климатических фондов и агентств до интеграции климатических целей в стратегические документы. Таким образом, формируется новая конфигурация государственного управления, способная отвечать на вызовы климатической эпохи.

Целью настоящего исследования являются анализ механизмов институциональной адаптации систем государственного управления в странах

Центральной Азии и разработка комплексной модели институциональной гибкости для эффективного климатического управления в регионе.

Обзор литературы и теоретические основы

Международный дискурс о климатическом управлении значительно эволюционировал за последние два десятилетия, переходя от фрагментированных экологических политик к интегрированным институциональным структурам. Анализ ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) механизмов углеродного ценообразования демонстрирует, что эффективная климатическая политика требует не просто регулятивных инструментов, но комплексных институциональных экосистем, способных координировать множество заинтересованных сторон и политических областей [OECD, 2023].

Концепция институциональной гибкости, используемая в настоящем исследовании, основывается на теории организаций и исследованиях в области государственного управления, подчеркивая способность государственных структур адаптироваться к быстро меняющимся экологическим и экономическим условиям при сохранении политической когерентности. Данный подход признает, что климатическое управление требует многоуровневых институциональных механизмов, охватывающих нормативное, организационное, финансовое и коммуникационное измерения.

Методология

Настоящее исследование применяет методологию сравнительного институционального анализа, изучая политические документы, регулятивные рамки и организационные структуры климатического управления в трех странах Центральной Азии. Исследование использует качественный контент-анализ национальных стратегий, законодательных актов и институциональных механизмов. Источники данных включают официальные правительственные документы, отчеты международных организаций и специализированные аналитические материалы банков развития и исследовательских институтов. Аналитическая рамка структурирована вокруг четырехуровневой модели институциональной гибкости, позволяющей проводить систематическое сравнение между странами и выявлять общие паттерны и расходящиеся траектории.

Институциональные реформы в странах Центральной Азии

Киргизская Республика (КР) сформировала гибридную модель климатического управления, сочетающую административные механизмы с элементами рыночного стимулирования. Архитектуру климатической политики

возглавляют Министерство природных ресурсов, Центр климатического финансирования и Фонд зеленой энергетики. Данная институциональная конфигурация отражает приоритеты, обозначенные в Программе развития зеленой экономики до 2040 г., которая подчеркивает переход к ресурсоэффективным и низкоуглеродным экономическим траекториям [*Программа развития зеленой экономики...*, 2024].

Центр климатического финансирования, учрежденный в 2023 г., стал связующим звеном между Киргизией и международными донорами, координируя доступ к таким структурам, как Зеленый климатический фонд, Глобальный экологический фонд и Программа развития ООН. Помимо разработки заявок на финансирование, центр занимается верификацией проектов и формированием подходов к оценке климатического эффекта инвестиций.

Функционирование Фонда зеленой энергетики в Киргизии наглядно отражает динамику институциональной адаптации в секторе низкоуглеродного развития. Созданный постановлением Кабинета министров № 621 от 2022 г. [*Постановление Кабинета Министров...*, 2022] фонд был изначально ориентирован на поддержку проектов в сфере возобновляемой энергетики и энергоэффективности, функционируя через смешанную модель финансирования, включающую гранты, кредиты и выпуск зеленых облигаций. Нормативное закрепление его финансирования через республиканский бюджет придало инструменту устойчивую институциональную основу и позволило встроить его в общенациональную архитектуру поддержки низкоуглеродного перехода. В последующем полномочия фонда были расширены — постановлением № 556 от 2025 г. [*Постановление Кабинета Министров...*, 2025] его наделили функцией предоставления финансовых гарантий по выкупу электрической энергии, произведенной объектами ВИЭ. Эти изменения свидетельствуют о переходе Киргизии от этапа институционального проектирования к практической реализации механизмов зеленой энергетики, где фонд выступает ключевым финансовым инструментом государственной климатической политики и нацелен на проекты в области возобновляемой энергетики и энергоэффективности.

Данные институты образуют трехуровневую систему, охватывающую стратегическое планирование, операционную реализацию и мобилизацию финансовых ресурсов, позволяя выстраивать адаптивную климатическую политику на национальном уровне. Институциональная структура демонстрирует акцент Киргизии на механизмах перераспределения и международной поддержке, отражая как ограничения экономического потенциала страны, так и ее стратегическое позиционирование в архитектуре глобального климатического финансирования [*Концепция развития климатического финансирования...*, 2024].

Казахстан демонстрирует наиболее зрелую рыночную модель климатического управления в регионе. В 2013 г. страна внедрила национальную систему торговли квотами на выбросы, которая охватывает более половины крупных промышленных предприятий и способствует формированию внутреннего

углеродного рынка, интегрированного с глобальными регулятивными механизмами [OECD, 2023]. Казахская система торговли квотами представляет первый углеродный рынок на постсоветском пространстве и служит практическим механизмом достижения амбициозных целей, установленных в Стратегии низкоуглеродного развития до 2060 г. [Strategy..., 2023].

С 2021 г. функционирует Зеленая финансовая платформа, выступающая в качестве механизма смешанного финансирования в секторе устойчивой энергетики, охватывающего кредиты, гранты и продукты экологического, социального и корпоративного управления. Данная институциональная рамка дополняется фондом «Байтерек», который аккумулирует инвестиции в устойчивые проекты и управляет портфелем зеленых облигаций. Развитая финансовая инфраструктура отражает стратегию Казахстана по использованию рыночных механизмов для мобилизации капитала для климатических действий при сохранении надежного регулятивного надзора [AIFC/GIP, 2024].

Институциональная зрелость системы климатического управления Казахстана позиционирует страну в качестве потенциального регионального центра развития углеродного рынка и инноваций зеленого финансирования. Опыт, накопленный через функционирование системы торговли квотами, предоставляет ценные уроки для соседних стран, рассматривающих аналогичные механизмы.

В Узбекистане климатическая повестка институционализована в рамках централизованной модели управления. Основными органами выступают Совет по зеленому росту и Министерство экологии и изменения климата, дополненные Фондом поддержки зеленой экономики и Агентством по развитию возобновляемой энергетики. Данная институциональная конфигурация операционализирует приоритеты, установленные в Стратегии зеленой экономики до 2030 г., которая нацелена на существенное расширение мощностей возобновляемой энергетики [Стратегия зеленой экономики..., 2022].

Фонд поддержки зеленой экономики, финансируемый через бюджетные ассигнования и международные источники, сосредоточен на инфраструктурных и энергетических проектах. Агентство по развитию возобновляемой энергетики администрирует схемы независимых производителей электроэнергии и стимулирует частные инвестиции в солнечную и ветровую энергетику. Недавние инициативы при поддержке Азиатского банка развития и Всемирного банка способствовали реализации конкурентных аукционов проектов возобновляемой энергетики, демонстрируя эффективность сочетания централизованной координации с участием частного сектора [Asian Development Bank, 2022; World Bank, 2024].

Сравнительный анализ выявляет различные институциональные траектории: Киргизия делает акцент на перераспределении и международной поддержке, Казахстан приоритизирует рыночные механизмы, в то время как Узбекистан реализует административное управление с элементами

государственно-частного партнерства. Несмотря на эти различия, страны движутся к общим институциональным стандартам, направляемые международными обязательствами и процессами региональной интеграции.

Важным вектором институциональных преобразований в регионе стали результаты XXIX Конференции сторон РКИК ООН [COP29], состоявшейся в Баку в ноябре 2024 г.¹. Принятие решения по созданию Центра экологически чистой энергии стало первым крупным шагом к формированию новой архитектуры международного сотрудничества в области низкоуглеродного развития. Киргизия одной из первых стран Центральной Азии формально присоединилась к этому механизму, ратифицировав устав Центра экологически чистой энергии Законом КР от 1 июля 2025 г. № 130 [*О ратификации Устава...*, 2025]. Данный шаг расширяет доступ страны к трансграничным проектам в области гидроэнергетики и возобновляемой энергетики, усиливает институциональную базу климатической политики и закрепляет участие КР в международных механизмах, возникших в рамках COP29. Включение Киргизии в новый институт отражает переход от декларативного участия в климатической повестке к созданию системной инфраструктуры климатического управления, основанной на международных стандартах, обмену знаниями и развитию компетенций.

В рамках COP29 Садыр Жапаров, президент КР, призвал страны обратить внимание на глобальную «горную повестку» в климатической адаптации². На COP30 усилена роль Центральной Азии как конструктивного региона для развития, а также определено, что глобальные инициативы требуют адаптивности не только политик, но и институтов.

Помимо различий между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном, сравнительный анализ выявляет появление новых направлений национальной политики, связанных с формированием спроса на механизмы поддержки низкоуглеродных технологий и усиление технологической независимости. В странах региона проявляется растущая потребность в институциональных решениях, ориентированных на стимулирование производства климатически чистых технологий, локализацию оборудования для ВИЭ и развитие цифровых инструментов для управления энергопотреблением. Эти тенденции свидетельствуют о постепенном переходе от узкосекторальных мер к комплексным технологическим стратегиям, охватывающим энергетику, промышленность и цифровую сферу, в том числе расширяющим географию привлечения технологий (табл.).

¹ Конференция ООН по климату в Баку – ноябрь 2024 года // <https://unfccc.int/ru/cop29>, дата обращения 01.02. 2026.

² Садыр Жапаров призвал международное сообщество активизировать поддержку горным странам, наиболее уязвимым к изменению климата // <https://mountains.gov.kg/news/2b561319-b1d0-4c08-a207-27cc08034715/>, дата обращения 01.02. 2026.

Таблица

Сравнительная таблица фондов ВИЭ стран Центральной Азии

Страна	Название фонда/института	Год создания	Юридический статус и учреждение	Источники финансирования	Основные функции	Институциональная роль в климатической политике
Киргизия	Фонд зеленой энергетики при Кабинете министров КР	2022	Постановление КМ № 621 (2022), изменения 2024 г., функции расширены постановлением № 70 (2025)	Республиканский бюджет, международные доноры, гранты, кредиты, зеленые облигации	Финансирование ВИЭ-проектов, гарантированный выкуп электроэнергии, управление поддержкой рынка ВИЭ	Ключевой финансовый инструмент государственной климатической политики
Казахстан	Фонд «Байтерек» / <i>AIFC Green Finance Centre</i>	2013–2018	Указы правительства и решения АО «Байтерек»	Госбюджет, облигации, частный капитал, АБР, ВБ	Зеленые облигации, поддержка ВИЭ, кредитные гарантии	Региональный центр зеленого финансирования
Узбекистан	Фонд поддержки зеленой экономики	2019	Постановление президента и Кабмина	Госбюджет, ГЧП, доноры	Поддержка инфраструктурных ВИЭ-проектов, стимулирование <i>IPP</i>	Инструмент централизованного управления ВИЭ
Таджикистан	Фонд развития энергетики [с элементами ВИЭ]	2021	Решения правительства	Госбюджет; кредиты ЕБРР, АБР; гранты	Финансирование мини-ГЭС и солнечных проектов	Ориентирован на малые ВИЭ-проекты
Туркменистан	Нет специализированного фонда ВИЭ	–	–	Госбюджет	Пилотные ВИЭ-проекты	Низкая институциональная готовность

Источник: составлено авторами.

Региональные инициативы и углеродное регулирование

Аналитический доклад Евразийского банка развития и Института ЦАР-ЭС, представленный в 2025 г., впервые предложил комплексную оценку региональной институциональной готовности к внедрению механизмов углеродного ценообразования. В контексте запуска Трансграничного углеродного корректирующего механизма Европейского союза и интенсификации реализации Парижского соглашения углеродная политика стала не просто экологическим, но и экономическим императивом [*Возможности внедрения...*, 2025].

Доклад категоризирует страны региона на три группы: Казахстан с действующей системой торговли квотами, Узбекистан на подготовительной стадии, а также Киргизия и Таджикистан на начальном уровне. Анализ подчеркивает, что даже минимальный углеродный налог может генерировать значительные фискальные эффекты при условии реализации адекватных механизмов социальной компенсации. Особое внимание уделяется созданию систем измерения, отчетности и верификации, разработке национальных зеленых таксономий и укреплению межведомственной координации [*Возможности внедрения...*, 2025].

Центральная рекомендация предлагает формирование региональной дорожной карты по углеродному ценообразованию, которая могла бы служить основой для платформы, обеспечивающей обмен данными и торговлю квотами. Данные предложения концептуально поддерживают создание центральноазиатского центра климатического управления, функционирующего в качестве координационного хаба для финансирования, мониторинга и институционального выравнивания в регионе [*AIFC/GIP*, 2024; *Возможности внедрения...*, 2025]. Такие региональные координационные механизмы способствовали бы передаче знаний, наращиванию потенциала и разработке гармонизированных подходов к климатическому управлению в Центральной Азии.

В дополнение к дорожным картам по углеродному регулированию важным направлением регионального сотрудничества становится формирование институционального механизма, который мог бы выполнять функции координации законодательства, гармонизации методологий *MRV* и объединения климатических данных. В этой связи потенциально значимым шагом является создание центральноазиатского центра климатического управления – специализированной платформы, обеспечивающей синхронизацию климатической политики, обмен данными и совместную разработку инструментов углеродного регулирования. Такой центр дополнил бы решения *COP29*, включая учреждение Центра экологически чистой энергии, усиливая инфраструктуру регионального климатического управления.

В рамках XXIV Министерской конференции Программы регионального экономического сотрудничества в Центральной Азии, которая прошла в Бишкеке под девизом «Зеленый и цифровой ЦАРЭС», президент АБР Масато Канда в ноябре 2025 г. объявил о выделении 10 млрд долл. в страны ЦА. КР в ближайшие два года получит 700 млн долл. на реализацию климатических проектов, поддержку реформ и инфраструктуры.

Модель институциональной гибкости

Предлагаемая модель институциональной гибкости интегрирует четыре уровня адаптации государственного управления к климатическим трансформациям. Нормативный уровень охватывает принятие климатических стратегий, законодательных рамок и политических инструментов, устанавливающих правовую основу для климатических действий. Это включает формализацию климатических обязательств, установление целей по сокращению выбросов и интеграцию климатических соображений в секторальное законодательство.

Организационный уровень предполагает создание специализированных агентств, координационных органов и систем измерения, отчетности и верификации. Данное измерение обращается к структурному потенциалу правительства реализовывать климатическую политику, включая механизмы межведомственной координации, развитие технической экспертизы и создание специализированных климатических институтов. Опыт стран Центральной Азии демонстрирует различные подходы к организационному дизайну от рыночно ориентированных агентств Казахстана до централизованных структур Узбекистана, что отражает различия в институциональной архитектуре энергетического перехода в регионе [IRENA, 2025].

Финансовый уровень фокусируется на формировании фондов, выпуске облигаций и реализации систем торговли выбросами. Данный компонент обращается к критическому вызову мобилизации финансовых ресурсов для климатических действий, охватывая как механизмы государственного финансирования, так и инструменты привлечения частного капитала. Разработка зеленых таксономий, создание гарантийных механизмов и формирование инструментов смешанного финансирования являются существенными элементами данного уровня [AIFC/GIP, 2024].

Коммуникационный уровень обеспечивает прозрачность данных, участие общественности и международное взаимодействие. Данное измерение признает, что эффективное климатическое управление требует не только технического потенциала, но также социальной легитимности и международного сотрудничества. Прозрачность климатических данных, вовлечение заинтересованных сторон в разработку политики и активное участие в международных климатических форумах являются неотъемлемыми элементами данного уровня.

Данная модель отражает переход от реактивного управления к проактивному и интегративному подходу, встраивающему климатическую политику в национальные стратегии развития. Четырехуровневая рамка предоставляет диагностический инструмент для оценки институциональной зрелости и определения приоритетных областей для реформ.

Предложенные в рамках исследования направления регионального сотрудничества и технологического развития могут быть интерпретированы через призму модели институциональной гибкости. Так, создание специализированных фондов поддержки технологий усиливает финансовый уровень, цифровые образовательные хабы – коммуникационный и кадровый, а региональный координационный центр – организационный. В результате модель институциональной гибкости не только описывает существующие механизмы адаптации, но и становится аналитическим инструментом для проектирования новых климатических институтов Центральной Азии, что особенно важно в условиях углубления глобальных климатических обязательств.

Институциональные барьеры и вызовы

Несмотря на существенный прогресс, сохраняются несколько критических ограничений в регионе. Стратегическая фрагментация и слабая координация между государственными органами препятствуют когерентной реализации политики. Климатические стратегии часто остаются отделенными от планов экономического развития, ограничивая их эффективность и создавая конфликтующие политические сигналы.

Зависимость от внешнего финансирования и недостаточность внутренних инструментов зеленого финансирования ограничивают масштаб и устойчивость климатических действий. Хотя международные климатические фонды обеспечивают существенную поддержку, чрезмерная зависимость от внешних ресурсов создает уязвимость к изменяющимся приоритетам доноров и ограничивает национальную ответственность за климатические инициативы [*Renewable Energy Investment...*, 2025]. Дефицит квалифицированных кадров в области экологического, социального и корпоративного управления, углеродного учета и методологий измерения, отчетности и верификации представляет значительный потенциальный разрыв. Быстрая эволюция климатического финансирования и углеродных рынков требует специализированной экспертизы, которая в настоящее время находится в дефиците в регионе.

Недостаточная цифровизация учетных систем и фрагментация данных подрывают надежность инвентаризаций выбросов и эффективность мониторинговых систем. Создание надежных систем измерения, отчетности и верификации требует существенных инвестиций в цифровую инфраструктуру.

туру и наращивание потенциала [*Возможности внедрения...*, 2025]. Ограниченное участие бизнес-сектора и гражданского общества в климатических инициативах снижает социальную легитимность и экономическую эффективность климатических политик. Эффективное климатическое управление требует вовлечения множества заинтересованных сторон и не может быть достигнуто исключительно государственными действиями.

Рекомендации и перспективы

На основе сопоставительного анализа институтов климатического управления стран Центральной Азии с учетом новых международных обязательств, сформированных в рамках *COP29* и *COP30*, предлагается комплекс рекомендаций, направленных на повышение институциональной устойчивости и технологической независимости государств региона.

Формирование регионального координационного механизма – Центральноазиатского центра климатического управления – представляется ключевым условием формирования согласованных региональных позиций в вопросах климатической политики, углеродного регулирования и распределения климатического финансирования [*AIFC/GIP*, 2024; *Возможности внедрения...*, 2025]. Такой центр может быть создан под эгидой Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества, что будет способствовать политическому диалогу, техническому сотрудничеству и разработке региональных подходов к углеродному ценообразованию и климатическому финансированию

Институционализация участия государств Центральной Азии в новых международных климатических механизмах, таких как Центр экологически чистой энергии, будет способствовать доступу к технологиям, проектной экспертизе и дополнительным ресурсам климатического финансирования. Включение стран региона в его деятельность повышает согласованность национальных стратегий низкоуглеродного развития и углубляет их интеграцию в глобальную климатическую архитектуру.

Формирование системы подготовки кадров и расширение образовательных возможностей. Создание цифрового образовательного хаба, ориентированного на развитие компетенций в области *MRV*, *ESG*-аналитики станет ключевым инструментом устранения кадрового дефицита. Хаб может интегрировать международный опыт, стандартизировать учебные программы и обеспечить подготовку специалистов для государственных органов, бизнеса и аналитических центров региона.

Укрепление цифровой инфраструктуры климатической политики. Рост энергопотребления ИТ-сектора и дефицит генерирующих мощностей требуют введения стандартов энергоэффективности для дата-центров, развития цифровых платформ мониторинга выбросов и внедрения смарт-техно-

логий управления энергопотреблением. Так, создание регионального хаба климатических данных для обмена информацией и верификации повысило бы прозрачность, способствовало взаимному обучению и поддерживало разработку гармонизированных методологий. Такая платформа могла бы опираться на существующие рамки регионального сотрудничества и использовать цифровые технологии для управления данными [*Возможности внедрения...*, 2025].

Формализация климатических функций в национальном законодательстве и институционализация соответствующих национальных органов обеспечила бы стабильные правовые основы для долгосрочных климатических действий. Это включает установление четких мандатов, механизмов подотчетности и протоколов межинституциональной координации.

Развитие механизмов зеленого финансирования через создание таксономий, выпуск облигаций и установление гарантийных схем мобилизовало бы внутренний капитал для климатических инвестиций. Изучение опыта Казахстана с зелеными облигациями и механизмов государственно-частного партнерства Узбекистана могло бы способствовать разработке контекстно-адаптированных финансовых инструментов [*AIFC/GIP*, 2024]. Для Киргизии приоритетным направлением является формирование устойчивой бюджетобразующей модели для Фонда зеленой энергетики, включая прогнозные инструменты, привязанные к среднесрочным бюджетным циклам. Это обеспечило бы предсказуемость финансирования ВИЭ-проектов, укрепило доверие со стороны частных инвесторов и повысило институциональную стабильность реализации обязательств, принятых в рамках Парижского соглашения и *СОР29*.

С учетом урбанизации в условиях изменения климата важна институциональная рамка развития зеленой городской среды: разработка регуляторных механизмов, направленных на создание зеленых зон, реновацию городской среды и внедрение энергоэффективных решений в транспорте и строительстве. Эти меры обеспечивают связь между политикой адаптации, урбанистическими решениями и снижением углеродного следа.

В совокупности данные рекомендации формируют институциональную базу для устойчивой и адаптивной климатической политики, способной обеспечить устойчивость Центральной Азии в условиях растущей климатической турбулентности.

Заключение

Адаптация государственных институтов к климатическим вызовам стала критическим индикатором зрелости управления в XXI в. Центральная Азия, несмотря на структурные различия между странами, демонстрирует приверженность формированию адаптивных архитектур климатичес-

кого управления. Представленная модель институциональной гибкости не только позволяет выстраивать устойчивые механизмы управления, но также устанавливает ориентиры для региональной интеграции в климатической сфере.

Решения *COP29* и последующая ратификация Киргизией устава Центра экологически чистой энергии демонстрируют, что государства Центральной Азии переходят к более глубокому институциональному формату климатического управления, основанному на международных механизмах, технологическом обмене и расширении доступа к климатическому финансированию. Эти шаги усиливают региональную координацию и подтверждают, что успешная адаптация к климатическим вызовам требует не только национальных реформ, но и включения в новые глобальные институты, формирующие инфраструктуру низкоуглеродного развития.

Рыночно ориентированный подход Казахстана, гибридная модель Киргизии, сочетающая международную поддержку с внутренними институтами, и централизованная рамка Узбекистана с элементами государственно-частного партнерства представляют различные, но сходящиеся траектории к эффективному климатическому управлению. Каждая модель отражает специфический экономический, политический и институциональный контексты соответствующей страны, одновременно обращаясь к общим вызовам наращивания потенциала, мобилизации финансирования и вовлечения заинтересованных сторон.

Региональное измерение климатического управления приобретает все большую значимость, о чем свидетельствуют инициативы по разработке дорожных карт углеродного ценообразования и созданию координационных механизмов. В долгосрочной перспективе усиленное региональное сотрудничество могло бы позиционировать Центральную Азию в качестве значимого участника низкоуглеродного развития на евразийском пространстве. Институциональные основания, создаваемые сегодня, определяют способность региона навигировать сложные пересечения климатических действий, экономического развития и социального равенства в предстоящие десятилетия.

Аналитическая рамка и эмпирические инсайты, представленные в настоящем исследовании, вносят вклад в более широкий дискурс о климатическом управлении в развивающихся экономиках и предлагают практическое руководство для политиков, международных партнеров и заинтересованных сторон, вовлеченных в продвижение климатических действий в Центральной Азии и за ее пределами.

Список литературы

Страновая программа Республики Казахстан для Зеленого Климатического Фонда на 2024–2027 гг. // <https://igtipc.org/wp-content/uploads/2025/03/GCF-country-program.pdf>, дата обращения 11.11.2025.

Концепция развития климатического финансирования в Кыргызской Республике, 2024. UNDP // https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/202411/rus_the_concept_of_the_development_of_climate_finance_in_the_kyrgyz_republic.pdf, дата обращения 11.11.2025.

Закон Кыргызской Республики № 130 от 1 июля 2025 года «О ратификации Устава Центра экологически чистой энергии, принятого на 29-й Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (15 ноября 2024 г., г. Баку, Азербайджан)» // <https://cbd.minjust.gov.kg/230029418/edition/34682/ru>, дата обращения 01.02.2026.

Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики № 556 от 3 сентября 2025 года «О внесении изменений в некоторые решения Кабинета Министров Кыргызской Республики» // <https://cbd.minjust.gov.kg/7-44774/edition/37677/ru>, дата обращения 01.02.2026.

Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики № 621 от 14 ноября 2022 года «О создании Фонда зеленой энергетики при Кабинете Министров Кыргызской Республики» // <https://cbd.minjust.gov.kg/159619/edition/17517/ru>, дата обращения 01.02.2026.

Программа развития зеленой экономики Кыргызской Республики до 2029 года, 2025 // <https://mineconom.gov.kg/froala/uploads/file/82754e3d5ca923e96f6f39d5065c6cde1b318ce8.pdf>, дата обращения 11.11.2025.

Стратегия достижения низкоуглеродной нейтральности Республики Казахстан до 2060 года, 2023. Министерство экологии и природных ресурсов Республики Казахстан // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121>, дата обращения 11.11.2025.

Стратегия зеленой экономики Республики Узбекистан до 2030 года, 2022. Министерство экологии, охраны окружающей среды и изменения климата Республики Узбекистан // <https://lex.uz/docs/4539506>, дата обращения 11.11.2025.

Возможности внедрения систем углеродного ценообразования в странах Центральной Азии и Азербайджане, 2025. Евразийский банк развития // https://eabr.org/upload/iblock/de1/EABR-kh-Institut-TSARES_2025_Tarifikatsiya-ugleroda.pdf, дата обращения 11.11.2025.

Carbon Pricing in Emerging Economies: Kazakhstan Case Study, 2023. OECD DOI: 10.1787/0cddb6d6-en // <https://www.oecd.org/environment/carbon-pricing-in-emerging-economies-kazakhstan-case.htm>, дата обращения 11.11.2025.

Climate Finance in Central Asia, 2018. The World Bank/CAREC // <https://zoinet.org/wp-content/uploads/2018/01/Climate-Finance-Central-Asia-EN.pdf>, дата обращения 11.11.2025.

Green Economy Transition in Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia, 2022. OECD // https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2022/10/green-economy-transition-in-eastern-europe-the-caucasus-and-central-asia_1833cc0d/c410b82a-en.pdf, дата обращения 11.11.2025.

Green Hydrogen for Industrial decarbonization: Central Asia and the South Caucasus, 2025. IRENA // https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2025/May/IRENA_TEC_GH2_industry_Central_Asia_South_Caucasus_2025.pdf, дата обращения 11.11.2025.

Renewable Energy Investment Ecosystem in Central Asia, 2025. CAREC Institute, IsDB, ICDT // <https://www.carecinstitute.org/wp-content/uploads/2025/11/Renewable-Energy-Investment-Ecosystem-in-Central-Asia.pdf>, дата обращения 11.11.2025.

Scaling Up Renewable Energy in Uzbekistan, 2024. World Bank Group // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099100424105533434/pdf/BOSIB-bf67304e-4f11-47ae-b40d-5eec36f6d9dd.pdf>, дата обращения 11.11.2025.

State of Sustainable Finance in Central Asia, 2024. AIFC/GIP // https://aifc.kz/wp-content/uploads/2024/07/1.3-ca-to-publish-eng_compressed.pdf, дата обращения 11.11.2025.

Uzbekistan: Energy Sector Transformation and Renewable Auctions, 2022. Asian Development Bank // <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/1027176/private-sector-green-transformation-uzbekistan.pdf>, дата обращения 11.11.2025.

Nursulu M. AHMETOVA, PhD Candidate, General Director of the Analytical Center «ITC Foresight»

Address: Gorky Street 108, 720052, Bishkek, Kyrgyz Republic

E-mail: nursulu.akhm@gmail.com

ORCID: 0009-0002-1521-9235

Anna I. KRAMARENKO, Candidate of Economic Sciences Associate Professor NEI ESPC «International University of Kyrgyzstan»

Address: 17a/1 Lev Tolstoy st., 720000, Bishkek Kyrgyz Republic

E-mail: kramarenko@iuk.kg

ORCID: 0000-0002-1017-3779

INSTITUTIONAL ADAPTATION OF PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEMS TO CLIMATE CHALLENGES AND LOW-CARBON DEVELOPMENT: THE EXPERIENCE OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES

DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_73

Received: 18.12.2025

For citation: *Ahmetova N. M., Kramarenko A. I., 2026. Institutional adaptation of public administration systems to climate challenges and low-carbon development: the experience of Central Asian countries. – Goeconomics of Energy. No. 1 (33). P. 73–90. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_73*

Keywords: climate governance, institutional adaptation, low-carbon development, Central Asia, carbon pricing, green finance, public administration.

Abstract

Central Asia is increasingly affected by climate change, requiring public administration systems to demonstrate not only adaptability but also strategic resilience. This article analyzes the institutional transformations in Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan within the framework of low-carbon development objectives. The study identifies common reform trajectories including the strengthening of strategic planning, development of climate finance mechanisms, and digitalization of emissions monitoring systems. These include Kazakhstan's market-oriented model, which operates through an emissions trading system; Kyrgyzstan's hybrid model, which combines market and administrative instruments; and Uzbekistan's centralized model, which relies on public-private partnerships. Climate policy in other countries in the region

is either focused on small-scale renewable energy projects (Turkmenistan) or is in the process of its formation (Tajikistan). Broad reform priorities include strengthening strategic planning, expanding climate finance, and digitalizing monitoring systems. The author proposes a model of institutional flexibility based on four levels of adaptation: normative (adopting strategies and formalizing commitments), organizational (creating agencies and maintaining reports), financial (opening funds and launching emission trading systems), and communicative (data transparency).

References

Country Program of the Republic of Kazakhstan for the Green Climate Fund for 2024–2027, 2024 // <https://igtipc.org/wp-content/uploads/2025/03/GCF-country-program.pdf>, accessed 11.11.2025. (In Russ.)

The Concept of Development of Climate Finance in the Kyrgyz Republic. Bishkek: United Nations Development Program // https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2024-11/rus_the_concept_of_the_development_of_climate_finance_in_the_kyrgyz_republic.pdf, accessed 11.11.2025. (In Russ.)

Resolution of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic No. 621 of November 14, 2022 «On the Establishment of the Green Energy Fund under the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic» // <https://cbd.minjust.gov.kg/159619/edition/17517/ru>, accessed 01.02.2026. (In Russ.)

Resolution of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic No. 556 of September 3, 2025 «On Amendments to Certain Decisions of the Cabinet of Ministers of the Kyrgyz Republic» // <https://cbd.minjust.gov.kg/7-44774/edition/37677/ru>, accessed 01.02.2026. (In Russ.)

Law of the Kyrgyz Republic No. 130 of July 1, 2025 «On Ratification of the Charter of the Clean Energy Centre Adopted at the 29th Conference of the Parties to the UN Framework Convention on Climate Change (15 November 2024, Baku, Azerbaijan)» // <https://cbd.minjust.gov.kg/230029418/edition/34682/ru>, accessed 01.02.2026. (In Russ.)

Program for the Development of the Green Economy of the Kyrgyz Republic until 2029 // <https://mineconom.gov.kg/froala/uploads/file/82754e3d5ca923e96f6f39d5065c6cde1b318ce8.pdf>, accessed 11.11.2025. (In Russ.)

Strategy for Achieving Carbon Neutrality of the Republic of Kazakhstan until 2060, 2023 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2300000121>, accessed 11.11.2025. (In Russ.)

Strategy for the Green Economy of the Republic of Uzbekistan until 2030, 2019 // <https://lex.uz/docs/4539506>, accessed 11.11.2025. (In Russ.)

Carbon Pricing in Emerging Economies: Kazakhstan Case Study, 2023. OECD. DOI: 10.1787/0cdbc6d6-en. // <https://www.oecd.org/environment/carbon-pricing-in-emerging-economies-kazakhstan-case.htm>, accessed 11.11.2025. (In Eng.)

Climate Finance in Central Asia, 2018. The World Bank/CAREC // <https://zoinet.org/wp-content/uploads/2018/01/Climate-Finance-Central-Asia-EN.pdf>, accessed 11.11.2025. (In Eng.)

Green Economy Transition in Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia, 2022. Paris: OECD Publishing // https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2022/10/green-economy-transition-in-eastern-europe-the-caucasus-and-central-asia_1833cc0d/c410b82a-en.pdf, accessed 11.11.2025. (In Eng.)

Green Economy Transition in Eastern Europe, the Caucasus and Central Asia. 2022. OECD // https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2022/10/green-economy-transition-in-eastern-europe-the-caucasus-and-central-asia_1833cc0d/c410b82a-en.pdf, accessed 11.11.2025. (In Eng.)

Green Hydrogen for Industrial decarbonization: Central Asia and the South Caucasus, 2025. IRENA // https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2025/May/IRENA_TEC_GH2_industry_Central_Asia_South_Caucasus_2025.pdf, accessed 11.11.2025. (In Eng.)

Opportunities for Implementing Carbon Pricing Systems in Central Asia and Azerbaijan, 2025. Eurasian Development Bank // https://eabr.org/upload/iblock/de1/EABR-kh-Institut-TSARES_2025_Tarifikatsiya-ugleroda.pdf, accessed 11.11.2025. (In Russ.)

Renewable Energy Investment Ecosystem in Central Asia, 2025. CAREC Institute, IsDB, ICDT // <https://www.carecinstitute.org/wp-content/uploads/2025/11/Renewable-Energy-Investment-Ecosystem-in-Central-Asia.pdf>, accessed 11.11.2025. (In Eng.)

State of Sustainable Finance in Central Asia, 2024. AIFC/GIP // https://aifc.kz/wp-content/uploads/2024/07/1.3-ca-to-publish-eng_compressed.pdf, accessed 11.11.2025. (In Eng.)

Scaling Up Renewable Energy in Uzbekistan, 2024. World Bank Group // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099100424105533434/pdf/BOSIB-bf67304e-4f11-47ae-b40d-5eec36f6d9dd.pdf>, accessed 11.11.2025. (In Eng.)

Елена КУЗЬМИНА

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЛАРУСИ С ГОСУДАРСТВАМИ – ЧЛЕНАМИ СНГ ПОСЛЕ УЖЕСТОЧЕНИЯ САНКЦИЙ

Дата поступления в редакцию: 16.02.2026.

Для цитирования: *Кузьмина Е. М.*, 2026. Экономическое сотрудничество Беларуси с государствами – членами СНГ после ужесточения санкций. – *Геоэкономика энергетики*. № 1 (33). С. 91–113. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_91

Беларусь в 2022 г. попала под жесткие западные санкции и закрытие границ со стороны ЕС. Республика имеет экспортно ориентированную экономику. Перед ней встал вопрос необходимости частичной переориентации торгово-экономического сотрудничества и транспортно-логистический путей. В статье рассматриваются динамика экономического сотрудничества страны с государствами – членами СНГ как одним из направлений такой переориентации. Отмечается, что степень заинтересованности стран СНГ в партнерстве с Беларусью и его объем и интенсивность во многом зависят от заинтересованности стран и возможностей финансового обеспечения предполагаемых проектов. Данный аспект, в свою очередь, оказывает прямое воздействие на интенсивность торговли, инвестиционного взаимодействия и производственных кооперационных связей. Изучена динамика торгового и инвестиционного сотрудничества. Рассмотрены направления экономического взаимодействия с крупнейшими партнерами по СНГ – Россией, Казахстаном и Узбекистаном. Наибольшая активность взаимодействия именно с этими странами определяется тем, что перед ними стоят схожие задачи в рамках экономического, технологического и транспортно-логистического развития

КУЗЬМИНА Елена Михайловна, кандидат политических наук, заведующая сектором Центра постсоветских исследований, ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117997, ул. Профсоюзная просп., д. 23. **E-mail:** e_kuzmina07@mail.ru. **SPIN-код:** 1307-5256

Ключевые слова: Беларусь, Россия, СНГ, ЕС, Китай, санкции, торгово-экономическое сотрудничество, ПИИ, транспортно-логистический каркас, машиностроение, сельское хозяйство, экспортно ориентированная экономика.

в пределах Евразийского региона. Тесные контакты с РФ обеспечиваются работой в рамках формата Союзного государства, а также доступом к российской институциональной и транспортной инфраструктуре. Потенциал их дальнейшего развития вместе с тем ограничивается в силу заинтересованности Беларуси в восстановлении связей с Украиной и странами Европейского союза. В свою очередь, партнерство с Узбекистаном и Казахстаном осуществляется в транспортной сфере, а также в торговле продуктами питания, древесиной и изделиями из нее и нефтепродуктами. Делается вывод о стабилизирующей роли торговых отношений с государствами СНГ для экономики Беларуси в условиях растущих геоэкономических вызовов.

Белорусская экономика является экспортно ориентированной и имеет значительную долю экспорта в своем ВВП. Поэтому любые изменения в торговле и экономических связях отражаются не только на отдельных отраслях, но и на социально-экономической ситуации в целом. Сегодня из-за серьезного западного санкционного давления одними из основных задач Минска являются сохранение промышленного потенциала страны, а также увеличение доли импортозамещения в производственной сфере. Перед правительством встал вопрос об изменении торговых потоков и выстраивании новых производственных цепочек для сохранения стабильности в экономике и обществе.

Одним из направлений такого замещения могли бы стать государства – члены СНГ. Республика Беларусь (РБ) является членом Содружества с момента его образования. Однако долгие годы республика поддерживала экономические связи в основном с Россией и сопредельной Украиной. Причиной этого были не только экономическая связанность этих стран и их геополитическая взаимозависимость, но и центробежные тенденции в самом СНГ. В последние годы ситуация стала меняться.

В данной статье мы рассмотрим динамику развития экономического сотрудничества Республики Беларусь с государствами Содружества в 2022–2025 гг. Оценим возможности переориентации части белорусских торгово-экономических связей на постсоветский регион: какие сферы взаимодействия развиваются наиболее эффективно и с какими странами?

Это возможно лишь после анализа геополитических изменений в регионе и новой структуры взаимодействия с европейскими соседями, Китаем и Россией.

Важно отметить, что торгово-экономические связи Беларуси можно отследить в большей степени только по зеркальной статистике ее партнеров из-за минимального объема открытой статистики страны. А российско-белорусское экономическое взаимодействие вообще можно оценить по высказываниям официальных лиц двух стран также из-за отсутствия официальной российской статистики. Все это дает неполную картину внешних связей республики.

Геополитическая ситуация в Евразии и белорусская экономика после начала СВО на Украине

Беларусь находится на границе Европы и России, что всегда отражалось как на ее политике, так и на экономических связях. Она наиболее серьезно всегда была связана с РФ. Но и экономические связи с ЕС были несомненно важными для нее [Кузьмина, 2022]. Особенно важным для республики были поставки в страны ЕС готовой продукции, калийных удобрений, нефтепродуктов и мебели, а также получение западных машин и технологий. Несмотря на применение к республике санкций со стороны консолидированного Запада еще со второй половины 1990-х гг. и их ужесточение после президентских выборов 2020 г.¹, она сохраняла некоторые торгово-экономические и финансовые связи с европейскими странами. Более того, республика является транзитной территорией для ряда российских и китайских товаров в ЕС. Через ее территорию проходит несколько трубопроводов: газопроводы Ямал – Европа, «Дружба», Минск – Вильнюс, нефтепровод «Дружба», которые сегодня приостановлены.

2022 г. стал переломным для Евразийского континента. Начало СВО на Украине изменило ситуацию в Восточной Европе и в Евразии в целом. Тотальные санкции консолидированного Запада против России, ограничение США и ЕС сотрудничества с Китаем, укрепление экономических позиций государств Юга послужили трансформации торгово-экономических связей в Евразии и в мире, что, в свою очередь, способствует формированию новой транспортно-логистической сети в регионе.

Против Беларуси также были введены значительные санкции за поддержку политики России². Хотя в указанный период торговля с ЕС сохранилась, она сократилась по сравнению с 2021 г. на 41 % и претерпела значительные изменения. Наиболее значимо сократился белорусский экспорт в ЕС (–79,3 %). Практически были прекращены или сведены к минимуму поставки калийных удобрений, нефтепродуктов, древесины и мебели, рапсового масла, шин, черных металлов, цементной продукции, кабельной продукции, которые являлись крупнейшими экспортными товарами республики (табл. 1). Помимо запретов на ввоз ряда товаров, Евросоюз отменил возможность пользования тарифными квотами, пониженными ставками пошлин. А на экспорт белорусской сельхозпродукции в страны ЕС введены повышенные (запретительные) ставки пошлин.

¹ АНК. Представительство немецкой экономики в РБ // <https://belarus.ahk.de/ru/sankcii>, дата обращения 18.01.2026.

² Санкции ЕС против Беларуси // https://belgium.mfa.gov.by/ru/exportby/eu_sanctions/, дата обращения 18.01.2026.

Таблица 1

Торговля Республики Беларусь с ЕС в 2021–2024 гг. (млн долл.)

Год	Показатель	ЕС	Польша	Литва	Германия	Латвия	Италия
2021	Оборот	14 831	3630	2360	3247	698	913
	Экспорт	6857	1684	1152	1473	472	124
	Импорт	7974	1946	1208	1774	221	789
2022	Оборот	11 296	3020	2558	2800	559	885
	Экспорт	3602	1121	1055	1298	365	98
	Импорт	7694	1899	1503	1502	194	787
2023	Оборот	10 301	3432	2873	2942	494	779
	Экспорт	1626	493	1034	908	309	91
	Импорт	8675	2939	1839	2034	185	688
2024	Оборот	8736	2869	2321	2420	621	850
	Экспорт	1422	511	1186	790	467	126
	Импорт	7314	2358	1132	1630	154	724

Источник: расчеты автора по *Trademap.org*.

Европейский импорт в Беларусь колебался незначительно. Брюссель ввел запрет на поставки оборудования, машин и механизмов, способствующих индустриальному развитию страны. Однако увеличились поставки автомобилей, прицепов и полуприцепов, красок и лаков, кофе. По инициативе Евросоюза прекращен европейский импорт по широкому перечню высокотехнологичного оборудования. Ограничения введены и в финансовом секторе.

На западной границе Беларуси фактически осуществляется логистическая полублокада. Сопредельные с республикой Польша и Литва серьезно сократили движение людей и грузов (в основном китайских) через свои границы: ряд пунктов пропуска закрыты полностью, другие перекрываются регулярно (рис.).

Наиболее болезненным для Минска стал отказ Литвы в допуске к порту Клайпеды, через который до 2022 г. осуществлялись поставки белорусских удобрений на мировые рынки (порядка 11 млн т ежегодно³). Даже после отмены американских санкций на белорусский калий в декабре 2025 г. [*Belarus Sanctions Regulations...*, 2025], по словам министра иностранных дел Литвы К. Будриса, его страна не намерена снимать запрет на транзит удобрений из РБ через Клайпедский государственный морской порт⁴.

³ Будрис А. Запертый калий: что изменится для Белоруссии после снятия американских санкций // <https://www.forbes.ru/biznes/552141-zapertyj-kalij-cto-izmenitsa-dla-belorussii-posle-snatia-amerikanskih-sankcij>, дата обращения 18.01.2026.

⁴ Литва не будет пропускать через свои порты белорусский калий, несмотря на отмену санкций США // <https://officelife.media/news/67988-litva-ne-budet-propuskat-cherez-svoi-porty-belorusskiy-kalij-nesmotrya-na-otmenu-sanktsiy-ssha/>, дата обращения 18.01.2026.

Рис. Пункты пропуска на границе Беларуси и ЕС

Сотрудничество с крупнейшими торговыми партнерами

Вместе с тем увеличилась торговля с Россией и Китаем, занимающими первое и второе место соответственно во внешней торговле и ППИ республики. Общим для торговли с этими странами стала увеличение импорта в Беларусь готовых товаров. Но здесь существуют и свои особенности.

Беларусь имеет самые широкие торговые и производственные связи с Россией. И такая ситуация была весь период независимого существования Республики Беларусь. Этому есть несколько причин. Во-первых, Россия – самый крупный рынок сбыта белорусских товаров. Во-вторых, между стра-

нами была сохранена значительная доля промышленно-производственных связей после распада Советского Союза и они всегда были взаимодополняемыми. В-третьих, страны были взаимозависимы в энергетической сфере. С одной стороны, через территорию Беларуси идет ряд российских трубопроводов в Европу, с другой – белорусская промышленность критически зависит от российских углеводородов. В-четвертых, нестабильные политические и экономические отношения с ЕС и США, непризнание ими полномочий А. Лукашенко как президента страны и перманентное усиление санкций в связи с этим.

Минск в отношениях с Москвой в первую очередь интересуют цена на нефть и газ, доступ белорусской промышленной продукции на рынок РФ, привлечение российских инвестиций в импортозамещение, а также темпы расширения транзита через Россию. Это вызывало необходимость более глубокой интеграции двух стран. Они развивают интеграционные треки в формате Евразийского экономического союза и СНГ, но более глубокий процесс экономической интеграции идет в рамках Союзного государства России и Беларуси (СГ), который был расширен в конце 2020 г.

С 2022 г. в условиях тотальных санкций страны развивают экономический формат союзной интеграции с акцентом на формирование единого экономического пространства и укрепление политики импортозамещения. Союзные программы 2021–2023 гг. позволили подписать договоры по косвенным налогам, таможенному и антимонопольному регулированию, создать Наднациональный налоговый комитет [*Приходько, 2024*]. Союзные программы на 2024–2026 гг. [*Об Основных направлениях..., 2024*] закрепили сотрудничество в 11 сферах, на начало февраля 2026 г. выполнено лишь 50 %⁵. Подписаны договор о формировании объединенного рынка электроэнергии [*Договор..., 2024*] (Минск увязывает это с решением вопроса о единых рынках газа и нефти и получении внутрироссийских цен на газ), соглашение о взаимном признании электронных подписей [*Соглашение..., 2024*], договор о создании медиахолдинга (конкретные действия еще обсуждаются). Принята Стратегия научно-технологического развития СГ до 2035 г. [*О Стратегии..., 2024*] для достижения технологического суверенитета. Отменен роуминг (на практике не работает), введена единая автостраховка (ОСАГО).

К 2025 г. доля России во внешнеторговом обороте РБ достигла 65–70 % против 45–50 % в докризисный период. Доля расчетов в национальных валютах – 93 %. Москва отсрочила выплаты по долгам до 2031–2036 гг. [*Федеральный закон..., 2026*] и стала главным инвестором (70 % от общего

⁵ Сергей Глазьев: более 50 % мероприятий Союзного государства выполнены // <https://www.ridus.ru/sergej-glazev--bolee-50-meropriyatij-soyuznogo-gosudarstva-vypolneny-782849.html>, дата обращения 18.01.2026.

объема). Около 60 % всех прямых иностранных инвестиций в Беларуси в 2025 г. приходилось на Россию⁶.

Импортозамещение в рамках СГ подкреплено расширенной за этот период законодательной базой – соглашения о единой промышленной политике [*Соглашение между Правительством РФ и Правительством РБ о единой...*, 2023], о признании технологических операций на территории СГ [*Соглашение между Правительством РБ и Правительством РФ о признании...*, 2023], о развитии микроэлектронных технологий, проектирования и производства электронной компонентной базы и электронного машиностроения [*Соглашение...*, 2022], о развитии станко-инструментальной промышленности [*Соглашение между Правительством РФ и Правительством РБ о сотрудничестве...*, 2023]. Реализуются совместные программы по импортозамещению в микроэлектронике, станко- и машиностроении, ядерной энергетике и освоении космоса. Москва открыла кредитную линию для Минска на 105 млрд рублей для совместных проектов⁷. Крупнейшими инвестиционными проектами РФ стали производство легкомоторного самолета «Освей» на базе 558-го авиационного ремонтного завода в Барановичах⁸, расширение железнодорожной инфраструктуры от Петербурга до Минска⁹, модернизация производства ОАО «БелАЗ»¹⁰, расширение производственных мощностей по выпуску машин лесопромышленного комплекса на «Амкодоре» и др.

Серьезные изменения, произошедшие за последние годы, оказали существенное влияние на развитие транспортного комплекса страны. Минску пришлось переориентировать потоки своих экспортных грузов в северном направлении с использованием транспортно-логистической инфраструктуры России и далее на Китай, Иран, государства Центральной Азии и Южного Кавказа. Благодаря этому был сформирован новый транспорт-

⁶ *Владимиров Е.* В Беларуси на долю России приходится 60 процентов иностранных инвестиций // https://rg.ru/2026/02/02/v-belarusi-na-doliu-rossii-prihoditsia-60-procentov-inostrannyh-investicij.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F, дата обращения 18.01.2026.

⁷ *Сычевич В.* Какие задачи стоят перед РФ и Беларусью в сфере единой промышленной политики // https://rg.ru/2024/02/29/v-planovom-poriadke.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F, дата обращения 18.01.2026.

⁸ *Бердасов Д.* Для выпуска самолета ЛМС-192 «Освей» в Барановичах идет строительство новых цехов // <https://aviation21.ru/dlya-vypuska-samolyota-lms-192-osvej-v-baranovichax-idyot-stroitelstvo-novyx-cehov/>, дата обращения 18.01.2026.

⁹ *Калмацкий М.* Строительство ВСМ ускорит развитие регионов и рост экономики страны // https://rg.ru/2024/05/06/stroitelstvo-vsm-uskorit-razvitie-regionov-i-rost-ekonomiki-strany.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F, дата обращения 18.01.2026.

¹⁰ БелАЗ и «Пневмостроймашина» запускают производство гидравлических насосов для предприятий машиностроения // <https://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov/belaz-i-pnevmostroymashina-zapuskayut-proizvodstvo-gidravlicheskih-nasosov-dlya-predpriyatij-mashinostroeniya>, дата обращения 18.01.2026.

но-логистический каркас перевозок белорусского экспорта. По данным Министерства транспорта и коммуникаций РБ, для экспорта белорусской продукции задействовано 13 портов РФ. Только за десять месяцев 2025 г. объем перевезенных через них грузов вырос на 3,7 % к аналогичному периоду предыдущего года¹¹.

КНР является вторым по объемам торговым партнером, и его доля в белорусском товарообороте к началу 2026 г. достигла 11 %¹². Но этот рост в большей степени обусловлен увеличением импорта готовой китайской продукции, в первую очередь легковых автомобилей и компонентов для сборки автомобилей *Belgee*. В 2024 г. по сравнению с 2021 г. импорт вырос в 2,4 раза (табл. 2).

Белорусский экспорт в Китай в этот период имел скачкообразный темп и был в основном представлен калийными удобрениями (30 % от общего объема экспорта товара), рапсовым маслом (45 %), лесоматериалами (33 %), льнотрестом (50 %) и молочной сывороткой (37 %).

Таблица 2

Торговля Беларуси с Китаем в 2021–2024 гг. (млн долл.)

Год	Оборот	Экспорт	Импорт
2021	3819	1090	2729
2022	5080	1804	3276
2023	8439	2604	5835
2024	8400	1811	6589

Источник: расчеты автора по *Trademap.org*.

Китай достаточно интенсивно инвестирует в белорусскую экономику. Валовой объем его инвестиций на конец 2025 г., по словам первого вице-премьера РБ Н. Снопкова, превысил 2 млрд долл., из них около половины — это ПИИ. В 2025 г. с привлечением китайского капитала и технологий в Беларуси реализовывалось порядка 60 инвестиционных проектов с объемом заявленных инвестиций порядка 1,6 млрд долл.¹³.

Хотя КНР кредитует промышленность республики, но интерес ее не столь значителен, как у России. За 20 лет за счет китайских кредитов на 5,5 млрд долл. профинансировано 28 проектов в сферах промышленности, энергетики, транспорта. Китай интересуется в первую очередь транзитом

¹¹ Глава Минтранса Беларуси: 13 портов России задействованы в экспорте товаров из Беларуси // <https://soyuz.by/ekonomika/glava-mintransa-belarusi-13-portov-rossii-zadeystvovany-v-eksporte-tovarov-iz-belarusi>, дата обращения 18.01.2026.

¹² Николай Снопков: Беларусь за 10 лет увеличила втрое товарооборот с Китаем и вдвое экспорт // <https://www.government.by/news/nikolay-snopkov-belarus-za-10-let-uvlechila-vtroe-tovarooborot-s-kitaem-i-vdvoe-eksport>, дата обращения 18.01.2026.

¹³ Там же.

китайских товаров через территорию республики в Европу, поскольку это один из самых быстрых сухопутных маршрутов «Пояса и пути» (три-четыре недели). Кроме того, он самый безопасный. Однако регулярное закрытие Польшей своих пограничных пунктов на границе с Беларусью заставляет Поднебесную запускать маршруты через Казахстан и Россию¹⁴.

Таким образом, сложившаяся ситуация в торговых связях Республики Беларусь с Россией и Китаем привела к увеличению отрицательного баланса в ее внешней торговле. С учетом того что национальная экономика является экспортно ориентированной, это значительный урон для нее. По данным Всемирного банка, в 2021 г. доля экспорта в ВВП страны составляла 70,8 %, а в 2022 г. упала сразу до 63,1 %. Хотя благодаря России и КНР республике удалось сохранить торговлю на высоком уровне и несколько поднять этот показатель (66 % в 2023 г. и 65,1 % в 2024 г.), вернуться к показателям 2021 г. так и не удалось¹⁵. Но у обеих стран доля импорта в Беларусь выросла и превышает белорусский экспорт к ним. Перед страной встал вопрос о частичном изменении своих торговых потоков и развитии взаимодействия с другими странами. Одним из таких направлений стало расширение сотрудничества с государствами – членами СНГ.

Официальная позиция Республики Беларусь в отношении СНГ на современном этапе

Минск всегда был заинтересован в сохранении и развитии СНГ. Беларусь поддерживала стабильные отношения с государствами постсоветского пространства. Но основным в этих отношениях было двустороннее сотрудничество, поскольку, несмотря на наличие большой законодательной базы СНГ, многостороннее сотрудничество развивалось медленно и нестабильно. Как уже говорилось выше, республика была больше нацелена на экономическое сотрудничество со странами ЕС, Россией и Китаем. Во многом это было связано и серьезными транспортными и логистическими издержками. Страны СНГ также в большей степени на постсоветском пространстве были нацелены на экономическое взаимодействие с Россией, а не друг с другом. Более того, их основным экспортным товаром были природные ресурсы и товары первого передела, которые поставлялись в основном в страны Запада.

Сегодня Минск считает целесообразным активизировать взаимодействие с государствами-членами. На заседании Совета глав государств СНГ в октябре

¹⁴ Карпович И. Приплыли? После проблем на белорусско-польской границе китайцы запустили маршрут в обход ее // <https://planbmedia.io/signal/priplyli-posle-problem-na-belarusko-polskoj-granice-kitajcy-zapustili-marshrut-v-obhod-ee.html>, дата обращения 18.01.2026.

¹⁵ Экспорт товаров и услуг (% в ВВП), Беларусь // <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS?locations=BY>, дата обращения 18.01.2026.

2024 г. президент РБ А. Лукашенко назвал механизм взаимодействия в рамках СНГ важнейшим инструментом укрепления политической и экономической силы для государств Содружества и для региона в целом. И основным в этом могло бы стать более эффективное использование потенциала региональной интеграции. «Нам нужен крепкий союз сильных, экономически самостоятельных, суверенных государств. О равных условиях и уважении национальных интересов мы говорим постоянно. Много уже сделано, но есть и к чему стремиться», — сказал он и обозначил в этом несколько направлений.

Укрепление международного статуса Содружества должно постоянно присутствовать в мировой информационной повестке и чаще объединять свои голоса в голос СНГ, что должно приводить к конкретным действиям. Так, важно вместе выступать против незаконных односторонних экономических ограничений, поскольку они касаются не только Беларуси и России — под угрозой вторичных санкций находятся все страны Содружества. Противодействие насаждению чуждых идеологий, попытки вовлечения граждан в противоправную, в том числе террористическую деятельность: Лукашенко также предложил поручить Исполкому СНГ активизировать обмен опытом между правоохранителями, которые специализируются в вопросах кибербезопасности.

Достижение технологического суверенитета на пространстве СНГ. «Нам жизненно необходимо внедрение в производство своих изобретений и разработок, нужна собственная компонентная база», — заявил белорусский лидер. Для достижения этой цели в феврале 2026 г. правительство Беларуси утвердило Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в развитии отраслей тяжелого машиностроения [*Об утверждении Соглашения...*, 2026]. Соглашение направлено на оказание содействия росту кооперации, освоению и обмену новыми производственными технологиями и компетенциями для повышения экономической эффективности, технологического и инновационного обновления, ресурсосбережения и экологической безопасности [*Соглашение о сотрудничестве...*, 2025].

Продвижение и культивирование системы ценностей Содружества Лукашенко назвал стратегически важным направлением, т. к. необходимо передать новому поколению и уникальный советский опыт движения народов к единой цели без ущемления национальных интересов¹⁶. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением президента дискуссионной площадки «Минский диалог» Е. Прейгерманом, который считает, что СНГ не станет главным приоритетом внешней политики РБ. При этом организация может предоставить новые возможности для экономического сотрудничества. Минск, по его мнению, создает модель маневрирования, которая позволит расширять сотрудничество

¹⁶ Заседание Совета глав государств СНГ в Москве // <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-soveta-glav-gosudarstv-sng-v-moskve>, дата обращения 18.01.2026.

в рамках СНГ и устанавливать новые партнерства в Азии и Африке, надеясь при этом со временем восстановить связи с западными странами¹⁷.

В сфере экономики в СНГ с 2017 г. работает Экономический совет¹⁸, действует ЗСТ и работают Стратегия экономического сотрудничества государств-членов до 2030 г. (в сентябре 2025 г. был утвержден план мероприятий по ее реализации), Стратегия научно-технологического развития до 2035 г. [*О Стратегии...*, 2024], Стратегия сотрудничества в цифровой сфере до 2035 г. и Стратегия цифровизации мультимодальных транспортных коридоров [*Стратегия экономического развития...*, 2026]. Все эти направления сотрудничества важны для продвижения целей республики по развитию технологической независимости и сохранению экспортно ориентированной экономики.

Но Содружество – не единственная интеграционная структура с участием государств СНГ. Беларусь также является членом ЕАЭС и ШОС. Правда, в этих структурах сотрудничают не все государства СНГ. Полномочным представителем Беларуси при Экономическом совете СНГ, а также специальным представителем по вопросам интеграционного сотрудничества в рамках Союзного государства, ЕАЭС, СНГ и ОДКБ в январе 2026 г. стал чрезвычайный и полномочный посол РБ в России Ю. Селиверстов¹⁹.

Торговля Беларуси со странами СНГ

Относительно торговли Беларуси со странами СНГ (без учета России) в 2022–2024 гг. необходимо отметить следующее. Торговые связи с Украиной были практически прекращены в 2023 г. Белорусский экспорт сократился на 96,7 %, хотя до 2022 г. страна входила в пятерку крупнейших импортеров из Украины (табл. 3). Это серьезно сократило торговый оборот страны с государствами Содружества. Беларусь значительно проиграла именно в экспорте: он сократился в 2024 г. в 3,6 раза по сравнению с 2021 г. Он был представлен готовой машиностроительной продукцией – тракторами, комплектующими для сельхозтехники, транспорта и двигателей, а также древесиной и закаленным стеклом.

Рост торговли на протяжении всего периода был только с Узбекистаном, который после ухода Украины из белорусской торговли стал вторым тор-

¹⁷ *Прейгерман Е.* Беларусь смотрит на СНГ с возобновляемым интересом // <https://minskdialogue.by/research/opinions/belarus-smotrit-na-sng-s-voznobovlennym-interesom>, дата обращения 18.01.2026.

¹⁸ Экономический совет Содружества Независимых Государств // Правительство РФ. Офф. сайт. URL: <http://government.ru/departments/585/about/>, дата обращения 18.01.2026.

¹⁹ Назначен Полномочный представитель Республики Беларусь при Экономическом совете СНГ // https://eccis.org/news/31484/naznachen_polnomochnyj_predstavitel_respubliki_belarus_pri_ekonomicheskom_sovete_sodruzhestva_nezavisimyh_gosudarstv, дата обращения 18.01.2026.

говым партнером Беларуси в СНГ. Однако подобный скачок был обусловлен не только ростом белорусского экспорта, но и более значимым ростом узбекского импорта, который в 2024 г. увеличился по сравнению с 2021 г. в 2,7 раза. Во многом это было связано с новой экономической стратегией открытости Узбекистана. Основными ввозными товарами стали предметы одежды и белья из трикотажа, трикотажное полотно, прокат железа и легированной стали, а также фрукты, сухофрукты и орехи. А белорусский экспорт был представлен в первую очередь поставками мяса и мясной продукции, леса и пиломатериалов, тракторов, лекарств и нефтепродуктов. Он увеличился за тот же период в 2,5 раза.

Таблица 3

Торговля РБ со странами СНГ (без России) в 2021–2024 гг. (млн долл.)

Год	Показатель	СНГ	Армения	Азербайджан	Казахстан	Киргизия	Таджикистан	Узбекистан	Украина
2021	Оборот	8184	86,1	424,5	891	72	41,6	366,2	6302,6
	Экспорт	6199,4	57,9	129	780,7	56,6	38,1	314,1	4823
	Импорт	1984,6	28,2	295,5	110,3	15,4	3,5	52,1	1479,6
2022	Оборот	3859	185,2	363,4	1014,7	111,1	89,4	524,7	1570,6
	Экспорт	3193,2	110,6	266,5	860,2	86,7	82,2	405,5	1381,5
	Импорт	665,8	74,6	96,9	154,5	24,4	7,2	119,2	189,1
2023	Оборот	2828,5	181,4	356,1	909,8	116,9	93,9	647,1	233,3
	Экспорт	1870,5	89,7	324,3	756,7	82,9	88	509,1	19,8
	Импорт	458	91,7	31,8	153,1	34	5,9	138	3,5
2024	Оборот	2888	105,5	506	900,4	82,9	172,5	1003,3	17,9
	Экспорт	2304,1	90,6	457,5	745,1	61	167,9	766	16,2
	Импорт	583,9	14,9	48,5	154,9	21,9	4,6	237,3	1,7

Источник: расчеты автора по данным *Trademap.com*.

Со странами Евразийского экономического союза (Армения, Казахстан, Киргизия) был значимый рост торговли в 2022 г., в первую очередь за счет роста белорусского экспорта. Но в последующие годы торговый оборот или остался на том же уровне (Казахстан), или начал падать (Армения, Киргизия). Крупнейшие поставки из Беларуси представлены тракторами, молочной и мясной продукцией, древесиной и изделиями из нее, лекарствами. В Киргизию также поставляются нефтепродукты. В республику ввозятся как собственные товары – металлы, некоторые виды продовольствия, – так и ряд товаров, не производящихся в странах, – разные виды электрических машин и оборудования, транспортные средства и компоненты к ним.

Торговля с Азербайджаном была разнонаправленной. В 2022 г. товарооборот сильно сократился из-за резкого сокращения азербайджанского импорта нефти и нефтепродуктов. В последующие годы импорт или стагнировал, или сокращался. Азербайджан в этот период ввозил в страну

пластмассы и изделия из них, продукцию сельского хозяйства, легковые автомобили. А белорусский экспорт рос значительными темпами, что позволило в 2024 г. не только вернуть товарооборот к уровню 2021 г., но и даже несколько его увеличить. Беларусь экспортирует древесину и изделия из нее, нефтепродукты, железнодорожные и трамвайные вагоны, трактора, молочные продукты и электрооборудование.

Инвестиционное сотрудничество

По данным ЕАБР, Минск в последние годы стал наращивать инвестиционную активность в Евразийском регионе. По итогам 1-го полугодия 2025 г., объем белорусских ПИИ в государства СНГ достиг 1 млрд долл., что на 51 % больше показателя 2023 г. Но это на 47 % меньше, чем в 2016 г. Это связано с сокращением финансовых возможностей страны из-за западных санкций, а также с конфликтным выходом «Беларускалия» из капитала «Уралкалия» в 2021 г. [Винокуров, 2025]. Эксперты банка указывают, что основным направлением белорусских ПИИ является Россия, где реализуется 22 проекта с белорусским участием на сумму около 708 млн долл. Крупнейшим из них является участие белорусского холдинга «Амкодор» в проекте по модернизации Липецкого тракторного завода. На Украине белорусские компании реализуют семь проектов (171 млн долл.), основной из которых — деятельность дистрибьютора компьютерной техники *ASBIS*. В Казахстане действует пять проектов (около 60 млн долл.), в Азербайджане, Армении, Киргизии, Молдове, Таджикистане и Узбекистане реализуется еще 10 проектов на сумму 73 млн долл.

Экономическое сотрудничество Беларуси с некоторыми странами СНГ

Премьер-министр Беларуси А. Турчин заявил, что республика будет активизировать сотрудничество со странами СНГ «Ближайшая перспектива — это страны — наши ближайшие партнеры, страны СНГ. Прежде всего Казахстан и Узбекистан — две очень крупные экономики, наши давние партнеры», — отметил он. По целому ряду направлений сотрудничество с этими странами в последнее время было не на том уровне, на котором должно быть, уверен премьер-министр. «Поэтому мы обязаны вывести наши отношения на тот уровень сотрудничества, который соответствует уровню наших политических отношений»²⁰.

Сделаем акцент именно на этих двух странах, как наиболее важных сегодня для республики в развитии сотрудничества. Напомним, что это две

²⁰ Турчин: Беларусь рассчитывает активизировать сотрудничество с партнерами по СНГ // <https://belta.by/economics/view/turchin-belarus-rasschityvaet-aktivizirovat-sotrudnichestvo-s-partnerami-po-sng-743147-2025/>, дата обращения 18.01.2026

крупные экономики в СНГ. Через них идут торговые пути на некоторые азиатские рынки, которые интересуют белорусский бизнес. Их совместное участие в разных форматах в ЕАЭС и ШОС создает благоприятный экономический климат для сотрудничества. Узбекистан к тому же является вторым по объему рынком сбыта в СНГ после России.

Сотрудничество Беларуси и Казахстана является разносторонним. Для развития сотрудничества работает межправительственная комиссия, а также деловой совет. Стороны реализуют Программу мероприятий (Дорожную карту) между правительствами РК и РБ о развитии торгово-экономического сотрудничества на 2025–2029 гг. (подписана 14.11.2024), которая направлена на развитие производственной кооперации, создание совместных производств, а также развитие сотрудничества в сельскохозяйственной, строительной, транспортной и других сферах²¹.

Сотрудничество двух стран в сфере промышленной кооперации развивается в большей степени в сельхозмашиностроении. В Казахстане налажено производство белорусских тракторов и комбайнов. Так, АО «АгромашХолдинг KZ» совместно с ОАО «Гомсельмаш» с 2007 г. занимается локализацией производства зерноуборочных комбайнов *ESSIL*, произведено более 5 тыс. единиц техники. С 2019 г. идет и локализация деталей и компонентов зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов. В июле 2024 г. запущено производство кабин на территории ТОО «МТЗ-Казахстан». По итогам 2024 г., произведено порядка 250 кабин. В 2025 г. планируется произвести 2650 кабин. В ТОО «Казахстанская Агро Инновационная Корпорация» (тракторы *Belarus* с ОАО «МТЗ», прицепы, косилки, пресс-подборщики с ОАО «УКХ «Бобруйск-АгроМаш»») введены в эксплуатацию три производственных цеха. В 2024 г. корпорация расширила номенклатуру производимой техники в кооперации с ОАО «УКХ «Бобруйск-АгроМаш»»: добавились пресс-подборщики, вспушыватели льна, машины для внесения твердых органических удобрений²². В целом с 2018 по 2025 г. на казахстанских предприятиях произведено более 17 тыс. тракторов и 2,2 тыс. комбайнов белорусских брендов²³.

Другим направлением сотрудничества является сельское хозяйство. Беларусь входит в десятку крупнейших торговых партнеров Казахстана по продукции АПК. За восемь месяцев 2025 г. объем взаимной торговли в аграрной сфере вырос на 22,7 % и достиг 226,7 млн долл. Помимо этого, страны занимаются селекцией в растениеводстве. Так, осенью 2025 г. по

²¹ Торгово-экономическое сотрудничество // <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-minsk/activities/2188?lang=ru>, дата обращения 18.01.2026.

²² Мацевилло А. Экономика Казахстана прирастает, в том числе кооперационными проектами с Беларусью // <https://neg.by/novosti/otkrytj/ekonomika-kazahstana-prirastaet-v-tom-chisle-kooperatsionnymi-proektami-s-belarusyu/#2>, дата обращения 18.01.2026.

²³ Сотрудничество Казахстана и Беларуси в аграрной сфере // <https://ecfs.msu.ru/news/sotrudnichestvo-kazahstana-i-belarusi-v-agrarnoj-sfere>, дата обращения 18.01.2026.

предложению казахстанской стороны продлена Программа сотрудничества в сфере государственного испытания и патентной охраны сортов растений на период 2026–2030 гг. Предлагается включить в нее мероприятия по обмену опытом, автоматизации и цифровизации процессов сортоиспытания.

Также активно развивается сотрудничество в сфере транспорта. Грузооборот между двумя странами постоянно растет. За 2024 г. объем перевозок грузов железнодорожным транспортом между ними составил 7,4 млн т (+9,8 % к 2023 г.) При этом белорусский экспорт составил 694,6 тыс. т и увеличился на 3,6 %, а импорт из Казахстана – 1266,2 тыс. т и уменьшился на 33,5 %. Основную долю грузооборота составляет транзит китайских товаров – 5,4 млн т, который увеличился на 30,9 %. Объем контейнерных перевозок грузов железнодорожным транспортом по направлению Китай – Беларусь – Китай транзитом через территорию Казахстана за 2024 г. составил 194,3 тыс. ДФЭ (+12 % к 2023 г.)²⁴.

Еще в августе 2021 г. главы железных дорог России, Беларуси и Казахстана подписали меморандум о содействии устойчивому развитию транзитного потенциала и экологической безопасности железнодорожного транспорта государств – членов ЕАЭС [*Соглашение...*, 2021]. Это было необходимо не только для упрощения правил и тарифов перевозок, но и для осуществления перевозок контейнерных поездов между Китаем и Европой. В тексте документа оговорены процессы цифровизации и технологических инноваций как ключевые факторы увеличения контейнерных перевозок и сокращения расходов.

Следует отметить, что это и другие соглашения в рамках ЕАЭС, а также на двусторонней основе с государствами СНГ, и в первую очередь с Россией как сопредельным государством, позволили Беларуси быстро перестроить железнодорожные торгово-транспортные потоки после введения жестких санкций. Начальник БЖД В. Веренич отметил, что с задействованием транзитного потенциала РФ развиваются перевозки в железнодорожном сообщении со странами Центральной Азии, по МТК Север – Юг. Для организации вывоза белорусских грузов задействованы все три его направления – западный (через Азербайджан), центральный (через порты Каспийского моря) и восточный (через Казахстан и Туркменистан) коридоры на Иран и далее, в Южную Азию. Организованы и мультимодальные перевозки пробных партий груза по международному транспортному коридору Беларусь – Россия – Казахстан – Узбекистан – Афганистан – Пакистан²⁵.

²⁴ Торгово-экономическое сотрудничество // <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfaminsk/activities/2188?lang=ru>, дата обращения 18.01.2026.

²⁵ Белорусская ж/д переориентировала маршруты на дружественные страны // <https://ria.ru/20250803/marshrut-2033090098.html>, дата обращения 18.01.2026.

Экономическое сотрудничество Беларуси и Узбекистана также активно развивается. На начало 2025 г. в Узбекистане зарегистрировано около 200 предприятий с белорусским капиталом, а в Беларуси – около 100 совместных предприятий²⁶. В июне 2025 г. на встрече министров иностранных дел двух стран был достигнут ряд договоренностей в сфере экономического сотрудничества: о разработке комплексной дорожной карты взаимодействия на ближайшие годы; о пересмотре белорусско-узбекской договорно-правовой базы для обновления институциональных основ сотрудничества; о проработке создания совместного фонда для финансирования инвестиционных проектов²⁷. Наиболее эффективно взаимодействие бизнеса стран идет через Белорусско-узбекский деловой совет и Форум регионов.

Взаимная торговля только за 11 месяцев 2025 г. выросла более чем на 30 %²⁸, а Узбекистан стал вторым после РФ партнером по закупкам белорусских товаров через Белорусскую универсальную товарную биржу, увеличив рост в 2,8 раза, до 47,6 млн долл., в январе – мае 2025 г.²⁹. Идет работа по созданию совместной специализированной внешнеторговой компании с офисами в Ташкенте и Минске. Это позволит упростить логистические и таможенные процедуры, сократить сроки поставок и издержки участников внешнеэкономической деятельности двух стран³⁰.

Между Беларусью и Узбекистаном постепенно налаживается сотрудничество в промышленности. Так, в 2025 г. в г. Нурафшан Минский тракторный завод создал совместное сборочное производство по выпуску тракторов *Belarus* мощностью от 80 до 212 лошадиных сил. Отгрузки тракторокомплектов в республику уже начались³¹.

Есть и другие примеры успешных белорусско-узбекских кооперационных проектов: производство кабельно-проводниковой продукции большой

²⁶ Политические отношения // https://uzbekistan.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/political/, дата обращения 18.01.2026.

²⁷ Узбекистан и Беларусь нацелены на расширение сотрудничества и запуск новых инициатив // https://eccis.org/news/29963/uzbekistan_i_belarus_naceleny_na_rasshirenie_sotrudnichestva_i_zapusk_novyh_iniciativ, дата обращения 18.01.2026.

²⁸ Беларусь и Узбекистан заинтересованы в наращивании взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества // <https://belta.by/economics/view/belarus-i-uzbekistan-zainteresovany-v-naraschivanii-vzaimnoj-torgovli-i-investitsionnogo-761273-2026/>, дата обращения 18.01.2026.

²⁹ Белорусские предприятия почти в 3 раза увеличили экспорт в Узбекистан через БУТБ // <https://www.butb.by/news/2025/beloruskie-predpriyatiya-pochti-v-3-raza-uvelichili-eksport-v-uzbekistan-cherez-butb/>, дата обращения 18.01.2026.

³⁰ Узбекистан и Беларусь создадут совместную внешнеторговую компанию // <https://uz.sputniknews.ru/20250904/uzbekistan-belarus-vneshnetorgovaya-kompaniya-51720865.html>, дата обращения 18.01.2026.

³¹ МТЗ поставит в Узбекистан свыше трех тысяч единиц техники до конца 2025 года // <https://yuz.uz/ru/news/mtz-postavit-v-uzbekistan-svshe-trex-tsyach-edinits-texniki-dokontsa-2025-goda>, дата обращения 18.01.2026.

мощности в технопарке *Ohangaron Tech Industrial* совместно с белорусским ПО «Энергокомплект», производство и переработка мяса птицы по полному циклу, а также производство комбикормов, реализуемое в Ташкентской области ООО *Servolux*, производство обуви в г. Карши на совместном с ООО «Марко» предприятии, производство красок для дорожной разметки собственным предприятием ООО «СТиМ» в Узбекистане³².

По мнению глав ведомств двух стран, отвечающих за развитие промышленной кооперации, помимо сельскохозяйственного машиностроения, приоритетными направлениями сотрудничества являются поставки двигателей и карьерной техники, сотрудничество в сфере станкостроения³³. Уже сегодня Минский моторный завод реализует проект совместно с узбекским партнером *AAT Generators* по сборке и локализации компонентов специальной техники³⁴.

Укрепляется сотрудничество в текстильной промышленности. В г. Сморгонь с помощью узбекских инвесторов создан вертикально интегрированный комплекс по производству хлопковой пряжи и изделий из нее. Сырье для этого комплекса поставляется из Узбекистана. Готовый продукт будет поставляться не только в розничную сеть республики, но и в соседние страны³⁵.

Узбекистан не только закупает фармпрепараты в Беларуси, но и строит на своей территории предприятие по производству пробиотиков с «Белфармпромом»³⁶. Как уже говорилось выше, развивается сотрудничество в транспортно-логистической сфере. Так, Беларусь проявляет значительный интерес к международному торговому центру «Термез», поскольку это дает возможности расширения торговых связей не только с регионами Узбекистана, но и с Афганистаном³⁷.

³² Беларусь – Узбекистан: сотрудничество выходит на уровень стратегического партнерства // <https://www.sb.by/articles/po-pravilam-igry-na-rynke.html>, дата обращения 18.01.2026.

³³ Беларусь и Узбекистан обсудили приоритеты сотрудничества в машиностроении // <https://belta.by/economics/view/belarus-i-uzbekistan-obsudili-prioritety-sotrudnichestva-v-mashinostroenii-742985-2025/>, дата обращения 18.01.2026.

³⁴ Минский моторный завод наращивает свое присутствие в Узбекистане // <https://mmz-motor.by/mediatsentr/mmz-general-director-alexander-botvinnik-took-part-in-the-ceremonial-launch-of-the-assembly-product/>, дата обращения 18.01.2026.

³⁵ Более 10 миллионов долларов инвестиций: Гродненская область активно развивает партнерские связи с Узбекистаном // <https://www.sb.by/articles/vzaimnyu-interes-plyus-vygoda.html>, дата обращения 18.01.2026.

³⁶ Узбекистан и Беларусь реализуют совместные проекты в области фармацевтики и легпрома // <https://yuz.uz/ru/news/uzbekistan-i-belarus-realizuyut-sovmestne-proekt-v-oblasti-farmatsevtiki-i-legproma>, дата обращения 18.01.2026.

³⁷ Узбекистан и Беларусь нацелены на расширение сотрудничества и запуск новых инициатив // https://eccis.org/news/29963/uzbekistan_i_belarus_naceleny_na_rasshirenie_sotrudnichestva_i_zapusk_novyh_iniciativ, дата обращения 18.01.2026.

Проведенный анализ взаимодействия Республики Беларусь с государствами – членами СНГ после введения жестких западных санкций в отношении страны позволяет сделать следующие выводы. Западные ограничения дали толчок к интенсификации этого взаимодействия, но не были его единственной причиной. Наиболее актуальной задачей для Минска сегодня является достижение технологической независимости и расширение импортозамещающих производств. Кроме того, республике необходимо заместить закрытые ЕС транспортные коридоры и торгово-логистические пути. Исходя из этого и строятся отношения с государствами СНГ, как, в принципе, и с другими государствами. Они имеют разный объем и интенсивность. Во многом это зависит не столько от транспортной удаленности, сколько от заинтересованности стран в таком сотрудничестве и возможностях финансового обеспечения предполагаемых проектов. Это отражается и в торговле, и в инвестиционном взаимодействии, и в производственных кооперационных связях.

Наиболее интенсивно сотрудничество развивается с Россией, Узбекистаном и Казахстаном – крупнейшими экономиками Содружества. Большое значение имеет и то, что сами страны имеют схожие задачи в экономике и нацелены на сотрудничество в технологическом развитии и создании прочного транспортно-логистического каркаса Евразии.

Экономические взаимоотношения РФ и Беларуси имеют наибольшую интенсивность. В рамках Союзного государства при инвестиционной поддержке Москвы идет технологическое взаимодействие двух государств. Доступ к российским госзаказам, а также допуск к российским портам и сокращение тарифов на Российской железной дороге по пути к ним для республики также способствовал укреплению позиций экономики Беларуси. Но расширение сотрудничества с Москвой имеет свои ограничения. Минск заинтересован в восстановлении связей с Украиной и европейскими соседями. Он предполагает и расширение своего присутствия на рынках государств Юга. И сотрудничество в транспортной логистической сфере с Казахстаном и Узбекистаном способствует этому. Кроме того, на их рынках Минску удалось частично заместить свои экспортные потери в Европе, в первую очередь поставками некоторых продуктов питания, древесины и изделий из нее, а также нефтепродуктов.

Другой важной сферой развития сотрудничества стали сборочные производства белорусского сельскохозяйственного машиностроения. Это укрепляет экспортные позиции республики и способствует развитию АПК Казахстана и Узбекистана.

Таким образом, кооперация и взаимовыгодная торговля с рядом стран СНГ способствует экономической стабильности Республики Беларусь в период геополитической турбулентности и жесточайшего экономического давления со стороны Запада.

Список литературы

Belarus Sanctions Regulations 31 CFR part 548 General License №13 // <https://ofac.treasury.gov/media/934826/download?inline>, дата обращения 18.01.2026.

Договор между РФ и РБ о формировании объединенного рынка электрической энергии Союзного государства от 06.12.2024 // <https://docs.cntd.ru/document/1310573719>, дата обращения 18.01.2026.

О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года: Постановление Высшего Государственного совета СГ от 29.01.2024 // <https://xn--c1anggbpdf.xn--p1ai/docs/item/238637/>, дата обращения 18.01.2026.

Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы: Декрет СГРБ и приложения к нему // <https://xn--c1anggbpdf.xn--p1ai/docs/item/238636/>, дата обращения 18.01.2026.

Об утверждении Соглашения о сотрудничестве государств – участников СНГ в развитии отраслей тяжелого машиностроения: Постановление Совета Министров РБ от 05.02.2026 № 65 // <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=102200016&p1=1&p5=0>, дата обращения 18.01.2026.

Соглашение между Правительством РБ и Правительством РФ в области развития микроэлектронных технологий, проектирования и производства электронной компонентной базы и электронного машиностроения от 10.04.2022 // <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=102200016&p1=1&p5=0>, дата обращения 18.01.2026.

Соглашение между Правительством РБ и Правительством РФ о признании технологических операций, осуществляемых на территории Союзного государства, от 07.01.2023 // <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=A02200023>, дата обращения 18.01.2026.

Соглашение между Правительством РФ и Правительством РБ о единой промышленной политике от 15 февраля 2023 г. (вступило в силу 22 мая 2023 г.) // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250003>, дата обращения 18.01.2026.

Соглашение между Правительством РФ и Правительством РБ о порядке признания электронной подписи (электронной цифровой подписи) в электронном документе при трансграничном электронном взаимодействии от 30.11.2024 // <https://docs.cntd.ru/document/1310854549>, дата обращения 18.01.2026.

Соглашение между Правительством РФ и Правительством РБ о сотрудничестве в области развития станкоинструментальной промышленности от 11.07.2023 // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307190001>, дата обращения 18.01.2026.

Соглашение между Россией, Беларусью и Казахстаном относительно железнодорожных перевозок Азия – Европа // <https://www.utlc.com/press->

center/detail/soglashenie-mezhdu-rossiey-belarusyu-i-kazakhstanom-otnositelno-zheleznodorozhnykh-perevozok-aziya-e/, дата обращения 18.01.2026.

Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в развитии отраслей тяжелого машиностроения от 05.06.2025 // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/62888/, дата обращения 18.01.2026.

Стратегию экономического развития СНГ до 2030 года утвердили в Минске // https://economy.gov.ru/material/news/strategiyu_ekonomicheskogo_razvitiya_sng_do_2030_goda_utverdili_v_minske.html, дата обращения 18.01.2026.

Федеральный закон от 30 января 2026 г. № 7-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством РФ и Правительством РБ об изменении условий отдельных российско-белорусских межправительственных соглашений» (документ не вступил в силу). Принят Государственной Думой 27.01.2026. Одобрен Советом Федерации 28.01.2026 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413448152/>, дата обращения 18.01.2026.

Винокуров, Е. и др., 2025. Инвестиционное сотрудничество в Евразийском регионе на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР: Доклад. 2025. № 14 / Алматы: Евразийский банк развития. 55 С.

Кузьмина Е. М., 2022. Динамика внешнеэкономической стратегии Республики Беларусь // ЭКО. № 5. С. 8–28. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-5-8-28.

Приходько А. А., 2024. Сближение макроэкономической политики России и Белоруссии: союзное строительство 2021–2023 годов // Россия и новые государства Евразии. № 1. С. 78–98. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-1-78-98.

Elena M. KUZMINA, PhD (political science), Head of Sector of Center for Post-Soviet Studies, Leading Researcher at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: e_kuzmina07@mail.ru

SPIN-code: 1307-5256

ECONOMIC COOPERATION BETWEEN BELARUS AND CIS MEMBER STATES AFTER THE TIGHTENING OF SANCTIONS

DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_91

Received: 16.02.2026

For citation: *Kuzmina E. M.*, 2026. Economic cooperation of Belarus with the CIS member states after the tightening of sanctions. – *Geoeconomics of Energy*. No. 1 (33). P. 91–113. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_91

Keywords: Belarus, Russia, CIS, EU, China, sanctions, trade and economic cooperation, FDI, transport and logistics framework, mechanical engineering, agriculture, export-oriented economy.

Abstract

In 2022, Belarus came under harsh Western sanctions and the closure of borders by the EU. The republic has an export-oriented economy. She was faced with the need for a partial reorientation of trade and economic cooperation, transport and logistics routes. The article examines the dynamics of the country's economic cooperation with the CIS member states as one of the such a reorientation directions. It notes that the degree of interest of CIS countries in partnership with Belarus, its scope, and intensity largely depend on the countries' interest and the availability of financial support for the proposed projects. This aspect, in turn, has a direct impact on the intensity of trade, investment interactions, and industrial cooperation ties. The dynamics of trade and investment cooperation has been studied. The directions of economic cooperation with the largest CIS partners – Russia, Kazakhstan and Uzbekistan – are considered. High level of cooperation activity with these countries is determined by the fact that they face similar challenges in economic, technological, and transport and logistics development within the Eurasian region. Close contacts with Russia are ensured by working within the Union State format, as well as access to Russian institutional and transport infrastructure. However, the potential for further development is limited by Belarus's interest in restoring ties with Ukraine and the European Union. Meanwhile, partnerships with Uzbekistan and Kazakhstan are developing in the transportation sector, as well as trade in food products, timber and timber products, and petroleum products. The article concludes that trade relations with CIS countries play a stabilizing role for the Belarusian economy in the face of growing geoeconomic challenges.

References

Belarus Sanctions Regulations 31 CFR part 548 General License No. 13 // <https://ofac.treasury.gov/media/934826/download?inline>, accessed 18.01.2026. (In Eng.)

Treaty between the Russian Federation and the Republic of Belarus on the formation of a unified electricity market of the Union State dated December 6, 2024 // <https://docs.cntd.ru/document/1310573719>, accessed 18.01.2026. (In Russ.)

On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Union State through 2035: Resolution of the Supreme State Council of the Union State dated January 29, 2024 // <https://xn--c1angbdpdf.xn--p1ai/docs/item/238637/>, accessed 18.01.2026. (In Russ.)

On the Main Directions for the Implementation of the Provisions of the Treaty on the Establishment of the Union State for 2024–2026: Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus and its appendices // <https://xn--c1angbdpdf.xn--p1ai/docs/item/238636/>, accessed 18.01.2026. (In Russ.)

Agreement on cooperation between the CIS member states in the development of the heavy industry mechanical engineering from 06/05/2025 // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/62888/, accessed 01.18.2026. (In Russ.)

Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the Russian Federation in the field of development of microelectronic technologies, design and production of electronic components and electronic engineering dated April 10, 2022 // <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I02200016&p1=1&p5=0>, accessed 18.01.2026. (In Russ.)

Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the Russian Federation on the recognition of technological operations carried out on the territory of the Union State dated 07.01.2023 // <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=A02200023>, accessed 18.01.2026. (In Russ.)

Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on a unified industrial policy dated 15 February 2023 (came into force on 22 May 2023) // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250003>, accessed 18.01.2026. (In Russ.)

Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on the procedure for recognizing an electronic signature (electronic digital signature) in an electronic document during cross-border electronic interaction dated 30.11.2024 // <https://docs.cntd.ru/document/1310854549>, accessed 18.01.2026. (In Russ.)

Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on cooperation in the development of the machine tool industry dated 11.07.2023 // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307190001>, accessed 18.01.2026. (In Russ.)

Agreement between Russia, Belarus, and Kazakhstan on rail transportation between Asia and Europe // <https://www.utlc.com/press-center/detail/soglashenie-mezhdu-rossiy-belarusyu-i-kazakhstanom-otnositelno-zheleznodorozhnykh-perevozk-aziya-e/>, accessed 18.01.2026. (In Russ.)

On approval of the Agreement on Cooperation between the CIS Member States in the Development of Heavy Engineering Industries. Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus dated February 5, 2026. No. 65 // <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I02200016&p1=1&p5=0>, accessed 18.01.2026. (In Russ.)

The CIS Economic Development Strategy through 2030 was approved in Minsk // https://economy.gov.ru/material/news/strategiyu_ekonomicheskogo_razvitiya_sng_do_2030_goda_utverdili_v_minske.html, accessed 18.01.2026. (In Russ.)

Federal Law No. 7-FZ of January 30, 2026, «On Ratification of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus on Amending the Terms of Certain Russian–Belarusian Intergovernmental Agreements» (document has not entered into force). Adopted by the State Duma on January 27, 2026. Approved by the Federation Council on January 28, 2026 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413448152/>, accessed 18.01.2026. (In Russ.)

Vinokurov E. et al., 2025. Investment Cooperation in the Eurasian Region Based on the EDB Mutual Investment Monitoring: Report. 2025. No. 14 / Almaty: Eurasian Development Bank. 55 p. (In Russ.)

Kuzmina E. M., 2022. Dynamics of the Foreign Economic Strategy of the Republic of Belarus // ECO. No. 5. Pp. 8–28. (In Russ.)

Prikhodko A. A., 2024. Convergence of Macroeconomic Policies of Russia and Belarus: Union Building in 2021–2023 // Russia and the New States of Eurasia. No. 1. Pp. 78–98. (In Russ.)

Азгануш МИГРАНЯН

ТРЕКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН СНГ В 2025 ГОДУ

Дата поступления в редакцию: 10.03.2026.

Для цитирования: *Мигранян А. А.*, 2026. Треки социально-экономического развития стран СНГ в 2025 году. – *Геоэкономика энергетики*. № 1 (33). С. 114–129.
DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_114

Экономический рост стран постсоветского пространства в 2025 г. характеризовался неравномерностью и фрагментацией, что преимущественно обусловлено замедлением российского ядра и геополитической турбулентностью последних лет. Основными источниками экономического роста в регионе остаются внешнеторговая деятельность (в т. ч. за счет параллельного импорта), трансграничные денежные переводы, государственное финансирование и логистическое развитие. Снижение эффектов их использования обуславливается адаптацией к новым условиям и стабилизацией торговых потоков. Прошедший год укрепил основные треки экономического развития региона: стабилизация показателей внешнего сектора свидетельствует о завершении трансформации торгово-логистических потоков и исчерпании эффекта масштаба при их переориентации; сдерживающая денежно-кредитная политика привела к снижению спроса и расширению стратегий импортозамещения в российском сегменте; геополитические сдвиги на Южном Кавказе способствовали формированию структурных сдвигов в географии внешней торговли в зависимости от переориентации на новые рынки и конъюнктурные факторы на рынках энергетических ресурсов; усиление внутрирегиональной интеграции и повышение коллективной самоидентификации Центральной Азии сформировали новые возможности развития региона как логистического

МИГРАНЯН Азгануш Ашотовна, доктор экономических наук, профессор, заведующая сектором экономических исследований Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН, заведующая отделом экономических исследований Института стран СНГ. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117218, Нахимовский просп., д. 32. **E-mail:** a.mihranyan20@gmail.com. **SPIN-код:** 9433-7609. **ORCID:** 0000-0001-6014-5955

Ключевые слова: экономика стран СНГ, факторы экономического роста, сдвиги внешне-экономической политики, структурная политика промышленности, миграция, денежно-кредитная политика.

и торгового хаба Евразии, а также роста конкуренции внерегиональных игроков за доминирование посредством инвестиционной, торгово-политической активности. Факторы риска для дальнейшего развития региона определяются возможным увеличением санкционного давления, сохранением ограничений доступа к высокотехнологическому импорту, а также волатильностью валютных курсов и нестабильностью внутривнутриполитической обстановки в отдельных странах. Одновременно с этим форматы экономического взаимодействия в лице ЕАЭС и СНГ и адаптивность экономик государств региона способствуют формированию умеренно положительной динамики развития в среднесрочной перспективе.

Экономическая ситуация в странах постсоветского региона в текущем году демонстрирует существенное замедление темпов роста в сравнении с прошедшим периодом. Совокупный темп роста ВВП за январь – ноябрь 2025 г. составил 2,1 %¹ по сравнению с аналогичным периодом 2024 г., что почти в два раза ниже показателя 2024 г. (4,5 % за 11 месяцев). Данное замедление обусловлено прежде всего значительным спадом экономического роста в России, которая остается доминирующей экономикой региона и составляет решающую долю совокупного ВВП СНГ. По оперативным данным III квартала 2025 г. ВВП России вырос на 0,6 %², что находится на грани стагнации, тогда как в начале года темпы были выше (за 11 месяцев рост составил 1 %). Без учета российского фактора темп роста ВВП стран СНГ составил 5,5 % за 11 месяцев 2025 г., что опережает рост 2024 г. на 0,4 %³.

Замедление роста в российской экономике обусловлено совокупностью факторов [Широв, 2025]: сохранением высокого уровня санкционного давления, продолжающимся ограничением доступа к технологическому импорту, высокой ключевой ставкой Центрального банка (17 % по состоянию на сентябрь 2025 г.) и ослаблением внутреннего спроса, особенно в строительной и машиностроительной отраслях. В то же время страны Центральной Азии демонстрируют устойчивую положительную динамику: Киргизия выросла на 10,2 %, Таджикистан – на 8,2 %, Узбекистан – на 7,6 %, Казахстан и Туркменистан – на 6,3 %, что свидетельствует об адаптивности региональных механизмов экономического развития, основанных на расширении внутреннего спроса, инвестиционной активности и притоке денежных переводов от трудовых мигрантов.

¹ Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе – сентябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report09-2025.pdf/714b722c-da52-dfd0-2b25-754ecd9da89b?t=1764326433279&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

² Макромонитор ЦР ВШЭ // <https://dcenter.hse.ru/macromonitor>, дата обращения 01.03.2026.

³ Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе-ноябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report11-2025.pdf/f770ec4f-e888-9cd4-d31e-338ed5e95b3f?t=1769675739272&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

В 2025 г. сохранились основные источники экономического роста в регионе: расширение внешнеторговой деятельности через развитые схемы параллельного импорта на российский рынок, значительные объемы денежных переводов от мигрантов (особенно из России в страны Центральной Азии), государственное финансирование инфраструктурных и социальных проектов, а также продолжающееся развитие новых транспортно-логистических маршрутов в условиях ограничения доступа российских экспортеров на традиционные европейские рынки [Додонов, 2025]. Однако темпы использования этих механизмов замедлились, что отражает адаптацию экономик к новым условиям функционирования и стабилизацию торговых потоков после радикальной трансформации в 2023–2024 гг.

Тенденции экономического развития

Общий тренд к снижению темпов экономического роста в Содружестве в 2025 г. сохранил положительную динамику, однако его интенсивность снизилась существенно. Совокупный темп роста ВВП в постоянных ценах составил 2,2 %⁴, при этом разброс показателей по странам существенно увеличился.

Экономический рост по ВВП в текущих ценах по всем странам Содружества за 11 месяцев 2025 г. распределился неравномерно. Киргизия продолжила демонстрировать наивысшие темпы прироста (10,2 %). Динамика Таджикистана – 8,2 %, Узбекистана – 6,3 %. Казахстан также показал устойчивый рост (6,3 %), несколько превысив показатели 2024 г. (4,9 %). Армения (6 %) сохранила положительную динамику, хотя и с небольшим замедлением. Напротив, Беларусь демонстрирует существенное замедление (1,3 % против 4,8 % в 2024 г.), Азербайджан упал до 1,6 % с 4,9 %, а Россия показала критически низкий рост в 0,6 % в III квартале при усредненном по девять месяцев темпе 1,3 %. Молдова остается единственной страной на уровне нулевого роста (0,0 % за девять месяцев с ускорением роста за последние два месяца – 2 % за 11 месяцев), продолжая тренд к полной стагнации.

Резкое замедление в России обусловлено в первую очередь фундаментальными структурными проблемами в гражданских отраслях экономики. Объемы выпуска в гражданских обрабатывающих секторах с начала года (август к декабрю 2024 г.) сократились на 5,4 %⁵. Падение спроса на внутреннем рынке в 1-й половине 2025 г. составило 15 %, что свидетельствует об осторож-

⁴ Основные социально-экономические показатели стран Содружества Независимых Государств в январе – октябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1169013/Основные+социально-экономические+показатели+стран+Содружества+Независимых+Государств+в+январе-октябре+2025+года.pdf/b534b1f3-de7a-9c8e-f626-066140243712?t=1766411846519&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

⁵ Макромонитор ЦР ВШЭ // <https://dcenter.hse.ru/macromonitor>, дата обращения 01.03.2026.

ности производственных и потребительских сегментов экономики. Сохранение высокой ключевой ставки ЦБ на уровне 17 % в сентябре 2025 г. (хотя и снижено с 21 % в конце 2024 г.) остается значительным препятствием для инвестиционной активности, особенно в строительстве и машиностроении.

Отрицательная динамика в Беларуси и Азербайджане отражает страновые особенности. Беларусь испытывает воздействие санкционного давления, аналогичного давлению на Россию, при несколько большей ориентированности на внутреннее потребление. Азербайджан, в свою очередь, испытывает влияние стабилизации мировых цен на нефть после периода волатильности, когда экспорт страны снизился на 25 % за январь – сентябрь 2025 г., при этом импорт вырос на 16,1 %, что указывает на переориентацию потребления на импортные товары и наличие внутренних потребительских ограничений.

Страны Центральной Азии демонстрируют усиление экономической динамики, причем в некоторых случаях – с ускорением по сравнению с 2024 г. Таджикистан и Узбекистан показывают близкие темпы (8,2 и 6,3 % соответственно), Киргизия показала дальнейшее ускорение до 10,0 %. Эта динамика объясняется, во-первых, расширением внутреннего спроса, поддерживаемого денежными переводами от трудовых мигрантов, во-вторых, инвестиционной активностью государства и, в-третьих, развитием производства в сырьевых и перерабатывающих отраслях, особенно в золотодобывающей промышленности.

Структурные тенденции производства

Рост промышленного производства по СНГ составил 1,4 % за девять месяцев 2025 г., что значительно ниже показателя 2024 г. (4,9 %) и отражает фундаментальное замедление во всем регионе. Однако в географическом разрезе ситуация остается контрастной. Таджикистан показал экстраординарный рост промышленного производства на 24,0 %, что обусловлено прежде всего расширением добычи ценных металлов, в частности золота (рост на 58,6 %). Узбекистан демонстрирует устойчивый прирост на 6,8 %, Киргизия – на 10,2 %, Казахстан – на 7,4 %. Вместе с тем Армения испытала падение производства на 5,7 %, Азербайджан – на 1,0 %, Беларусь – на 0,8 %, а Россия показала минимальный прирост – на 0,7 %⁶.

Структура роста промышленного производства демонстрирует разнонаправленные тренды по отраслям. Добыча полезных ископаемых (исключая традиционные нефть и газ) показала рост 3,8 %, что обусловлено расшире-

⁶ Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе – сентябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report09-2025.pdf/714b722c-da52-dfd0-2b25-754ecd9da89b?t=1764326433279&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

нием золотодобычи в Таджикистане и Киргизии, а также ростом некоторых видов добычи в Казахстане. Производство пищевых продуктов показало минимальный прирост на 1,2 %, колбасные изделия выросли на 0,3 %, масло сливочное и спреды – на 0,1 %, что отражает стабилизацию спроса на продовольствие при сохранении давления на цены. Машиностроение показало отрицательную динамику (–0,8 %), что обусловлено падением производства легковых автомобилей на 2,7 % и грузовых на 28,4 %, хотя это падение частично компенсировано ростом в Узбекистане.

Наиболее значительное падение произошло в производстве готовой металлопродукции. Производство готового проката черных металлов упало на 4,5 %, при этом трубный прокат сократился на 0,9 %. Основной причиной является катастрофическое падение спроса в России, где потребление стали в 1-й половине 2025 г. упало на 15 %. Производство металлургической продукции в России сократилось на 5,4 %, отражая проблемы в основных потребляющих отраслях: строительстве, машиностроении и энергетике.

Производство электроэнергии снизилось на 1,6 %, что отражает как снижение промышленного производства, так и экономию энергоресурсов. Однако распределение по странам существенно варьируется: Таджикистан показал рост на 11,5 %, Киргизия – на 11,3 %, в то время как Узбекистан продемонстрировал падение на 15,6 %, Армения – на 7,3 %, что обусловлено структурными проблемами в энергетическом комплексе.

Производство потребительских товаров длительного пользования упало практически по всем позициям. Объемы сельскохозяйственной продукции демонстрировали относительно стабильный рост на 2,4 %, что выше показателей промышленности. Объем продукции сельского хозяйства в постоянных ценах вырос на 2,4 % за девять месяцев 2025 г. (против 4,1 % в 2024 г.). Производство зерновых культур благодаря благоприятным условиям выросло на 14,9 %, что обусловлено расширением посевных площадей и улучшением урожайности. Беларусь демонстрирует рост зерновых на 24,4 %, Молдова – на 31,8 %, Россия – на 14,9 %.

Инфляция и ценовая динамика

Несмотря на общее замедление экономического роста, инфляционные процессы в большинстве стран СНГ показали замедление. Рост потребительских цен за сентябрь 2025 г. (к декабрю 2024 г.) составил 4,8 % по СНГ, что ниже показателя сопоставимого периода 2024 г. (5,4 %). Темпы инфляции снизились практически во всех странах, что отражает завершение периода адаптации логистических цепей к новым условиям и постепенную стабилизацию ценовых процессов.

Динамика индекса потребительских цен по странам продемонстрировала значительную дифференциацию. Казахстан, ранее служивший примером

инфляционной стабильности, неожиданно показал значительный скачок до 10,0 % (против 6,6 % в 2024 г.), что требует специального внимания. Основными причинами скачка инфляции в Казахстане стали продолжающаяся волатильность валютного курса (тенге ослабел к доллару и рублю), передача роста цен на импорт из России через логистические каналы, а также ограничения на внутреннее производство отдельных товаров. В остальных странах инфляция находилась на управляемых уровнях: Беларусь – 5,8 %, Узбекистан – 5,1 %, Азербайджан – 3,5 % (снижение с 6,6 %), Россия – 4,3 % (снижение с 6,6 %), Молдова – 4,9 % (снижение с 6,5 %), Таджикистан – 2,2 %, Армения – 1,1 % (снижение с 2,3 %), Киргизия – 5,5 %.

Позитивная динамика инфляции в целом объясняется несколькими факторами. Индекс цен производителей промышленной продукции по СНГ снизился на 0,5 % (сентябрь 2025 г. к декабрю 2024 г.), что контрастирует с ростом на 6,7 % за аналогичный период 2024 г. Это снижение свидетельствует о завершении периода адаптации логистических цепей к санкционному окружению и стабилизации расходов производителей. Кроме того, денежно-кредитная политика в большинстве стран показала тенденцию к смягчению, хотя ставки остаются на исторически высоких уровнях.

Однако перенос инфляции остается сложным процессом. В большей степени инфляция стала определяться общемировыми трендами (увеличением стоимости транспортных расходов, страхового и финансового сопровождения внешнеторговых операций в условиях роста санкционных рисков), а не внутриэкономическими ситуациями. В условиях продолжающихся санкций инфляционное давление может возобновиться при любом расширении ограничений доступа к импорту или финансовым сервисам.

Денежно-кредитная политика и государственные финансы

В условиях замедления экономического роста и дифференцированных инфляционных процессов центральные банки стран СНГ осуществили неоднородную корректировку ставок рефинансирования. Азербайджан, Армения и Таджикистан снизили свои ставки, в то время как Беларусь, Казахстан, Киргизия, Молдова и Узбекистан ставки повысили. Россия осуществила снижение ключевой ставки с 21 % (конец 2024 г.) до 17 % (сентябрь 2025 г.), однако даже на этом уровне ставка остается исторически высокой и существенно превышает уровни ставок развитых стран.

По состоянию на сентябрь 2025 г. ставка Центрального банка России составляет 17 %, в Казахстане – 15,25 %, в Узбекистане – 13,5 %, в Беларуси – 9,5 %, в Таджикистане – 9,0 %, в Азербайджане – 7,25 %, в Армении – 7,0 %, в Молдове – 5,6 %. Сохранение высоких ставок в большинстве стран свидетельствует об осторожности монетарных властей относительно рисков

возобновления инфляционного давления и значительности долгосрочных неопределенностей в геополитическом контексте.

На фоне замедления экономического роста государственные финансы демонстрируют неоднородную динамику. В 1-м полугодии 2025 г. рост бюджетных расходов опережал рост доходной части в Азербайджане, Армении, Казахстане и России, приводя к расширению бюджетных дефицитов. В Киргизии, Молдове и Таджикистане доходы бюджетов росли быстрее расходов, обеспечивая сохранение профицитов. Агрегированный уровень государственного долга к ВВП составил 31,7 % по всем странам СНГ в 2025 г. (против 31,5 % в 2024 г.), при этом Армения, Казахстан, Молдова и Узбекистан показали рост долговой нагрузки на 1,9, 1,6, 2,5 и 0,6 % соответственно, в то время как Киргизия снизила долговую нагрузку на 4,6 % от ВВП.

Налоговые поступления в большинстве стран выросли по номиналу, однако в реальном выражении темпы роста замедлились. Рост налога на добавленную стоимость были выше среднего уровня по предыдущим периодам, что отражает давление спроса на потребительском рынке, однако корпоративные налоги показали более умеренную динамику, отражая давление на прибыльность предприятий в условиях замедления роста.

Рынок денежных переводов

Денежные переводы остаются критическим фактором для стран Центральной Азии и определяют значительную часть внутреннего спроса и платежеспособности населения в этом макрорегионе [Аксенова и др., 2025]. В Таджикистане поступления денежных переводов выросли на 40,6 % за девять месяцев 2025 г., достигнув 1333,6 млн долл., при этом 95 % переводов поступило из стран СНГ, из которых более 80 % – из России. Несмотря на санкционные ограничения на финансовые системы, объемы переводов из России продолжают расти, указывая на адаптацию к новым каналам передачи средств.

В Узбекистане общий объем трансграничных переводов от физических лиц (приток денежных средств от физических лиц, преимущественно мигрантов) в 2025 г. (десять месяцев) вырос на 30 % и составил 14,8 млрд долл., из которых 77 % (11,5 млрд долл.) поступило из России, что свидетельствует о сохранении значимости российского рынка труда. Для узбекской экономики доля денежных переводов в ВВП остается стабильной, на уровне примерно 17 %, что подчеркивает критическую важность этого канала для поддержания внутреннего спроса и потребительской активности⁷. Киргизия показала прирост денежных переводов на 20 %, до 272 млн долл. (из них 92,5 % – из России), при неизмен-

⁷ Статистический бюллетень Центрального банка Республики Узбекистана – 2025 год, сентябрь // <https://cbu.uz/ru/statistics/buletten/3181410/>, дата обращения 01.03.2026.

ной доле в ВВП на уровне примерно 24 %, что делает Киргизию одной из стран с наиболее высокой зависимостью от этого источника доходов⁸.

В Азербайджане произошло значительное падение денежных переводов — на 34 %, до 848,5 млн долл., при этом поступления из России упали на 50 %, достигнув 410,7 млн долл.⁹. Причина этого резкого падения кроется в санкционных ограничениях на финансовые системы, осуществляющие трансграничные переводы из России, в частности на систему «Золотая Корона». Однако влияние этого падения на общую экономическую ситуацию в Азербайджане смягчено благодаря значительным доходам от экспорта энергоресурсов и роста внутреннего производства.

В Армении произошло сокращение денежных переводов на 7 %, до 3963,9 млн долл., за период с января по сентябрь 2025 г., притом что поступления из России упали на 14,3 %, до 2571 млн долл. Вместе с тем поступления из США выросли на 4,5 %, достигнув 505,3 млн долл. Одновременно наблюдается сильный отток капиталов физических лиц в целях ведения бизнеса в Европу, ОАЭ, Китай и льготные налоговые зоны. Общий объем переводов за 2024 г. упал на 40 % по сравнению с 2023 г., что свидетельствует о глубоких структурных изменениях в миграционных и инвестиционных потоках из Армении¹⁰.

В Казахстане поступление денежных переводов за 10 месяцев 2025 г. составило 361,3 млн долл. (сокращение 5,4 %) к аналогичному периоду 2024 г. При этом поступление денежных переводов за 11 месяцев 2024 г. в сравнении с аналогичным периодом 2023 г. сократилось на 25 % до 36,18 млн долл., при этом объем переводов из России сократился на 44 %, что связано с санкционными ограничениями на системы денежных переводов¹¹. Для Казахстана данный источник не столь критичен, как для других стран Центральной Азии, однако его влияние на потребительский спрос в определенных регионах остается значимым.

Объяснение разнонаправленной динамики денежных переводов требует понимания сложного взаимодействия факторов. С одной стороны, санкционные ограничения на финансовые системы и платежные каналы действительно приводят к сокращению переводов в ряде стран (Азербайджан, Армения, Казахстан). С другой стороны, страны с наибольшей зависимостью от этих потоков (Таджикистан, Узбекистан, Киргизия) демонстрируют

⁸ Статистика денежных переводов. 2025 г. / Национальный банк КР // <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=129&lang=RUS>, дата обращения 01.03.2026.

⁹ Денежные показатели / Центробанк Азербайджана // <https://www.cbar.az/page-42/monetary-indicators?language=en>, дата обращения 01.03.2026.

¹⁰ Денежные переводы / Центральный банк Армении // <https://www.cba.am/en/statistics/money-transfers/24>, дата обращения 01.03.2026.

¹¹ Денежные переводы (международные и внутривосточные) / Национальный банк РК // <https://nationalbank.kz/ru/news/perevody-mezhdunarodnye-i-vnutristranovye/rubrics/2608>, дата обращения 01.03.2026.

рост денежных переводов, что объясняется адаптацией к новым каналам передачи средств, возможно, через неформальные механизмы (переводы по неофициальным каналам), а также ростом благосостояния части мигрантов (особенно занятых в сфере доставки — курьеры и сервисных отраслей) в России, несмотря на общее замедление российской экономики.

Внешняя торговля

Стоимостный объем внешнеторгового оборота товаров по СНГ снизился на 2,4 % за январь — август 2025 г. в сравнении с аналогичным периодом 2024 г. (без данных Туркменистана), экспорт снизился на 4,9 %, а импорт вырос на 1 %. Это замедление отражает стабилизацию торговых потоков после бурного роста 2023–2024 гг. и адаптацию к новым условиям функционирования внешнеторговой системы региона¹².

По странам внешнеторговая динамика остается максимально дифференцированной. Армения продолжает демонстрировать экстраординарные темпы снижения: экспорт за восемь месяцев 2025 г. сократился на 40,8 %, импорт — на 34,9 %. То есть наблюдалась кардинальная смена трека: после взрывного роста в 2024 г. — резкий спад в 2025 г. Отрицательный трек обусловлен в целом сокращением поставок российских драгоценных металлов и камней по схемам параллельного импорта драгоценных металлов и их последующего реэкспорта в ОАЭ, что после взрывного роста в 2024 г. практически лишает республику дополнительных доходов от участия в параллельном импорте. Потоки импорта и экспорта необработанного или полуобработанного золота выросли в 2024 г. в 13 раз, ювелирных изделий — в 10,3 раза. Совокупная доля указанных экспортных товарных групп составила 67,4 % от общего объема экспорта, из них на долю золота приходится 46,9 %, что полностью коррелирует с удельным весом ввозимого в республику необработанного золота в объеме 39,3 % от общего импорта. Это обусловило сокращение взаимной торговли Армении и России с 12 млрд долл. в 2024 г. на 50 %, до 6 млрд долл., в 2025 г. за первые восемь месяцев.

В Казахстане наблюдалось сокращение торгового оборота за 10 мес. 2025 г. на 37 %, экспорта — на 44,7 %, импорта — 31,2 %, что отражает стабилизацию рынков энергоносителей, снижение цен на нефть и газ и развитие альтернативных логистических маршрутов. Экспорт остается ориентированным на углеводороды, при этом объемы вывоза нефти и газа находятся на относительно стабильных уровнях при ценовом минимуме.

¹² Внешняя торговля товарами стран СНГ в январе — сентябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1169013/Внешняя+торговля+товарами+стран+СНГ+в+январе-сентябре+2025+года.pdf/ec4fcc5a-777a-ef3a-5774-daf3ce6e144d?t=1766411875727&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

Азербайджан также демонстрировал сокращение экспорта на 6,4 % в 2025 г. (за восемь месяцев), что обусловлено падением мировых цен на нефть и сокращением спроса. При этом импорт вырос на 17,9 %, что указывает на переориентацию потребления на импортные товары и наличие внутренних потребительских потребностей, несмотря на сокращение доходов от экспорта. За десять месяцев 2025 г. экспорт сократился на 4,5 %, импорт вырос на 14,5 %, совокупный оборот вырос на 3,6 %.

Экспорт Узбекистана вырос на 32,2 %, импорт – на 10,2 %, что обусловлено участием в параллельном импорте и расширением внутреннего потребления. Таджикистан демонстрирует значительный рост экспорта – на 29,3 %, обусловленный преимущественно расширением добычи и экспорта золота, при одновременном росте импорта на 13,3 %, что указывает на расширение внутреннего потребления и инвестиционной активности. Экспорт Киргизии сократился на 23,7 %, что было обусловлено в основном снижением объемов экспорта золота в Швейцарию, темпы роста импорта также снизились до 5,2 % после взрывного роста в 2024 г.

Молдова продолжила тренд к снижению внешнеторговых операций за восемь месяцев 2025 г.: экспорт сократился на 2,5 % при большом росте импорта – на 18,3 %. Основными причинами являются падение спроса на продукцию сборочных производств в ЕС, сокращение спроса европейских партнеров, минимизация торговли со странами СНГ и отсутствие значительного переориентирования на восточные рынки, в отличие от других стран региона.

В Беларуси усилия по поддержке внешнеторгового оборота позволили сохранить прежний уровень: экспорт сократился на 2,4 %, импорт вырос на 2,2 %, что обусловлено укреплением связей с новыми восточными партнерами и расширением взаимной торговли в рамках ЕАЭС и СНГ.

Товарная структура торговли по-прежнему отражает переориентацию на новые рынки и продолжающееся функционирование развитых схем параллельного импорта. Энергоресурсы остаются основным товаром экспорта для традиционных экспортеров (Азербайджан, Казахстан), спрос на них стабилизировался после периода волатильности. Драгметаллы расширяют долю в экспорте стран Центральной Азии, проходя через новые каналы сбыта (прежде всего ОАЭ и Швейцарию). Готовая продукция остается в стагнации вследствие ограничений на производство в России и других крупных производителях.

Инвестиции

Совокупный рост инвестиций в основной капитал составил 9,0 % за девять месяцев 2025 г., что близко к показателям 2024 г. (9 % за десять месяцев). Однако динамика по странам существенно различается. Таджикистан демонстрировал наивысшие темпы роста инвестиций, достигая уровней, указывающих на интенсивное капитальное накопление. Киргизия про-

демонстрировала рост инвестиций на 52,1 %, Узбекистан – на 31 %, Армения – на 15,9 %. В Азербайджане наблюдалось падение инвестиций на 3,9 %, что указывает на неуверенность инвесторов в экономической перспективе. Казахстан и Молдова показали умеренные темпы роста инвестиций в пределах 7–9 %, что ниже исторических уровней.

Источники инвестиций остаются традиционными: государственное финансирование программ развития инфраструктуры и социальных проектов, корпоративные инвестиции в релоцированный бизнес (особенно из России), расширение сферы услуг и предпринимательства на фоне роста деловой активности. Прямые иностранные инвестиции остаются на низком уровне, 1–4 % ВВП, что свидетельствует о сохранении недостаточности международного инвестиционного интереса к региону в условиях санкционной неопределенности.

Рынок труда

По оценке Статкомитета СНГ (без данных по Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану), общая численность рабочей силы в январе – сентябре 2025 г. составила 101 млн человек. Численность безработных в СНГ в этом периоде сократилась по сравнению с соответствующим периодом прошлого года на 14 % и составила, по оценке Статкомитета, 2,9 млн, или 2,8 % численности рабочей силы. Это улучшение отражает как расширение занятости в сфере услуг и государственном секторе, так и сохранение дефицита рабочей силы в ряде отраслей, связанного с миграционными потоками¹³.

Однако миграционные потоки остаются значительной проблемой для ряда стран, особенно Армении и Молдовы, где отток трудоспособного населения продолжается, несмотря на частичный приток релокантов из России. Для стран Центральной Азии миграция остается преимущественно внешней, ориентированной на российский рынок труда, несмотря на активные попытки диверсифицировать направления выезда мигрантов (страны ЕС, США, Южная Корея и т. п.), что сохраняет зависимость экономического роста и внутреннего спроса от экономической ситуации в странах приема мигрантов.

Перспективы развития

Развитие экономик стран СНГ в среднесрочной перспективе определяется совокупностью внешних и внутренних факторов. К положительным

¹³ Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе – сентябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report09-2025.pdf/714b722c-da52-dfd0-2b25-754ecd9da89b?t=1764326433279&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

факторам относятся адаптация экономик к санкционному окружению и развитие новых торговых маршрутов, сохранение высокого спроса на внешних рынках (особенно в странах ВТО, исключая ЕС), рост денежных переводов и потребительского спроса в странах Центральной Азии, инвестиционная активность, поддерживаемая государственным финансированием, и расширение взаимной торговли в рамках ЕАЭС и СНГ.

К отрицательным факторам относятся продолжающееся санкционное давление на Россию и риск расширения вторичных санкций на партнеров, замедление роста в России, которая остается доминирующей экономикой региона, высокие процентные ставки, сдерживающие инвестиции, волатильность валютных курсов и санкционные ограничения на финансовые операции, структурные проблемы в отраслях гражданского машиностроения и строительства и политическая нестабильность в отдельных странах.

По базовому прогнозу аналитических учреждений региона (включая Евразийский банк развития), совокупный рост ВВП СНГ в 2025–2026 гг. составит 2,9–3,1 %. Страны Центральной Азии будут продолжать демонстрировать высокие темпы роста, в пределах 7–11 %, при этом роль денежных переводов и государственной инвестиционной активности останется определяющей. Россия будет продолжать опыт низких темпов роста, на уровне 1–2 %, определяемых санкционными ограничениями и структурными проблемами гражданского сектора. Объемы взаимной торговли в 2025 г. превысят 100 млрд долл., что будет означать стабилизацию на достигнутых уровнях.

Заключение

Экономическая ситуация в странах Содружества в 2025 г. (за девять месяцев) характеризуется выраженной дифференциацией развития по странам. В то время как страны Центральной Азии продолжают демонстрировать высокие темпы роста ВВП, в диапазоне 7–10 %, Россия и Беларусь испытывают существенное замедление, до уровня 0,6–1,3 %, что существенно ниже имеющегося потенциала, обусловлено санкционными ограничениями, высокой стоимостью кредита и структурными проблемами в гражданском секторе экономики. В остальных странах СНГ темпы роста стали сокращаться на фоне исчерпания эффекта трансформации. Совокупный темп роста по Содружеству составил 2,2 %, что находится на уровне замедления, но остается положительным.

Основные источники экономического роста в регионе сохранили свою актуальность: внешнеторговая деятельность через созданные схемы параллельного импорта, денежные переводы от мигрантов (с дифференцированной динамикой по странам), государственное финансирование, развитие новых логистических маршрутов. Однако темпы их использования

замедлились, что отражает адаптацию к новым условиям и стабилизацию торговых потоков.

Инфляционные процессы показали положительную динамику замедления (4,8 % против 5,4 % в 2024 г.), хотя с выраженной дифференциацией по странам, включая скачок инфляции в Казахстане до 10,0 %. Денежно-кредитная политика большинства центральных банков остается относительно жесткой в условиях неопределенности, при этом ставки рефинансирования остаются на исторически высоких уровнях.

Риски для дальнейшего развития региона связаны с возможностью расширения санкционного давления на регион, продолжающимся ограничением доступа к технологическому импорту, волатильностью валютных курсов и нестабильностью политических ситуаций в отдельных странах. Вместе с тем региональные механизмы экономического сотрудничества (ЕАЭС, СНГ) и адаптивность национальных экономик позволяют поддерживать положительную динамику развития в среднесрочной перспективе, хотя и на более умеренных темпах, чем в 2024 г.

Список литературы

Аксенова Е. С., Андриянова М. С., Марьяшина У. В., Чернецов И. С., 2025. Анализ миграционных потоков из стран СНГ в Россию с использованием метода имитационного моделирования // Региональные проблемы преобразования экономики. 2025. № 5. Т. 175. С. 304–319.

Додонов В. Ю., 2025. Активизация внешней торговли стран СНГ в условиях санкционных ограничений // Проблемы национальной стратегии. № 3. Т. 90. С. 186–205.

Широв А. А., 2025. Российская экономика: изменение факторов роста // Проблемы прогнозирования. № 6. Т. 213. С. 8–20.

Внешняя торговля товарами стран СНГ в январе – сентябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1169013/Внешняя+торговля+товарами+стран+СНГ+в+январе-сентябре+2025+года.pdf/ec4fcc5a-777a-ef3a-5774-daf3cebe144d?t=1766411875727&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

Денежные переводы (международные и внутристрановые) / Национальный банк РК // <https://nationalbank.kz/ru/news/perevody-mezhdunarodnye-i-vnutristranovye/gubrics/2608>, дата обращения 01.03.2026.

Денежные переводы / Центральный банк Армении // <https://www.cba.am/en/statistics/money-transfers/24>, дата обращения 01.03.2026.

Денежные показатели / Центробанк Азербайджана // <https://www.cbar.az/page-42/monetary-indicators?language=en>, дата обращения 01.03.2026.

Макромонитор ЦР ВШЭ // <https://dcenter.hse.ru/macromonitor>, дата обращения 01.03.2026.

Основные социально-экономические показатели стран Содружества Независимых Государств в январе – октябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1169013/Основные+социально-экономические+показатели+стран+Содружества+Независимых+Государств+в+январе-октябре+2025+года.pdf/b534b1f3-de7a-9c8e-f626-066140243712?t=1766411846519&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе – сентябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report09-2025.pdf/714b722c-da52-dfd0-2b25-754ecd9da89b?t=1764326433279&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в январе – ноябре 2025 года // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report11-2025.pdf/f770ec4f-e888-9cd4-d31e-338ed5e95b3f?t=1769675739272&download=true>, дата обращения 01.03.2026.

Статистика денежных переводов. 2025 г. / Национальный банк КР // <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=129&lang=RUS>, дата обращения 01.03.2026.

Статистический бюллетень Центрального банка Республики Узбекистана. 2025 год, сентябрь // <https://cbu.uz/ru/statistics/buleten/3181410/>, дата обращения 01.03.2026.

Aza (Azganush) A. MIHRANYAN, PhD (Economics), Professor, Head of the Economic Research Sector CPS E. M. Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Head of the Economics Department of the Institute of CIS

Address: 32, Nakhimov Ave., Moscow, 117218, Russian Federation

E-mail: a.mihryan20@gmail.com

SPIN-code: 9433-7609

ORCID: 0000-0001-6014-5955

THE CIS ECONOMIES IN 2025: NEW TRAJECTORIES OF REGIONAL DEVELOPMENT

DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_114

Received: 10.03.2026

For citation: *Mihryan A. A.*, 2026. The CIS economies in 2025: new trajectories of regional development. № 1 (33). P. 114–129. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_114

Keywords: CIS economies, economic growth factors, shifts in foreign economic policy, industrial structural policy, migration, monetary policy.

Abstract

Economic growth across the post-Soviet space in 2025 remained uneven and fragmented, largely due to the slowdown of the Russian economy and ongoing geopolitical turbulence. The past year consolidated the key trajectories of the region's economic development. Foreign trade (parallel imports included), cross-border remittances, government financing, and logistics development remain as the main sources of economic growth in the region. The decline in their impact is due to adaptation to new conditions and the stabilization of trade flows. Stabilization in external sector indicates that the transformation of trade and logistics flows has reached completion, and the effects of their reorientation have largely run their course. Tight monetary policy constrained domestic demand and expanded import substitution strategies within the Russian segment. Geopolitical shifts in the South Caucasus reshaped the geography of foreign trade, reflecting a reorientation toward new markets and fluctuations in global energy prices. Meanwhile, deepening regional integration and a stronger collective identity in Central Asia generated new opportunities for its evolution as Eurasia's trade and logistics hub, alongside intensified competition among external actors seeking dominance through investment and trade policy engagement. Risk factors for the region's further development include a possible increase in sanctions pressure, continued high-tech imports restrictions, exchange rate volatility, and domestic political instability in several countries. At the same time, economic cooperation formats represented by the EAEU and the CIS and the adaptability of the region's states economies contribute to moderately positive development trends in the medium term.

References

Aksenova E. S., Andrianova M. S., Maryashina U. V., Chernetsov I. S., 2025. Analysis of Migration Flows from the CIS Countries to Russia Using the Simulation Modeling Method // Regional Problems of Economic Transformation. 2025. No. 5. Vol. 175. Pp. 304–319. (In Russ.)

Dodonov V. Yu., 2025. Activation of CIS Foreign Trade in the Context of Sanctions and Country Restrictions // Problems of National Strategy. No. 3. Vol. 90. Pp. 186–205. (In Russ.)

Shirov A.A., 2025. Russian Economy: Changing Growth Factors // Problems of Forecasting. No. 6. Vol. 213. Pp. 8–20. (In Russ.)

Foreign trade in goods of the CIS countries in January-September 2025 // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1169013/Внешняя+торговля+товарами+стран+СНГ+в+январе-сентябре+2025+года.pdf/ec4fcc5a-777a-ef3a-5774-daf3ce6e144d?t=1766411875727&download=true>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Money transfers (international and domestic) / National Bank of the Republic of Kazakhstan // <https://nationalbank.kz/ru/news/perevody-mezhdunarodnye-i-vnutristranovye/rubrics/2608>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Money transfers / Central Bank of Armenia // <https://www.cba.am/en/statistics/money-transfers/24>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Monetary indicators / Central Bank of Azerbaijan // <https://www.cbar.az/page-42/monetary-indicators?language=en>, accessed 01.03.2026. (In Eng.)

HSE CR Macromonitor // <https://dcenter.hse.ru/macromonitor>, accessed March 1, 2026. (In Russ.)

Main socio-economic indicators of the Commonwealth of Independent States countries in January-October 2025 // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1169013/Main+social-economic+indicators+of+the+countries+of+the+Commonwealth+of+Independent+States+in+January-October+2025+year.pdf/b534b1f3-de7a-9c8e-f626-066140243712?t=1766411846519&download=true>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Socio-economic situation of the Commonwealth of Independent States in January-September 2025 // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report09-2025.pdf/714b722c-da52-dfd0-2b25-754ecd9da89b?t=1764326433279&download=true>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Socioeconomic situation in the Commonwealth of Independent States countries in January-November 2025 // <https://new.cisstat.org/documents/20143/1045668/report11-2025.pdf/f770ec4f-e888-9cd4-d31e-338ed5e95b3f?t=1769675739272&download=true>, accessed March 1, 2026. (In Russ.)

Money transfer statistics. 2025 / National Bank of the Kyrgyz Republic // <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=129&lang=RUS>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Statistical Bulletin of the Central Bank of the Republic of Uzbekistan – 2025, September // <https://cbu.uz/ru/statistics/bulet/en/3181410/>, accessed 01.03.2026. (In Russ.)

Светлана МУДРОВА
Арман ТОГАНЯН

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Дата поступления в редакцию: 17.02.2026.

Для цитирования: *Мудрова С. В., Тоганян А. С., 2026. Теоретические основы международных миграционных процессов. – Геоэкономика энергетики. № 1 (33). С. 130–140. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_130*

Международные миграционные процессы в условиях глобализации мировой экономики и углубления неопределенности приобретают все более сложный и многогранный характер, который оказывает существенное влияние как на социально-экономические, политические, так и на демографические аспекты всех участников мировой экономики. За последнее десятилетие наблюдается существенный рост международных мигрантов в мире, что обусловлено рядом экономических (социально-экономическое неравенство, разрыв доходов, безработица, бедность и т. д.) и неэкономических факторов (военные конфликты, изменения климата и т. д.), которые влияют на направления потоков, характер и динамику международной миграции. Увеличение количества мигрантов, а также современные тенденции миграционных процессов (глобализация и регионализация, дифференциация и сегментация, феминизация, результативность и цифровизация) диктуют необходимость осмысления теоретических аспектов изучения данного феномена и регулирования миграционных процессов. В связи с этим особую значимость приобретают систематизация, комплексность и критический анализ существующих теоретических подходов к изучению международной миграции, начиная с классических моделей (Э. Ли, А. Льюис,

МУДРОВА Светлана Владимировна, доктор экономических наук, заведующая кафедрой политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. **E-mail:** mudrova.sv@rea.ru. **SPIN-код:** 7714-3400. **ORCID:** 0000-0002-3907-5371

ТОГАНЯН Арман Самвелович, ассистент кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. **E-mail:** toganyan.as@rea.ru. **SPIN-код:** 8532-5344

Ключевые слова: международная миграция, миграционные потоки, миграционные процессы, факторы миграции, регулирование международной миграции, денежные переводы, глобализация, регионализация.

М. Пиоре, И. Валлерстайн, Д. Массей) и заканчивая современными институциональными и сетевыми концепциями (Г. Шиллер, Х. де Хаас, Ж. Аттали, С. Морикони, Р. аль-Хашми). Выявленные в ходе анализа актуальные тренды миграционных процессов и комплексный характер происходящих в их рамках изменений способствуют полноформатному оформлению международной миграции и ее теории, ранее рассматривавшихся в рамках демографического процесса, в качестве обособленного и важного элемента переустройства глобальной социальной реальности.

Существующие теоретические основы изучения международных миграционных процессов формировались в рамках различных геоэкономических и геополитических условий, а также в рамках различных научных парадигм, отражающих эволюцию экономической мысли и расширение междисциплинарных подходов. Традиционные экономические модели рассматривали миграцию преимущественно как рациональный выбор мигранта, который базируется на различиях экономического развития, занятости и рынка труда. В дальнейшем были разработаны концепции, которые учитывали различные аспекты миграционных процессов, в частности роль домохозяйств, влияние глобальных тенденций, значение социальных сетей, роль институциональной среды, влияние денежных переводов и т. д. Разработка новых концепций, теорий, моделей была связана с появлением новых факторов, которые стали определять тенденции развития миграционных процессов в условиях их многогранности и зависимости от новых геополитических и геоэкономических реалий. Важными направлениями в миграционных исследованиях стали следующие направления:

- изучение интеграции и адаптации мигрантов в стране пребывания;
- влияние миграции на отношения между странами и региональными интеграционными объединениями;
- влияние миграции на развитие стран – доноров и реципиентов миграции;
- минимизация рисков в сфере миграции и т. д.

Основной фундамент для дальнейших исследований заложили миграционные теории XX в., среди которых можно выделить модель выталкивающих/притягивающих факторов Э. Ли, двухсекторную модель экономики и миграции А. Льюиса, теорию двойного рынка М. Пиоре, теорию мировых сетей И. Валлерстайна, теорию сетей Д. Массея и т. д.

Долгое время дальнейшие исследования в сфере миграции фокусировались на исследованиях факторов, влияющих на экономическую эмиграцию и на последствия иммиграции для обществ Глобального Севера. Согласно Х. де Хаасу, подобный односторонний подход препятствовал пониманию миграции как всеобъемлющего элемента глобальных трансформаций [*de Haas, 2025*]. Однако современная научная повестка исследования международной миграции диктует решительный переход к системному подходу,

который способствует систематизации разрозненных эмпирических данных и исследованию в единой логической структуре [Money, 2025]. Данный переход связан с увеличением количества мигрантов в мире с 154 млн чел. (1990 г.) до 304 млн чел. (2024 г.), с современными тенденциями в сфере миграции в мире, а также с усилением неэкономических факторов, влияющих на миграционные процессы¹.

На текущем этапе развития мировой экономики наблюдаются следующие тенденции в миграционных процессах, которые имели значительное влияние на увеличение количества мигрантов, на переосмысление концепций регулирования миграции и на переосмысление/дополнение фундаментальных миграционных теорий:

- глобализация и регионализация миграции;
- дифференциация и сегментация миграционных потоков;
- феминизация миграционных потоков;
- результативность миграции;
- цифровизация.

Глобализация и регионализация миграции имели существенное влияние на увеличение количества мигрантов с помощью создания возможностей и основ для усиления сотрудничества в сфере миграции между странами и объединениями, а также для совершенствования экономико-правовой базы в сфере миграции. Тем самым все больше стран стали активными участниками международных миграционных процессов. Х. де Хаас в своем исследовании «Теория миграции: соотношение стремлений и возможностей» отмечает, что увеличение миграции связано с расширением свободы и возможностей человека; тем самым миграцию следует трактовать как естественную часть процесса социального преобразования и расширения прав человека [de Haas, 2025]. Это требует от мирового научного сообщества перехода к изучению миграции как фундаментальной способности человека выбирать место своего проживания в глобальном пространстве, при этом ассоциируя миграцию не с нищетой, а со следствием развития человеческих возможностей. Аналогичного мнения придерживается также Ж. Аттали, который и вовсе внедрил в практику термин «номад» (кочевник), под которым понимается человек, который ведет кочевой образ жизни и не имеет привязанности к территории [Attali, 2009]. По сути, речь идет о концепции транснационального общества, которая получила активное развитие в исследовательских кругах в эпоху глобализации. Среди наиболее популярных теорий исследований в рамках концепции транснационального общества можно выделить синтетическую теорию Д. Массея, теорию транснациональной миграции Г. Шиллера, теорию миграционных сетей Тейлора и др.

¹ International Migration Flows. United Nations // <https://www.un.org/development/desa/pd/data/international-migration-flows>, дата обращения 17.01.2026.

Подход Д. Массея к миграционным процессам формируется в контексте его реляционной и синтетической теории пространства, в которой пространство понимается как продукт социальных отношений, миграционных процессов, исторических аспектов, а не как нейтральная физическая сцена действий. В этой связи миграционные процессы рассматриваются не просто как перемещение людей между странами и регионами, а как один из ключевых инструментов трансформации пространства [Massey, 2013]. В своей работе Д. Массей подчеркивает, что миграционные потоки глубоко встроены в геоэкономические и геополитические сети, которые были сформированы колониальной историей и из-за неравномерного развития мировой экономики. Кроме того, Массей ввел концепт «геометрия власти», который определяет, что разные социальные группы имеют разные возможности мобильности и по-разному включены в пространственно-временные потоки [Massey, 2018].

Г. Шиллер, Л. Баш и др. в своей теории транснациональной миграции рассматривают миграционные процессы как устойчивый социальный процесс, в рамках которого мигранты формируют и поддерживают множественные связи как в стране пребывания, так и в стране исхода. В отличие от классических теорий ассимиляции и интеграционных моделей, которые предполагают постепенное включение мигрантов в общество принимающей страны и ослабление связей со страной исхода, теория транснациональной миграции подчеркивает одновременную включенность мигрантов в несколько социоэкономических, политических и культурных пространств [Schiller, Basch, Blanc-Szanton, 1992]. В рамках теории транснациональной миграции вводится понятие «транснациональные социальные поля», в которых мигранты действуют как агенты/брокеры, которые связывают разные уровни отношений, от локальных до глобальных, и участвуют в различных процессах, в т. ч. экономических, политических и т. д. По сравнению с различными неоклассическими теориями миграции транснациональная теория миграции фокусируется не на индивидуальном решении мигрантов, связанном с выгодами и издержками, а на институциональных, сетевых и культурных возможностях миграции. Транснациональная теория миграции также подчеркивает роль трансграничных социальных пространств, смещая фокус миграционных исследований с национально-территориальной модели общества к многоуровневым социальным полям, в которых государственные границы и государственные институты перестают быть единственным определяющим принципом социальной организации.

Однако параллельно с глобализацией и регионализацией в современных миграционных процессах присутствует тенденция по дифференциации и сегментации, что часто определяет направления миграционных политик разных государств — реципиентов миграции. Сегментация может проявляться по критериям квалификации мигранта, страны происхожде-

ния, пола и т. д. в соответствии с целями государственной миграционной политики. Однако частым проявлением сегментации является критерий квалификации для трудовых миграционных потоков, поскольку страны – реципиенты миграции пытаются ограничивать низкоквалифицированные трудовые миграционные потоки, давая преимущество высококвалифицированным трудовым мигрантам, несмотря на то что в стране может присутствовать дефицит низкооплачиваемой рабочей силы. Это часто связывается с социальными и политическими аспектами общества, в котором низкоквалифицированные мигранты представляются в негативном ключе в смысле создания условий для демпинга заработной платы, безопасности и т. д. Тем самым ограничение потоков низкоквалифицированной миграции часто связано с политическими решениями на основе популярных решений в ущерб экономическим соображениям. Это подтверждается в исследовании С. Морикони, Г. Пери и др., в котором рассматриваются социально-экономические и политические последствия притоков мигрантов в зависимости от их квалификации [Moriconi, Peri, Turati, 2022]. Согласно исследованию, приток высококвалифицированных мигрантов часто имеет социальное одобрение общества, в то время как приток низкоквалифицированных мигрантов часто ведет к снижению солидарности граждан с государством.

Одним из ключевых исследований в вопросе селективной миграционной политики является исследование Р. аль-Хашми, в котором тенденция дифференциации и селективности рассматривается с точки зрения углубления глобального неравенства и устойчивого развития мировой экономики [al Hashmi, 2025]. Согласно Р. аль-Хашми, селективная миграционная политика фактически трансформирует социально-экономическое и географическое неравенство в легитимный критерий «допуска», замещая прямую дискриминацию на более технический и институциональный фильтр. В этой связи высококвалифицированные мигранты часто получают расширенный доступ к привилегиям, стабильному правовому статусу и долгосрочной интеграции, в то время как низкоквалифицированные мигранты исключаются из легальных каналов миграции или включаются в них на существенно уязвимых условиях. Таким образом, миграционная политика становится механизмом дифференцированного распределения возможностей на миграцию и на социальную мобильность в глобальном масштабе, что в результате закрепляет асимметричное распределение ресурсов между Глобальным Севером и Глобальным Югом.

Углубление социально-экономического неравенства между государствами привело к формированию тенденций феминизации миграционных потоков. Тенденция феминизации миграционных потоков определяется долгосрочным структурным изменением доли женщин и характером миграции в миграционных процессах. Следует отметить, что с конца XX в.

женщины стали выступать в качестве мигрантов (часто в качестве трудовых мигрантов), которые самостоятельно принимают решения о переезде. Ранее женщины часто выступали в качестве сопровождающего члена семьи мигранта. Доля женщин-мигрантов в миграционных процессах достигла 49 %, что говорит не только о качественном, но и о количественном изменении². Следует отметить, что женщины — трудовые мигранты эмигрируют из стран с низким уровнем дохода и часто концентрируются в низкооплачиваемых, нестабильных и слаборегулируемых секторах экономики, где трудовые и миграционные права ограничены. Часто они осуществляют трудовую деятельность по домохозяйству, уходу за детьми, пожилыми, т. е. становятся активными участниками так называемых глобальных цепочек заботы (англ. *Global care chains*). Однако, несмотря на социальную и экономическую значимость такой работы, во многих странах подобный вид трудовой деятельности не мониторится и остается вне стандартных трудовых режимов, что увеличивает уязвимость к эксплуатации, насилию и правовой неопределенности. Ситуация усугубляется еще и тем, что женщины-мигранты осуществляют незаконную трудовую деятельность в стране пребывания, что делает их еще более уязвимыми со стороны закона и не предоставляет никаких социальных и правовых гарантий и прав. Несмотря на недостатки женской трудовой миграции, следует отметить, что женщины стали важными отправителями денежных переводов, что подчеркивает их важность в поддержании семьи и экономики стран-доноров. Для стран — доноров эмиграции подобный «положительный» эффект приводит к социальным и индивидуальным издержкам в виде развития транснациональных семей. В целом феминизация миграционных потоков четко подчеркивает не только факт демографической и миграционной трансформации, но и факт глубокой трансформации мировой экономики, социальных отношений и т. д. Данные тезисы также находят свое отражение в работе Д. Аккоюн и З. Даламана, в которой подчеркивается, что труд женщин-мигрантов является экономически востребованным, однако правовая система не признает его в полной мере. Это приводит к разрыву между фактической интеграцией женщин в повседневную экономику и их исключением из формальных механизмов защиты [*Akkoyun, Dalaman, 2024*]. В своей статье авторы уделяют особое внимание также миграционному статусу женщин, работающих в домашнем секторе (на примере Турции). Авторы отмечают, что правовые режимы не являются гендерно нейтральными. Хотя миграционное законодательство формально не различает мигрантов по полу, на практике именно женщины концентрируются в тех секторах, где контроль слабее, а риски эксплуатации выше. В этом смысле феминизация миграции сопро-

² International Migration Flows. United Nations // <https://www.un.org/development/desa/pd/data/international-migration-flows>, дата обращения 17.01.2026.

вождается не расширением прав, а институционализацией нестабильности и зависимости. Феминизация миграции и другие тенденции взаимосвязаны также с тенденцией результативности, которая находит свое отражение как в странах – реципиентах миграции в качестве результата труда, так и в странах – донорах миграции в виде денежных переводов мигрантов. Денежные переводы мигрантов по сути являются для многих стран-доноров стабильным источником краткосрочного финансирования экономики. Инструментом повышения результативности является миграционная политика, которая формируется на базе целей в сфере миграции, будь то иммиграционные цели для стран-реципиентов или эмиграционные для стран – доноров миграции. В последние годы миграционные исследования в сфере результативности миграции нацелены на изучение миграционной политики национального уровня в целях оценки эффективности миграционной политики по достижению экономических, социальных целей политики государства. Основными причинами исследования результативности миграционных политик являются:

- рост количества мигрантов и усложнение миграционных процессов: современные миграционные процессы имеют более сложный и неоднородный характер (многоуровневые коридоры и т. д.), что требует оценки конкретных достигнутых результатов;
- общественное давление и политическая ответственность: эффективность миграционной политики стала предметом общественных дебатов, политической отчетности и т. д.

По сути, в последние годы миграционная политика многих стран-реципиентов в своей основе ставит общественное настроение общества, тем самым устанавливая краткосрочные ориентиры в вопросе регулирования миграции. Краткосрочность определяется тем, что общественные настроения зависят от изменений социально-экономических условий. М. Караммиа, С. Иакус в своем исследовании проанализировали миграционную политику через призму ее чувствительности и реакции на изменения общественных настроений и миграционной реальности [*Carammia, Iacus, 2025*]. В данном исследовании отмечается, что миграционная политика не может оцениваться исключительно по формальным целям или правовым установкам, поскольку она функционирует в условиях постоянного взаимодействия между фактическими миграционными потоками, восприятием общества и политическими решениями. В данном контексте результативность миграционной политики понимается не как разовое достижение цели, а как динамическая способность политики адаптироваться к изменяющемуся социальному контексту. Кроме того, результативность миграционной политики рассматривают в качестве инструмента влияния на общественные настроения. Политика идет в сторону ужесточения, если общество недовольно количеством мигрантов в

экономике. Это часто происходит без учета экономических последствий или спроса на иностранную рабочую силу. Тем самым даже в случаях, когда политика не приводит к существенному снижению миграционных потоков или к ожидаемым социально-экономическим эффектам, она может считаться результативной с точки зрения политической системы, если позволяет стабилизировать общественные настроения или снизить уровень политической поляризации. Таким образом, возникает разрыв между социальными, демографическими и политическими измерениями результативности, который часто остается вне поля зрения традиционных оценок эффективности. В итоге смысл результативности политики часто заключается не столько в полном контроле над миграцией, сколько в способности управлять ее последствиями и общественным восприятием. Это, в свою очередь, ставит перед миграционной политикой краткосрочные цели. Следует отметить, что часто ужесточение миграционной политики касается низкоквалифицированных трудовых мигрантов и не относится к высококвалифицированным трудовым мигрантам. Поскольку страны стремятся конкурировать в глобальной борьбе за таланты, в частности, из ИТ и высокотехнологичных отраслей, они тем самым создают разные упрощенные процедуры и селективные механизмы по контролю миграции. Многие страны для высококвалифицированных мигрантов из сферы ИТ создают статус цифровых кочевников (англ. *Digital nomad*), что позволяет данной категории мигрантов свободно и в упрощенном порядке жить и пребывать в стране, даже работая для иностранных компаний. Это, в свою очередь, в дальнейшем позволит приманить цифровых кочевников в целях долгосрочного пребывания и осуществления трудовой деятельности в компаниях страны пребывания.

Заключение

Подводя итог, отметим, что представленные выше тенденции и миграционные теории характеризуют реальную ситуацию в сфере миграции и миграционных процессах, которые активно изменяются, трансформируются ввиду различных экономических и неэкономических факторов. Тем самым создаются новые условия для развития международных миграционных процессов. Комплексный характер выявленных трансформаций и современных тенденций позволяет заключить, что международная миграция и ее теория окончательно переступили за рамки простого демографического процесса, превратившись в ключевой инструмент переустройства глобальной социальной реальности.

Список литературы

Akkoyun D. B., Dalaman Z. B., 2024. Exploring the intersection of legal regulations and feminization of migration: A focus on migrant women working in domestic services in Türkiye // *Migration and Diversity*. Vol. 3. No. 1. Pp. 11–27; <https://doi.org/10.33182/md.v3i1.3175>.

Al Hashmi R., 2025. Selecting immigrants by skill and global inequality // *Journal of Social Philosophy*. Vol. 0: 1–10; <https://doi.org/10.1111/josp.12605>.

Attali J., 2009. *A brief history of the future: a brave and controversial look at the twenty-first century*. New York: Arcade Pub.: Distributed by Hachette Book Group USA. 320 p.

Carammia M., Iacus S. M., 2025. Migration mood and policy responsiveness: a structural analysis of public opinion, policy, and migration flows in Italy (1990–2020) // *Journal of European Public Policy*. Vol. 33. No. 1. Pp. 74–104; <https://doi.org/10.1080/13501763.2025.2584564>.

De Haas H., 2025. Towards a global migration paradigm: And the imperative of ridding ourselves of the «push-pull» model // *Comparative Migration Studies*. Vol. 13. No. 1. P. 76. DOI:10.1186/s40878-025-00481-9.

International Migration Flows. United Nations // <https://www.un.org/development/desa/pd/data/international-migration-flows>, дата обращения 17.01.2026.

Massey D., 2013. *Space, place and gender*. John Wiley & Sons. 288 p.

Massey D., 2018. Power-geometry and a progressive sense of place // *The Doreen Massey Reader*. Agenda Publishing. Pp. 149–158. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781911116844.011>.

Money J., 2025. The Politics of Migration in the 21st Century: Employing Systemism to Advance Research Strategies // *Social Sciences*. Vol. 14. No. 2. P. 98; <https://doi.org/10.3390/socsci14020098>.

Moriconi S., Peri G., Turati R., 2022. Skill of the immigrants and vote of the natives: Immigration and nationalism in European elections 2007–2016 // *European Economic Review*. Vol. 141. P. 103986; <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.103986>.

Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C., 1992. Transnationalism: A new analytic framework for understanding migration // *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 645. No. 1. Pp. 1–24.

Svetlana V. MUDROVA, Doctor of Economics, Head of the Department of Political Economy and History of Economics, Plekhanov Russian University of Economics

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: mudrova.sv@rea.ru

SPIN-code: 7714-3400

ORCID: 0000-0002-3907-5371

Arman S. TOGHANYAN, Assistant of the Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: toghanyan.as@rea.ru

SPIN-code: 8532-5344

THEORETICAL FOUNDATIONS OF INTERNATIONAL MIGRATION PROCESSES

DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_130

Received: 17.02.2026

For citation: *Mudrova S. V., Toghanyan A. S., 2026. Theoretical Foundations of International Migration Processes. – Geoeconomics of Energetics. № 1 (33). P. 130–140. DOI: 10.48137/26870703_2026_33_1_130*

Keywords: international migration, migration flows, migration processes, migration factors, regulation of international migration, remittances, globalization, regionalization.

Abstract

In the context of globalization of the world economy and deepening uncertainty, international migration processes are acquiring an increasingly complex and multi-faceted nature, exerting a significant impact on the socio-economic, political, and demographic dimensions of all participants in the global economy. Over the past decade, the world has witnessed a substantial increase in the number of international migrants, driven by a range of economic factors (socio-economic inequality, income disparities, unemployment, poverty, etc.) and non-economic factors (armed conflicts, climate change, and others) that shape the direction, character, and dynamics of international migration flows. The growing scale of migration and contemporary trends in migratory movements (globalization and regionalization, differentiation and segmentation, feminization, efficiency and digitalization) necessitate a thorough reconsideration of the theoretical foundations for studying and regulating this phenomenon. In this regard, the systematization, comprehensiveness, and critical analysis of existing theoretical approaches – from classical models (E. Lee, A. Lewis, M. Piore, I. Wallerstein, D. Massey) to modern institutional and network concepts

(G. Schiller, H. de Haas, J. Attali, S. Moriconi, R. al-Hashmi) – are acquiring particular relevance. The analysis identifies current trends in migration processes and the multidimensional nature of the changes unfolding within them as contributing to the full-fledged conceptualization of international migration and its theory – previously treated as part of demographic processes – as a distinct and significant element in the restructuring of global social reality.

CONTENTS

EDITORIAL	4
GLOBAL AND REGIONAL ENERGY MARKETS	
OSTANIN-GOLOVNAYA V., BORISOVA M. <i>The Oil Factor in Indonesian-Saudi Relations at the Present Stage</i>	6
GLOBAL AND REGIONAL SYSTEMS	
KULIKOV A., NIKITIN E. <i>Regional Energy Integration in Southeast Asia: from Bilateral Projects to a Common Energy Market</i>	19
KRISHTAL I. <i>Structure and Dynamics of BRICS Trade in a Transforming Global Economy</i>	34
CURRENT TRENDS IN THE ENERGY SECTOR	
MARKAROV A., DAVTYAN V. <i>Energy as a Space of Pragmatism: the Evolution of Russian-Georgian Ties</i>	57
INSTITUTIONS AND LEGAL REGULATION	
AHMETOVA N., KRAMARENKO A. <i>Institutional Adaptation of Public Administration Systems to Climate Challenges and Low-Carbon Development: the Experience of Central Asian Countries</i>	73
EURASIAN INTEGRATION AND COMMON MARKETS	
KUZMINA E. <i>Economic Cooperation Between Belarus and CIS Member States After the Tightening of Sanctions</i>	91
MIHRANYAN A. <i>The CIS Economies in 2025: New Trajectories of Regional Development</i>	114
WORLD ECONOMIC RELATIONS AND ACADEMIC RESEARCH	
MUDROVA S., TOGHANYAN A. <i>Theoretical Foundations of International Migration Processes</i>	130

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, и данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция не ведёт переписку с авторами. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Геоэкономика энергетики» обязательна.

Научно-аналитический журнал «Геоэкономика энергетики»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75848
выдано 13 июня 2019 года

Возрастная категория: 16+

Подписной индекс 33321 на полугодие
в интернет-каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

ISSN 2687-0703

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ»
№ 1 (33) 2026

Издательство Института стран СНГ
Адрес издательства и редакции: г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3
Телефоны: (499) 799-81-49, (499) 799-81-62
E-mail: info@geoenergy-journal.ru
Сайт: <http://geoenergy-journal.ru>

Подписано в печать 26.03.2026.
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
Тираж по заказу. Заказ № 5/Е.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.

